

Артем Шумилин Серж Винтеркей

**Ревизор:
Возвращение в СССР 15**

**Серж Винтеркей
Артем Шумилин**

**Ревизор: возвращение
в СССР 15**

Серия «Ревизор», книга 15

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70372198

Аннотация

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжают. Одни искренне считают 17-летнего парня вундеркиндом, у которого великое будущее, и стремятся с ним подружиться, другие не прочь попытаться окоротить того, кого считают выскочкой. Ну а КГБ старательно ищет варианты, как завербовать Павла Ивлева...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	50
Глава 5	66
Глава 6	83
Глава 7	98
Глава 8	115
Глава 9	132
Глава 10	151
Глава 11	169
Глава 12	185
Глава 13	202
Глава 14	220
Конец ознакомительного фрагмента.	229

Серж Винтеркей, Артем Шумилин Ревизор: возвращение в СССР 15

Глава 1

г. Москва. Квартира Ивлевых.

Вернувшись домой, наскоро перекусил и собрался идти в соседний НИИ силикатов. Позвонил председателю профкома, чтобы убедиться, что он на месте.

– Борис Львович, добрый день, – обрадовался я, что сразу дозвонился, – Ивлев. Можно подойду минут через пять? Вопрос тут один появился.

Председатель профкома встретил меня на проходной. На его вопросительный взгляд я вынул из кармана несколько больших синих осколков.

– Говорят, это ваше? – спросил я.

– Откуда это у вас? – спросил он. – Впрочем, давайте ко мне в кабинет пройдем, чайку попьем с печеньем, там все и расскажите.

Хорошая у человека работа... сразу видно, свободного

времени вагон, можно чаи распивать с залетным лектором «Знания» по первой его просьбе...

Прошли к нему, я сел за стол, а он принялся хлопотать. Воду закипятил, печенюшки из шкафа достал и передо мной поставил.

– Дети во дворе колотят эту плитку, весь двор у наших домов усеян осколками, – начал рассказывать я, раз уж мы добрались до места. – Она взрывается очень эффектно. Ребятам весело, конечно, но с собакой по двору не пройти. Недавно субботник провели, более-менее убрались, но хотелось бы как-то прекратить всё это раз и навсегда.

– Вот уж эти шkodники, уже и в сарай наш пролезли, ничего от них не спрячешь, – посетовал Борис Львович. – Плитка это некондиционная. Лежит, вот...

– Откуда она? – поинтересовался я.

– Это для Ялтинской гостиницы Интурист партия. Хотели иностранцам пыль в глаза пустить.

– И как? – улыбнулся я такой откровенности. – Пустили?

– Конечно, пустили. С этой партией не получилось, так другую закупили.

Так... Что-то я перестал понимать, о чем идет речь. Разве они не сами ее сделали?

– В смысле, закупили? – спросил удивленно.

– В прямом. За валюту. – разоткровенничался он. – Весь институт ржал, когда нам эту партию привезли со словами, – «Сделайте что-нибудь!». А знаешь, как получилось? Целая

делегация поехала за границу материалы закупать, и переводчик, ведь, с ними был. Прямо на производстве закупаться решили, так дешевле. Ну им там образцы показывают и цены на них. А у них бюджет, дороже нельзя, а экономить можно, даже нужно, за экономию свободно конвертируемой валюты премии положены.

Ну вот, они увидели самую дешёвую плитку, на вид, красивая, то, что надо. И выписали её на весь бассейн и раздевалку. А там в таблице было название, была цена, всё на английском. Представь, наши читают: «Синяя роза», «Белая роза», «Красная роза», «Синяя роза больная», «Белая роза больная». Ну больная и больная, поди пойми этих капиталистов, – откровенно начал ржать Борис Львович. – Я сам эти документы видел! По школьному словарю, да, правильно перевели – «Синяя роза нездоровая». А по техническому-то все иначе звучит! «Синяя роза некондиция», понял!?

И профорг, от избытка чувств, подняв руки, с силой хлопнул по столу. И сам смутился – чай и у него, и у меня маленько разлился. Подхватился за полотенцем, вытер, потом воодушевлённо продолжил свой рассказ:

– Партию привезли, работать с ней начали, а она контраста температур не выдерживает, представляешь? Бассейн, душевые? Уж и так с производством заграничным пытались договориться, и саяк, заберите назад свою «больную розу». Нет и всё! Вам всё сразу сказали, в документах указали, что некондиция, скидку большую сделали. В договоре есть

пункт: возврату не подлежит. Будьте здоровы!

– Что ж за переводчик такой с ними был? – удивился я.

Борис Львович хмыкнул.

– Молчали они. Загадочно так молчали, когда мы спрашивали, как можно было поехать с переводчиком, не знающим технического английского закупать большую партию плитки за валюту. Остаётся только догадываться. Скорее всего, как оно обычно и бывает, кто-то за свою дочку попросил, чтобы она переводчицей поехала с делегацией... И настолько серьёзный это был человек, что плевать им было, что она в английском сама тоже «больная роза»!

Я тоже понимающе хмыкнул и кивнул. Ну да, поездка за рубеж, да еще и в капстрану... Почему бы какому-то высокому чиновнику приятное своей доченьке не сделать? А если еще та лишь формально иняз закончила... ведь все знают, как такие вот доченьки его заканчивают иногда, когда по кабинетам профессуры лично проректор бегают и зачеты с экзаменами ей в зачетку проставляет... то и вообще все полностью понятно с ее уровнем английского языка.

– Зачем, вообще, нужна была такая странная плитка с рельефом?

– Чтоб не скользила.

– И что, не получилось ничего с этой партией сделать?

– Там технологию при производстве нарушили. Мы своё заключение дали. Нужна температурная обработка. Но технически как это реализовать, не особо понятно. Купили её

за четверть цены, а до ума доводить слишком дорого, дешевле новую нормальную купить. Взяли, да и списали.

– И вам оставили, делайте что хотите?

– Она второй год там уже лежит. А куда её? Мы попробовали использовать её в уборной на стене. Но она лопается даже, если, просто, дверь хлопнет. Короче, зря мы с ней связались. Куски выпадать начали, переделывать всё придётся.

– Красивая, зараза, – взял я один из кусочков в руки. – Дорожку бетонную в деревне бы осколками украсить. Сверху в бетон вдавить, как думаете, будет держаться?

– Ой, сомневаюсь я, что стекло в бетоне будет держаться, да ещё на улице, – возразил мне Борис Львович. – Только время убьёшь. До первой зимы твоя красота продержится.

– А если в помещении? – не унимался я.

– В доме, что ли? – удивлённо посмотрел он на меня.

– Ну, да. Пол в туалете или ванной.

– Он же острый будет, босиком не встать. Нет. Я бы тебе не советовал.

– Эх, ну неужели, ничего придумать нельзя? – расстроенно спросил я.

– Можно, наверное, опытным путём что-то сделать. Мы же не знаем, что конкретно при производстве перепутали. У нас, на самом деле, многие пытались её, поначалу, в автоклавах нагревать при разной температуре, всё бестолку. Хочешь, вон, бери.

– А что, я бы забрал, или дети расколотят, или я куда-то

приспособлю, а не получится, то сам выброшу. Но хотя бы осколков на улице не будет, – задумчиво сказал я. – И как это сделать?

– Коробки не тяжёлые, но много в руках не унесёшь. На машине надо.

– Много их?

– Ну, пойдём, посмотрим, сколько там осталось, – хмыкнул Борис Львович.

Мы спустились вниз на вахту. Председатель профкома взял ключ и мы вышли на улицу, обошли здание института и подошли к уже знакомому мне одноэтажному кирпичному строению. В торце разбитое окно когда-то было заколочено фанерой, а сейчас она болталась внизу на одном гвозде.

– Вон там дети пролазят, – показал я.

– Угу. Скажу, заколотят, – кивнул Борис Львович, отпирая навесной замок на двери.

Мы вошли в сарай. На полу тут и там валялись пустые коробки, а справа от двери стройными рядами стояли полные коробки и частично надорванные.

– Детки уже постарались, – показал я на дыры в картоне и осмотрелся. – Да, много. Это они бассейн изнутри, что ли, собирались облицовывать?

– Не знаю. Думаешь, это много? Знаешь, сколько их было? Вот отсюда и до стены, – показал он чуть не половину всего сарая. – Это уже растащили.

– И сколько можно взять? – прикинул я количество остав-

шихся коробок.

А осталось ещё очень много коробок. Даже считать не стал. Навскидку, паллета два. В каждой продолговатой коробке пятьдесят плиток.

– Да сколько хочешь, столько и бери. Да хоть всю. Нам же легче! – махнул рукой профорг.

– Тут не просто машина нужна, а грузовик, – сказал я.

Борис Львович рассмеялся.

– Вот, у всех, поначалу, так же глаза разбегаются. Потом дома поэкспериментируют, и куда-то пропадают. Ладно, пойдём, домой уже пора. Как машину найдёшь, позвонишь.

– А можно я сейчас пару коробок возьму?

– Бери, конечно, – рассмеялся опять он.

Поспешно вернулся к рядам коробок с плиткой. Он там что-то говорил про белую розу, красную розу. Может, плитка разноцветная? Коробок было слишком много, чтобы все этикетки читать, а человек ждал меня. Взял сверху две первых попавшихся целых коробки, приподнял. Нормально, выдую. Халявная плитка всегда легче купленной, как бы это ни противоречило законам физики. Подхватил в обнимку и потащил.

Борис Львович всю дорогу надо мной посмеивался. А я над ним. Не хватило у вас у всех терпения, батенька. А я знаю, что с этой плиткой делать. Автоклавы у них, понимаешь... А надо было в кастрюле просто закипятить!

Весили коробки не так и много, меньше десяти килограм-

мов каждая. Правда, боялся, что они разорвутся по дороге и плитка высыплется на асфальт. Но всё обошлось, дотащил их без приключений.

* * *

Лубянка.

Капитан Румянцев постучался в кабинет подполковника Левина.

– Разрешите, Денис Дмитриевич?

– Заходи, Румянцев.

Левин стоял у окна, скрестив руки на груди. Высокий, худой, с большим лбом и залысиной на макушке. Большие глаза немного навывкате делали его взгляд тяжёлым.

– Денис Дмитриевич, Воронин указание дал, подготовить предложение по вербовке Ивлева, на которого вы отчёт подготовили пару дней назад, – капитан положил перед ним отчёт, чтобы подполковник быстрее вспомнил. Но тому хватило одного взгляда.

– Помню, помню. Крайне интересный молодой человек... И не менее интересная задачка. Сам что думаешь?

– Медовая ловушка – беспроигрышный вариант. Ивлев женат. Наделаем снимков и скажем, что жене покажем. А она у него в положении. Да и он сам понимает, что, начав карьеру с развода, сильно ею рискует...

– Не в этом случае, – возразил подполковник. – Это

не пройдёт с ним. Он хладнокровен, расчётлив, трезво мыслит в любой ситуации... Там зрелая личность, хоть и рано сформировавшаяся. Его на такой мякине не проведёшь.

– И что же делать? Даже не попробуем?

– Он слишком независим, так что это опасно для Комитета... Даже если и получится все, и соблазнится на девушку, то потом может какой фортель выкинуть... Специально согласится на сотрудничество, пару лет спокойно поработает, а потом, когда у тебя бдительность ослабнет, устроит тебе какую-нибудь гадость в ответ. И будешь потом думать, откуда прилетело? Тут надо на другом уровне вербовать, кого-то из сотрудниц подослать, обаять, влюбить и только потом вербовать. Подобрать по типу его жены кого-нибудь... Не так и сложно, распространённый типаж. Возьми кого из девушек, что для Латинской Америки на нелегальную работу готовили, но не срослось.

– Да вы что, Денис Дмитриевич? Это ж не дипломат американский. Это обычный советский пацан первокурсник.

– Обычный, да необычный. Был бы обычный, ты бы ко мне не пришел, верно?

– Верно то верно... – задумчиво ответил капитан, – но нет, не получится так. Медовую ловушку мы бы за несколько дней организовали и реализовали. Ключнул, в постель, фотографии... А тут серьёзная большая работа нужна. Никто нам такую операцию не согласует на собственного гражданина. Это ж на месяцы работы! Не, перебор.

– Согласен, перебор...

Они замолчали, обдумывая ситуацию.

– А если так, – оживился капитан. – Смотрите. Он же очень хочет работать в Верховном Совете. Устроить так, чтобы его оформлением занимался наш человек. Там кучу бумаг надо подписать, и когда всё уже будет подписано, подсунуть ему последний листок, и велеть оформить бумагу о сотрудничестве с нами. Мол, слишком молод, не член партии, сам должен понимать, что без оформленного сотрудничества с Комитетом Государственной Безопасности не сможешь ты у нас работать.

– Может сработать, – задумчиво проговорил Левин. – Он уже будет считать, что всё подписал, можно сказать, уже устроился. Все же везде согласовано... А тут раз, и ещё один маленький шажок надо сделать и без него никак. А он жене уже разболтал, что все проверки прошёл и устраиваться поехал... Да, скорее всего, и каким-то друзьям уже не удержался, похвастался. Да. Может сработать. Так, ещё раз. Он долго ждал, волновался, для него это очень важно, – моделировал ситуацию психолог. – Дома ждёт жена, тоже волнуется. Он всё подписывает и считает, что уже устроился на работу в Верховный Совет, уже ликует в душе. И вдруг надо сделать последний шаг, пусть неожиданный, но неизбежный. А иначе придётся вернуться домой ни с чем, и все планы и мечты коту под хвост... Представит, как жена расстроится, а ведь она беременна... Как стыдно будет друзьям смотреть в глаза,

перед которыми хвастался такой работой. Как они шутить над ним потом будут по этому поводу, если уйдёт из отдела кадров Верховного Совета несолоно хлебавши. Какой бы он ни был умный, но молодой же совсем пацан, жизни не знает. Да. Сработает.

– Отлично. Так и сделаем, – обрадовался Румянцев.

* * *

Галия была уже дома. Открыл при ней обе коробки, плитка синяя. Больная, – вспомнил я рассказ председателя профкома НИИ и рассмеялся.

– Короче, дорогая, там этой плитки море. Варить не переварить.

– Ура! – захлопала жена в ладошки.

– Что делаем, всю забираем? С запасом на всю оставшуюся жизнь?

– Давай, – охотно согласилась жена.

– Тогда придётся отвести приличный угол в комнате под неё, пока свой гараж не построим.

– Наплевать, – заявила она.

– И у нас грибок в квартире заведётся, если мы столько плитки у себя на кухне сварим...

– А мы у бабушек будем варить, сразу в бочке на костре, – начала фонтанировать идеями жена, так ей нравилась эта плитка.

Это я ещё не сказал, что, возможно, там и другие цвета есть.

Вечером к нам заглянул Брагин, попросил у нас стол и табуретки на праздник. Договорились, что перетащим все к нему сразу, чтобы завтра не возиться.

– А кто тебе будет готовить на такую толпу народа? – поинтересовался я.

– Отец предложил заказать всю еду в ресторане. Сами всё привезут с посудой, с вилками-ложками. У него все знакомые так делают.

– Хорошие знакомые у твоего бати, – заметил я, стараясь скрыть сарказм.

– Он ещё один стол завтра привезёт, два стула и табуретки. Сказал мне потом оставит, забирать не будет, – взволнованно поделился Костян, не заметив моего сарказма.

– Ну и чего ты тогда переживаешь? – не понял я. – Два стола вместе составим. И стульев с табуретками на всех хватит с нашими. На письменном поставим, что не влезет на составленные столы. Будем подъедать на основном, и туда переставлять блюда.

– Да я не из-за этого... квартира такая... Штор нет, мебели нет... Завтра парни наши приедут, девчонки Женькины... Женька сама. Она вряд ли увидит такую квартиру готова.

– На то оно и новоселье, – ответил я. – Вот, если ты пригласишь нас на десять лет совместной жизни со своей Жень-

кой, а у вас всё так же и останется, тогда да, можно и нужно переживать. Вопросы обязательно будут!

Мы перетащили с ним стол, разобрав его предварительно, потому что он в лифт не помещается в собранном виде. А тащить его по лестнице на девятый этаж совсем не хотелось. Потом он ещё раз заходил за табуретками.

– У меня завтра дела с утра, – предупредил я, передавая ему табуретки, – не знаю, когда освобожусь. Мы с женой можем слегка опоздать.

Брагин ушел, Галия буквально через несколько минут вернулась от соседки. Как в анекдоте вышло – я на пару минут к соседке, помешивай суп каждые полчаса! Уходила, говорила, что на минуточку, а задержалась там почти на два часа. Ну да, соседка у нас хлебосольная... Как сын еще не растолстел...

И тут я вспомнил, что так и не успел посвятить Галию в изменившуюся ситуацию с Брагиным. Хорошо, что вспомнил, а то все, что она знала, так это что он с Наташкой из Подольска встречается. Даже радовалась за них – мол, так удачно друг друга нашли! Забыл бы ей сказать, завтра бы неудобно получилось, когда бы Галия увидела, что он рядом с какой-то Женькой оттирается. Еще бы спросила его при ней, куда Наташка подевалась, обидевшись за такие дела... Нет, так-то она у меня девушка тактичная, но к чему провоцировать конфликтную ситуацию, держа ее в неведении?

Рассказал ей про изменения в личной жизни Брагина. До-

статочно откровенно.

– Жалко! – вздохнула Галия. – Наташа мне понравилась, какая-то она живая. И говорить с ней было интересно. Я уже надеялась, что она вскоре нашей соседкой станет. Ну ладно, поглядим завтра на эту Женьку. Может, с ней тоже удасться отношения нормальные наладить... Но надо же как все у них, как в книжках про девятнадцатый век – отцы сказали надо, и парень с девушкой тут же берут под козырек и готовятся идти в ЗАГС...

– А тебя, если бы Загит привел сына своего друга какого-нибудь, когда мы с тобой только начали встречаться, удалось бы вот так сходу поженить? – спросил я ее с усмешкой.

– И вроде умный, а ведь дурак! – фыркнула жена.

Вечером перед сном перечитал тезисы доклада, что буду делать завтра в Кремле. Стремно... Ведь наверняка найдется какой-нибудь замшелый идеолог, которого зло возьмет, что это не он до такой идеи додумался. Надо быть готовым к провокационным вопросам... Ну да ладно, где наша не пропадала!

Глава 2

Утро началось немного нервно. Выступление в Кремле обязывало. Я много чего в прошлой жизни повидал, это верно, но вот в Кремле ни разу не выступал. Да и Галия психовала по этому поводу, эмоционально заражая меня... Она ещё с вечера достала мой свадебный костюм и туфли. Когда она принялась завязывать на мне галстук, спорить не стал, сегодня надо. Не люблю я их и избегаю по возможности, но не тот случай... Красный, в коричневую полоску, в этом времени он считался хитом, а у меня вызывал только умиление. Узенький, синтетический. Помнил я, как в будущем такие галстуки в шкафах у стариков на выброс висели... Но где я сейчас найду крутой галстук из двадцать первого века? И более того, даже если пошив заказать по своему эскизу из шелка, он не будет считаться сейчас нормальной альтернативой этой узенькой синтетической полоске... Могут и за стилигу принять, что мне точно не надо...

Доклад у меня был давно готов. За пару шоколадок Галия отпечатала его в трёх экземплярах в секретариате Горного. Дома оставил, на всякий случай, самый слепой экземпляр для себя, мало ли пригодится, второй экземпляр Сатчану обещал для его райкомовской комиссии. А первый экземпляр взял на выступление, его придётся оставить, чтобы они его размножили.

Приехал раньше назначенного срока, позвонил Коннову, как договорились. Он велел мне, пока он будет за мной спускаться, оформить пропуск, там всё заказано.

Так и сделал, и когда в бюро пропусков мне просунули в окошко мой паспорт и только что оформленный пропуск, я услышал рядом довольное хмыканье. Обернувшись, увидел полноватого низенького мужчину, почти на голову ниже меня, лысеющего, но прикрывающего лысину длинной чёлкой. Мне сверху это было прекрасно видно.

– Примерно так я вас себе и представлял, – заявил он. – Ну, пойдём.

Привел меня в свой кабинет. Не очень большой. Массивный шкаф с книгами (БСЭ, мемуары различных советских политических деятелей, заметил и ту же книжку Жукова, что имелаась и у меня самого), стол буквой «Т» – можно проводить совещания для четырех человек, пять одинаковых стульев, бюст Ленина на столе, портрет Брежнева на стене. Строгие желтые обои, на мой взгляд, пора бы было и обновить. На мой взгляд, кабинет не такого и важного чиновника...

– Давайте доклад, Павел Тарасович, – сказал он. – До заседания еще полчаса, если что не стоит говорить, я сразу и вычеркну. Чтобы не создавать нам всем проблем.

Извлек папку с докладом из портфеля, а веревочку на ней он уже сам развязал, и открыл. Начал листать страницы. Управился всего за минуты три. Быстро читает. Остро за-

точенный простой карандаш держал в руках, но ни разу им не воспользовался. Лицо было неподвижным, за исключением бровей – они то немного поднимались, то опять опускались на свое место.

Захлопнув папку, протянул ее мне.

– Очень добротная структура... с цитатами не переборщили, четыре Маркса, Энгельса и Ленина, и две Леонида Ильича. С этой точки зрения никто не сможет придраться. И главное, что все к месту. Толковый доклад, помогал кто делать?

– Да нет, сам написал, – улыбнулся я.

Начал меня расспрашивать про жизнь. Как учусь, все ли устраивает в МГУ, как провожу лекции по линии «Знания», как реагируют трудящиеся, бывают ли провокации во время лекций на заводах и фабриках... Непонятно причем, то ли хотел меня получше узнать, то ли продемонстрировать, что многое обо мне знает... Или, вообще, рассчитывал от юного и неопытного студента компромата накопать на МГУ, общество «Знание» или какое-то предприятие, что я посещал?

Но я не был ни юным, ни неопытным, и никаких проблем, которых на самом деле видел множество, не поднимал. Очень хорошо охарактеризовал учебу, просто прекрасно – тех, с кем работаю по линии «Знания», как Константина Сергевича, так и своих коллег по МГУ, с которыми мы пока что только книги делили, и не рассказал ни про одну из тех проблемных ситуаций во время лекций, что у меня были.

А то знаю я, во что могут вылиться честные ответы в Кремле. Расскажу сейчас, что не устраивает в учебе в МГУ – этот деятель запросто использует эту информацию, чтобы наехать на университет. Свои какие-то цели преследуя, или просто прижимая, чтобы свое место знали. Вызовут ректора в Кремль, устроят ему головомойку, он вернется, вызовет своих подчиненных и потребует кровь из носа разузнать, кто такое мог про МГУ в Кремле наговорить. И уже скоро у него на столе будет лежать папочка с моим личным делом... Нетрудно догадаться, какая у меня после этого учеба в МГУ начнется сладкая... Только и буду на пересдачи зачетов и экзаменов бегать, пока не добегаясь окончательно... Устные зачеты и экзамены вещь непростая. Как там было в анекдоте, когда надо было завалить кандидата на работу: Скажите, когда была такая-то битва... Верно! А кто в ней участвовал?... Молодец, тоже верно. Ну а теперь перечислите, пожалуйста, всех погибших!

То же самое и по «Знанию»... Прилетит им, начнут выяснять, кто же мог такие интимные детали знать про их деятельность... Ах, некого Павла Ивлева недавно проверяли на предмет работы в Верховном Совете... Ну так больше его на порог не пускать!

Ну и по предприятиям, что посещал в рамках этих лекций... Стоит что сказать по одному из тех случаев, что свидетельствуют о плохой идеологической работе в коллективе, как прилетит и директору, и министру, что курирует это

предприятие. Вплоть до кадровых перестановок... Так, скажут выжившие чиновники, после того как пыль на поле битвы рассеется, и с чего это все началось? Были ли какие проверки, какие чужаки на данном предприятии? Ах, лектор по линии «Знания» приезжал! То есть, мы им заплатили, чтобы за наши же деньги нам жизнь испортили? Так скажите им, что ни одного больше лектора от них не примем, пока этот Павел Ивлев у них в лекторах числится.

Ну и еще один вариант. Мой собеседник явно прекрасно знает, что я устраиваюсь на работу в Верховный Совет. Эти расспросы вполне могут быть вариантом проверки. На личностную зрелость. Если начну на тех, с кем раньше работал, или про место, в котором учусь, компромат сливать, то ясно же, что буду то же самое делать, если меня взять на работу в Верховный Совет. Только там последствия таких сливов значительно пагубнее... Нет, не нужен нам такой незрелый сотрудник!

Так что я улыбался и говорил только хорошее. Послушать меня, нет в мире университета лучше МГУ, общество «Знание» работает, что швейцарские золотые часы, а идеологическая работа на предприятиях опережает самые смелые ожидания Политбюро. А мой собеседник в ответ на это улыбался еще больше моего. Словно не только мне, но и бюстику Ленина и портрету генсека тоже... И глаза довольно блестящие. Тоже, видимо, рад жить в стране, где все так хорошо отлажено...

А затем он сказал:

– Время! Выдвигаемся!

Привел меня в небольшой зал. Примерно на сорок посадочных мест, из которых занято было максимум тридцать. Никого моложе пятидесяти, на мой взгляд, там не было. И все с интересом на меня посматривают, кроме парочки, увлекшихся жарким спором.

Зал был такой... кремлевский! Все сиденья из красного бархата... не силен я в тканях, но что-то похожее на бархат. Много массивных деревянных лакированных конструкций, на возвышении еще три человека сидят за столом, рядом с ними стоит коричневая кафедра для выступлений. А за ней – большой стяг СССР.

Меня тут же пригласили за кафедру. Никого из сидевших в зале не узнал. Как-то рассчитывал, что здесь будет Межуев, но его не было. Ну да, в принципе, он не по этой части рассчитывает. Ладно, и сам справлюсь, без поддержки.

Сделал спокойно доклад, уложившись в указанную норму по времени. В зале помолчали. Потом сбылись мои ожидания о провокациях. Один из мужиков с переднего ряда, похожий на толстого откормленного суслика, задал вопрос:

– А скажите, молодой человек, не напоминает ли ваша инициатива с Бессмертным полком крестные ходы, которые до революции проводились по церковным праздникам? Тоже шли массы людей, и в руках держали изображения. Только не своих родственников, а иконы святых... Не подрыв ли

это партийной линии на борьбу с тлетворным влиянием религии на массы?

— Ну, в силу моего возраста я никак не мог ни видеть такие крестные ходы, ни принимать в них участие, — пожал я плечами. — Думаю, как и большинство населения нашей страны. Так что для них такое мероприятие однозначно не напоминание о религии. А ... — я сделал небольшую паузу и возвысил голос. — Память об отцах и дедах наших, что жизни своей не пожалели, сражаясь с коричневой чумой! Мы не имеем права забывать об этом подвиге, обо всех тяготах, что пережили те, кто жизни свои положил за родину. А вот если не будет хватать таких вот нацеленных на развитие патриотизма мероприятий, то не исключаю, что кто-то из наших сограждан потянется не только к религии, но и заинтересуется антисоветской пропагандой, которую денно и нощно распространяют враги-империалисты. А нам это, товарищи, думаю, что все со мной согласятся, совсем ни к чему!

Сусликообразный деятель аж дернулся, когда услышал последние фразы. Очень ему не понравилась моя речь. Зато большинство других начали довольно переглядываться. И ни одного вопроса мне больше не задали.

Вышли из зала мы вдвоём с Конновым.

— Молодец, очень уверенно выступил, — одобрительно покивал он головой. — Доклад оставь...

Протянул ему снова упакованный в папку доклад, он прижал ее локтем к себе. Довольно кивнув, сказал:

– Пойдём, я тебя выведу.

Он вёл меня коридорами с ковровыми дорожками мимо кабинетов с красивыми табличками, на которых золотыми буквами были указаны имена и фамилии, иногда, очень даже знакомые.

– Сейчас твой доклад, небось, обсуждают, – хитро улыбаясь, посмотрел он на меня.

– А что его обсуждать, – спокойно ответил я, – Там ничего нового. Об основных моментах ещё год назад газеты писали.

Такое ощущение создалось, что он меня специально провёл по этажам, то ли чтобы впечатлить посильнее, то ли на реакцию мою посмотреть. Ну не может быть выход из здания такой замысловатый, ни один пожарнадзор такого не допустит.

Все же Николай Сергеевич довёл меня почти до вахты, попрощался, как только появилась возможность установить визуальный контакт с дежурным милиционером на входе, а сам остался стоять у лестницы и наблюдал, как я покидаю здание. Не знаю, о чём он думал, но, когда я неожиданно для него оглянулся, прокручивая турникет, его постоянно улыбающееся во время нашей встречи лицо было необычайно серьёзно. Тоже мне, клоун, простачка из себя строит.

Вышел к метро и поехал сразу домой. Времени полно. И часа в Кремле не пробыл. Готовился, готовился... Ну, и ладно. Сегодня суббота, у Брагина новоселье, отдыхаем.

Галия уже в красивом тёмно-синем платье суетливо со-

биралась, а мне и переодеваться не пришлось, решили, что так и пойду, только галстук сниму. Пока она заканчивала ма-
рафет, решил позвонить отцу насчёт плитки. Рассказал ему
про историю покупки бракованной плитки для Ялтинского
интуриста и что его идея с трактирными стаканами срабаты-
вала.

– Плитка стабилизировалась за тридцать шесть часов, –
рассказывал я отцу. – Не стал в НИИ об этом рассказывать,
они разрешили мне остатки вывезти, а там её море.

– Да что ты думаешь, они сами до этого не допетрили? –
спустил меня с небес на землю батя. – Просто, говорить тебе
не стали. Мало тебя знают, чтобы так откровенничать. Себе
стабилизировали, сколько надо было. Ты говоришь, её там
море?

– Осталось море. А был океан, – задумчиво ответил я. Ну
да, я гуманитарий... откуда мне знать технические тонко-
сти...

– Ну, вот.

Если так подумать, то есть в словах отца резон. Ка-
кой смысл сотрудникам НИИ мучиться, стабилизировать
огромную партию кустарным методом? Никто же, наверня-
ка, не предлагал им промышленное оборудование для этих
целей приобрести. Ну, получили бы они за этот подвиг гра-
моту... А так отписались – мол, никак не смогли, полный
брак, не спасти эту плитку... А потом, когда документаль-
но все оформили, все, кто хотел, себе накипятили бесплат-

ной импортной плитки в автоклавах, сколько надо. А потом специально сделали так, чтобы пацаны могли проникнуть внутрь и забрать сколько-то. Спросят если, а где некондиция? Простой ответ: – детвора повиытаскала! За это может пострадать только сторож, а не плитковарители... Да на деле и сторожа не тронут, некондицию же дети перебили... И все счастливы.

– Пожалуй, ты прав, – согласился я. – Но, пока они не передумали, давай, вывезем остатки. Там много, мне одному столько не надо. Ещё Петра позову на помощь, рано или поздно, они с Инной получают же квартиру. И надо подумать, где автоклав купить или напрокат взять. Потому, что вываривать дома, очень плохая затея, плесенью вся квартира зарастёт.

– Ну, давай, – оживился отец. – Когда ты хочешь?

– В будни надо, когда там председатель профкома на работе.

– Ну, договаривайся, если что, я сразу подъеду. Тормознем грузовик за пару бутылок, погрузим, развезем. И, кстати, насчёт автоклава. У Инны спроси, в больнице, может, спишут один?

– Ага, прекрасная идея. Тогда, до следующей недели, – попрощался я.

Батя молодец! Очень конструктивно мыслит. Если удастся с Инны автоклав стясти для нашего общего плиточного дела, то это будет просто великолепно. Хоть какой-то вклад

сделает сестричка в обмен на возможность бесплатно импортной плиткой разжиться на будущий ремонт...

* * *

Николай Сергеевич, взглянув на часы, набрал номер. Межуев в это время точно должен вернуться. Так оно и оказалось.

– Владимир Лазоревич? Да, да, Коннов тебя беспокоит... Устроил я проверку боем твоему бойцу, как ты просил... Мои впечатления? Понимаю теперь, что ты в нем нашел... Борзой... и умный. Выступает как умелый революционный оратор, за словом в карман не лезет. Не будет делать глупостей, далеко пойдет. Боец, в самом деле. Как он сегодня Пылаева отшил, ты бы слышал... Тот со своей обычной глупостью полез, решил его прощупать. Прощупал, на свою голову. Пацан его отбрил так, что разговоров теперь на неделю будет... Что, зря нажил себе врага? Сключный? Нет, не сключный. Такого врага, как Пылаев, любой умный человек, просто общаясь с ним, немедленно наживет. Да и никто его теперь всерьез не воспринимает. Тесть-то его от дел отошел месяц назад, нет нужды его глупости больше терпеть... не будет у нас скоро больше никакого Пылаева... Поедет он поднимать поголовье оленей в солнечную Якутию. Уж больно всех замучил за предыдущие годы...

Собрались мы с женой немного раньше двух, но решили уже не ждать, а сразу идти. Вдруг, Костяну с его новой девушкой помощь какая нужна. Галия готова была и к готовке подключиться, но я-то знал, что это не понадобится.

Думали с женой, что первыми гостями будем, но, оказалось, что Витя с Машей там чуть ли не с самого утра.

– Мы старшие по танцам! – восторженно заявила Маша после первых радостных объятий с Галией.

Витя заморочился, привёз целую музыкальную систему. Костян с восхищением наблюдал, как Витя выставляет колонки в комнате, подключает. Ребята приехали со своими пластинками, так что танцы у нас будут зашибись.

Брагин-старший тоже был уже здесь.

– Лев Борисович, добрый день, – поздоровался я и представил ему жену.

Знакомясь с Галией, он заметил её интересное положение, был сама любезность и, вообще, поглядывал на нас всех с явным удовлетворением. Похоже, мы ему понравились, и Витя с Машей, и мы с Галией. Посчитал, что мы достойная компания его сыну. Посмотрим на него, когда остальная наша братва приедет.

Наши парни и девушки появились с разницей буквально в минуту.

– А мы за вами от метро шли! – басил Булатов. – Ещё гадали, наши девчонки, не наши.

Судя по улыбающимся лицам, все были приятно удивлены, и девушки, и наши парни.

Но Евгения меня убила. Пришла и села. Ни встать рядом со своим Костей, типа, будущим мужем. Ни изобразить из себя хозяйку. Нет, конечно, внешне девочка хорошенькая, природа не обидела, всё при ней, но смотрел на неё... ведет себя предельно инфантильно. Костян ведомый, и эта такая же. Что за семья у них получится? Обоим надо пинков давать, чтобы шевелились. Кто этим будет заниматься? Но, ладно, жираф, в смысле папа, большой, ему видней.

Столы уже были сдвинуты и застелены скатертью. Выставлены были бутылки, кувшины с напитком, тарелки, приборы, рюмки, стаканы, салфетки – всё путём. Значит, повар из ресторана уже здесь. На чём же он бедный работает? Если столы все уже здесь?

Оказалось, ему поставили на кухне письменный стол Костяна. В принципе, правильно решили, больше места будет в комнате. Но одного стола ему было явно мало, он занял даже подоконник.

Нас было пятнадцать человек с генералом. Не свадьба, конечно, но тоже хлопотно.

– Вам помощь нужна? – спросил я повара.

Невысокий шустрый парень, рыжий и в веснушках, лет тридцати пяти испуганно посмотрел на меня. Подумал,

что ли, что я так претензию к скорости его работы высказал?
— Давайте, мы отнесём на стол, если что-то уже готово. — поспешил успокоить я его.

Видимо, ему предстояло выполнять ещё и роль официанта, потому что он замахал на меня руками и заверил, что сам со всем справится.

Ну, ладно. Хотел помочь. Но мелькнула интересная мысль, так, значит, в СССР, всё-таки, существует нормальный сервис. Надо поговорить с генералом, интересно, сколько стоит такое удовольствие.

Вернувшись в комнату, обнаружил Галию, Евгению и Машу, сидящими рядом. Девушки, похоже, обсуждали общие темы. Четырёх подружек Евгении развлекали Женя Булатов, Ираклий, Сёма Давыдов и Лёха.

Ираклий подвинул Витю у проигрывателя и поставил что-то очень зажигательное. Девчонки потащили пацанов танцевать, шум, смех. Хорошо, что комната полупустая. Стол поставили напротив двери, а у окна осталось прилично места для дивана и танцев. Дальний от двери угол заняла тумбочка с проигрывателем.

Генерал, стоя у двери, смотрел на нас всех с улыбкой, весь его вид говорил: и не хочется уходить, а надо. Остаться с нами он не стал, видимо, решил не смущать молодёжь.

Жаль, хотел с ним поболтать. Попрощался и закрыл за ним дверь, а Костя и не заметил, что отец ушел. Судя по довольному лицу генерала, его полностью устроило, что

сын активно общается со сверстниками, а не бегает вокруг него.

Пока мы тусили во второй части комнаты, повар справился с работой и ловко потащил с кухни блюда с закусками, накрывая стол. Сразу по три таскал, виртуоз.

Отозвал Костяна, что-то уточнил и скрылся на кухне.

– Прошу всех за стол! – перекрикивая музыку, пригласил нас Костя.

Глава 3

г. Москва.

Дважды повторять не надо было. Время обеда, да ещё всё так вкусно и красиво на столе. Булатов взял на себя роль тамады, регулировал тосты. Женя сидела рядом с Костей, но никак не было заметно, что они пара. Он сам по себе, а она сама по себе, хотя и сидели рядышком. Да любой из наших парней, даже интеллигентный и влюбленный в Светку Лёха, больше внимания и интереса проявлял к своей случайной соседке. Я уже молчу про меня с Галией и Витю с Машей.

Эх! Не всё благополучно в Датском королевстве, – промелькнула у меня мысль. – Рядом с Наташей из Подольска Костя себя совсем иначе вел... А уж как она на него реагировала!

Повар выносил ещё салаты, потом горячее, потом сладкое. Стол у Брагина превзошёл все, даже очень смелые, ожидания. Под такую шикарную закуску даже никто не напился. Хотя, у Брагина на балконе стояло и про запас...

* * *

Галию очень интересовала новая девушка Брагина. В перспективе она рассчитывала подружиться с ней, стать если

не закадычными подругами, то, хотя бы, добрыми соседями. Прожив почти год вдали от родителей, Галия очень отчётливо ощутила, как важно иметь надёжное плечо рядом. Может, ты и не обратишься никогда за помощью, но то, что тебе, в принципе, есть к кому обратиться, делает жизнь гораздо легче и спокойнее. А в свете того, что скоро появится малыш, помощь будет нужна и часто. Галия прекрасно понимала, что муж слишком занят и физически не будет успевать сидеть с ребёнком, когда ей надо будет куда-то отлучиться.

Но, проведя несколько часов с Женей, Галия осознала, что тут в плане дружбы и взаимовыручки ловить совершенно нечего.

Начать с того, что они с Машей поразились категоричному заявлению новой подруги, что сама готовить она после замужества не собирается.

– Есть повара, пусть они и готовят, – заявила Женя.

– Но не известно же, как сложится жизнь, – возразила ей Галия. – Может, у тебя денег не будет на повара.

– Почему? – не поняла её Женя.

– Потому. Нет денег и всё, – посмотрела на неё, как на дурочку, Маша.

– Есть родители, будет муж, – пожала плечами Женя. – Будут деньги.

– Ой, не знаю, – переглянулась Галия с Машей. – У меня Паша крутится, как волчок целый день, я работаю, а повара на каждый день позволить себе не можем. Да я и для гостей

сама готовлю.

– И мы с бабушкой сами готовим, – подтвердила Маша. – Помощница, максимум, овощи начистит, там, или рыбу. Если и готовит всерьез, то изредка, когда много гостей собирается.

– Делать вам нечего, – брезгливо поморщилась Женя, представив себе чистку рыбы. – Ещё и работать?

– А как не работать? – почти хором спросили её девушки.

– Очень просто. У меня мама не работает, – заявила Женя.

– А как же стаж для пенсии? – ошарашенно переглянулась с Машей Галия.

– Ну, вы сами должны понимать, что есть пути... – улыбаясь, ответила та. – Где-то всё равно оформлена, хотя бы на полставки, а работает и деньги получает другой человек.

– Ничего себе, – удивилась таким хитростям Галия. – И ты тоже так планируешь? – спросила она Женю.

– Точно работать не буду, – уверенно ответила та.

– Но, послушай, – возразила ей Галия. – А вдруг, что случится с мужем, а у тебя дети? Как ты будешь жить?

Вопрос остался без ответа. Маша незаметно за спиной Жени махнула на неё рукой, показывая Галие, мол, без толку объяснять.

Но Галия все же попыталась найти хоть что-то общее и хорошее в потенциальной будущей соседке.

– Ты, наверное, хочешь дома сидеть, чтобы книжки чи-

тать? – спросила она ее. Авось, Женька заядлая читательница не от мира сего, и с ней хоть хорошими книгами меняться можно будет в будущем.

– Ох, ты знаешь, нет в этих книгах ничего интересного! – манерно махнув ручкой, сказала та. – Я не хочу быть, как некоторые, изображающие, что вот прямо вне себя от чтения. Я точно не читатель...

Правый глаз у Галии нервно дернулся. Сидеть дома, не работая, и не любя читать книги??? Да она бы через пару дней уже на стенку бы полезла с воем от скуки...

* * *

Прекрасно провели остаток дня, наболтались от души с парнями. Всё время не выпускал бокал с вином из рук, ни у кого и мысли не возникло, что я не пью. Просто, нам ещё вечером в деревню ехать. Курятник зовёт. И Галия всю плешь проела, что котик, наверное, уже нагулялся и домой хочет. Ну-ну. В его возрасте, под магией весны, да когда полно очаровательных кошечек вокруг? У самурая нет цели, только путь...

Часов в семь улизнули с вечеринки, отозвав Брагина в сторонку и поздравив с новосельем ещё раз.

Уже в дороге жена меня ошарашила, что эта Брагинская Женька дура-дурой. Так и сказала. Они весь вечер с Машей с ней проболтали. Ну, если так... бедный Костя. Даже рас-

строился из-за него, жаль парня.

— Дорогая, — пришла мне в голову мысль. — А не может это вам показаться, из-за того, что вы с Машей старше её на два года? Всё-таки она нам с Костяном ровесница. Может, надо делать поправку на возраст?

— Хорошо, если так, — ответила жена. — Но не так и велика разница в возрасте. Не двенадцать же ей лет, чтобы не понимать, как жизнь устроена. Манерная дура, которая считает, что весь мир ей всем обязан. Слуг ей подавай и повара на каждый день, представляешь? Она вообще, знает, что революция победила в 1917 году? И людей с такими вот замашками из их уютных особняков-то повыгоняли!

Чувствовалось, что она серьезно разочарована. А я понял, что Женька ее реально разозлила. Чтобы моя достаточно тактичная женушка кого-то, впервые увиденного, так беспощадно раскатала, впервые вижу, если честно.

Бедного Тузика на заднем сидении накрыло раскладушкой, которую я поставил сзади, и он сидел там всю дорогу, как в норе. Бабушки ещё в прошлые выходные велели вернуть им, хотя бы, одну раскладушку, а то нашему трудовому десанту на девятое мая не хватает спальных мест. Брагин нам нашу раскладушку вернул, когда ему батя диван подогнал. Так что, у нас осталось ещё две штуки.

Приехали в десятом часу, нас уже никто и не ждал, но собрались быстренько стол накрыть.

— Не надо, не надо! Мы с новоселья, — запротестовали мы

с женой.

Ограничились чаем и посиделками с обменом новостями. Пётр ещё утром приехал. Улучив момент, позвал его на улицу, хотел с ним обсудить вывоз плитки из НИИ. Вовлекать всю компанию в обсуждение деталей не считал нужным. А то с бабушек еще станется предложить приехать в город плитку таскать... Они такие!

– Слушай, давай на твоей машине всё и перевезём, – предложил он. – Сделаем несколько ходок, ничего страшного. Кстати, я могу на мотоцикле приехать, ещё и в коляску напихаем.

– Раз пять ездить, наверное, придётся, – прикинул я.

– Ничего, зато грузить будем с перерывами. А не сразу большую машину загрузи, потом тут же разгрузи. Шофер будет зудеть над ухом, как комар!

– Батя ещё обещал помочь.

– Он тоже на машине?

– Пока нет. Физической силой будет помогать. Если всё получится, плитку эту надо будет до ума довести. Ей нужно тридцать шесть часов термической обработки при ста градусах. Надо будет Инну просить сделать нам автоклав в больнице.

– Да сделает, думаю. Какие проблемы? Даже я могу у нас в санчасти попросить. Нам на какой срок надо?

– Нам навсегда надо. Сначала я буду по одной-две коробки целыми сутками прогревать, потом батя, потом ты. Бо-

юсь, нам ещё и мало будет одного автоклава.

– Да уж... Ну, давай, правда, сначала вывезем, потом будем насчёт автоклава думать.

– Сможешь в среду со службы после обеда удрать? – поинтересовался я у Петра.

– Думаю, да, – ответил он.

– Отлично. Ты же, только, Инне раньше времени не говори. Вот, будет уже плитка у нас, тогда и покажешь.

На том мы и договорились. Приеду завтра домой, батю предупрежу и дело сделано. Ну, почти.

С утра помогал бабушкам переносить ящики с рассадой на отмокку с южной стороны дома. Каждый день её, оказывается, туда-сюда таскают. Утром вынесут, полиют как следует, рассада целый день на солнышке. А на ночь в дом заносят.

Керамзит Трофим не успел достать. Пришлось нам в воскресенье ограничиться только стропилами, да успели обшить потолок снизу один раз. Дед посоветовал ещё раз обшить поперёк. Теплее будет и керамзит в щели не высыплется. Разумное предложение, имел я как-то раньше дело с керамзитом. Прибитые доски рассохнутся, и в щели он и посыплется, это верно...

Кота Галия не нашла. Говорит, вроде, видела его издали. Она позвала его, но он только на мгновение остановился, оглянулся и дальше побежал.

Бабушки решили тот участок, что в прошлом году Михай-

ловы нам по дурости своей перепахали, засадить картошкой.

– Вот, приедете на девятое, поможете перекопать и посадить, – заявила Никифоровна.

– После таких трудов баня нужна будет, – вспомнил я, как мы мылись из ведра на улице. Девушке такой вариант не подойдёт. – Можно будет с соседями, с Ольгой и Валентином, договориться?

– Думаю, да, – ответила бабушка. – А если сами воду натаскаем и топить сами будем, то, вообще, без проблем.

– Ну, естественно, мы сами воду натаскаем.

– Тогда, считай, будет баня, – пообещала мне бабушка.

– Может, нам десятого с утра пораньше в Москву вернуться? – представил я как после физической работы и бани за руль садиться. – Переночуем спокойно и утром вернёмся.

– Смотрите сами, – пожала плечами бабуля. – Мы, конечно, рады будем, если задержитесь...

По дороге домой предложил жене такой вариант. Она обещала обсудить с Ксюшей. А я заглянул сразу по приезду к Ивану. Он сказал, что ему не принципиально, когда в Москву возвращаться. Я так и думал, в общем-то.

В понедельник в универе прошло несколько мероприятий, посвящённых Девятому мая. Большая фотовыставка на первом этаже и собрание в актовом зале. После торжественной части награждали победителей различных внутривузовских соревнований, которые, оказывается, были посвящены Великой Победе.

После пар сразу от метро пошёл в гараж и подогнал машину к дому. Потом бегал по магазинам, закупал пиво трёхлитровыми банками, мясо взял на рынке. Торт еще прихватил на всякий случай. Забыл спросить у бабушки, будут ли они делать. Но если и сделают, оба слопаем, народу много.

Галия, вернувшись, затеяла целый противень ёжиков из фарша с рисом.

– Да как мы их повезём? – забеспокоился я.

– В кастрюлю переложу, ничего страшного, доедут.

– Там бабушки, небось, наготовят горы всего.

– Еда на природе лишней не бывает, – категорично заявила мне жена. – А мы не нахлебники, чтобы с пустыми руками на праздник приезжать.

Это, она, конечно, погорячилась. Из моих трофеев, добытых по линии общества «Знания», мы уже заранее собрали тяжелую сумку всякого популярного дефицита от отечественной баночки с икрой до всяких венгерских и болгарских солений, которые зайдут на «ура». Было в ней и спиртное. И это помимо подарков на девятое мая! Но, в представлении моей жены, приехать на праздник к родственникам, расположенным не так и далеко от нас, следовало также по возможности с чем-то приготовленным своими руками. Традиция, которая и мне нравилась. Есть в ней что-то уютно-семейное. Не будь она беременна, и слова бы не сказал против...

Часам к семи подъехала Ксюша. В лёгких светло-голубых

брючках и белой блузке с кружевами. Вся такая нарядная и воздушная.

– Ты рабочее что-нибудь переодеться взяла? – спросил я первое, что пришло в голову, когда я представил девушку на пашне.

– Взяла, взяла, – ответила она. – И сапоги взяла. Видишь, сколько вещей получилось?

И правда, Ксюша приволокла четыре сумки. Можно подумать, на неделю ехать собралась.

– Пойдём, сразу в машину отнесём, – предложил я.

Иван подтянулся почти сразу, шум за дверью услышал и выскочил узнать, пора выходить, не пора?

Познакомили их с Ксюшей. Оба засмутились, Ксюша вообще в другую сторону отвернулась. Но смущении смущением, а у Ивана как-то и глаза сразу зажглись, как система наведения на цель. Нормальная реакция для одинокого мужика при виде красивой девушки рядом. Увидев это, я понял, что самый болезненный период после измены Лины у него уже позади. Отлично! Может, что-то у них и сладится.

Иван сразу со мной напросился сумки в машину таскать.

– Раз, все уже в сборе, то может и поедем? – предложил я.

– Сейчас, я ёжики перекладываю, – отозвалась жена.

Мы с Иваном вышли на улицу, захватив оставшиеся вещи и пса. Осталось только девчонок дожидаться с кастрюлей. Пока я рассовывал сумки, Иван выгуливал Тузика на поводке, чтобы пёс не удрал.

– Так, а что это за девушка? – спросил, как бы между делом, Иван.

– Я ж говорил, начальница Галии, художница.

– Художница? – удивился Иван. – Ничего себе. Ну по ней видно, творческая такая...

Усмехнулся про себя, взглянув на него краем глаза. Похоже, я не ошибся, и она ему понравилась.

Тут вышли девчонки. Ксюша держала кофтой кастрюлю за ручки.

– Давай, вперёд её ставь, – открыл я дверцу машины. – Вань, ты впереди сядешь, кастрюлю тебе под ноги поставим, больше некуда.

Девчонки в середину сзади посадили пса и сами уселись.

– Ты ж, только, не тормози резко, – проговорил Иван, открыв крышку кастрюли и облизнувшись. – Жалко будет такую вкуснятину перевернуть, – взглянул он на Галию и сел в машину.

– Не бзди, Каштанка, я – Дубровский! – жизнерадостно пробормотал я. Еле слышно, а то он еще не так поймет и обидится. А настроение у меня было – великолепное, нечего и другим его портить! Надоело мне пешком ходить подолгу да ждать общественного транспорта. Привык за десятилетия вождения – сел в машину, и вскоре уже на месте.

– Что ты сказал? – не расслышал Иван.

– Говорю, все будет хорошо!

Поначалу, он пытался мне подсказывать, следил за сосед-

ними полосами при перестроениях.

– Пол не продави, – пошутил я, видя, как он напряжён. Не умеи бы я водить хорошо, мог бы и смутиться, видя, как он вцепился в ручку двери, а ногой «давит на тормоз» изо всех сил.

Но постепенно он успокоился, доверился мне, и к концу поездки уже болтал с девчонками, обернувшись вполоборота.

Ксюша его явно заинтересовала. Но её такое внимание смутило, она всю дорогу помалкивала и отвечала только, если её лично о чём-то спрашивали.

В деревне нас встретили накрытым столом. Бабушки суетились у стола, Трофим сидел в сторонке, чтобы не мешаться, а Инна разводила всех по комнатам. Нам предстояло две ночи спать в одной комнате с Иваном, во второй комнате расположатся Галия с Ксюшей, в третьей Жариковы, в четвёртой бабушки. Нам с Иваном, естественно, досталась проходная комната.

В двух сумках Ксюши оказались не вещи, а еда. Она, солидарная в душе с Галией, напекла оладушек на завтрак, печенья, нажарила котлет, привезла баночку с маринованными грибами и баночку сметаны.

– Кто ж в деревню со своей сметаной ездит? – смеялся над ней Трофим, наблюдая, как она разворачивает угощения. Но тембр голоса у него был одобрительным – оценил старания гостыи. И она не смущалась, поняла это.

Ну а Иван... Взгляд у него был очень довольным, это точно. Мужики легко влюбляются в красивых девушек, но, если они еще и хозяйственные... Это же джек-пот!

Ещё чуть позднее приехал на мотоцикле Пётр. Этим вечером отдыхали, пили пиво и настраивались на завтрашний ударный день.

– Только бы погода не подвела, – радостно поглядывала на Ксюшу и Ивана Никифоровна, посвящённая в наши замыслы свести их. Она их самолично рядом посадила. – Ну, дети, за вас и вашу дружбу.

Неоднозначный тост, – посмеялся я про себя. – Многозначительный. А Никифоровна молодец – не знакома ни с Ксюшей, ни с Иваном, но ей достаточно наших слов, что люди они хорошие, но одинокие. И им надо немного помочь.

– А мы уже цыплят купили, – похвасталась довольная Инна. – Такие хорошенькие, маленькие.

– А где ж они? – поинтересовался я. – Они ж пищать, вроде, должны.

– В курятнике в большом ящике на ночь, – пояснил Трофим. – Зря, что ли, утепляли. Сеткой накрыл, чтоб ни кошка, ни хорёк не пролезли. И лампу над ними повесил для тепла.

– Она что же, всю ночь гореть будет? – удивилась Ксюша.

– Первое время да. Им тепло надо.

Девчонкам понадобилось непременно, прямо сейчас, пойти в курятник смотреть цыплят. Дед повёл их на экскурсию. Пришлось нам с Иваном идти их сопровождать.

Писк слышали ещё на подходе. Дед с гордостью показал загон полтора на полтора метра. Стены его были завешаны старыми половиками, а сверху лежала металлическая решётка. Почти до самой решётки свисала яркая лампа.

– Ковры им повесили, – улыбаясь, заметил я.

– Это от сквозняков, – важно объяснила Инна. Словно с самого детства лично цыплят выращивала. Ага, как же...

Насмотревшись на птенцов и наслушавшись их писка, пошли обратно. Тузик, увязавшийся с нами, не хотел уходить, так его цыплята возбудили, аж скулить начал.

– Вот, вам теперь хлопот, – заметил я, сочувственно глядя на бабушек, когда мы вернулись за стол. – Утром на улицу вынеси, на ночь занеси.

– Не, на улицу, пока, рано, – ответил дед. – Подрасти им сперва надо.

Остаток вечера просидели за столом, болтая обо всём на свете.

Ксюша начала общаться с Иваном после похода в курятник. Посмотрела, с какой детской непосредственностью он птенцов разглядывал, не скрывая интереса и любопытства, и немного расслабилась. Возможно, поняла, что свой, потомственный москвич, похожий на нее саму, и для него тоже все это вокруг – экзотика.

С утра, хоть и сегодня 9 мая, совершенно особый день, опять буднично выставлял рассаду на солнышко. К десяти собрались на центральную усадьбу, там должны были про-

ходить праздничные мероприятия. Умудрились в машину сесть впятером и на мотоцикл вчетвером. Со мной в машине на переднем сиденье поехала Инна, сзади Галия и бабушки. Ксюшу посадили в коляску мотоцикла, Трофим сел сзади Петра, а Иван как-то умудрился доехать на коляске, согнувшись над Ксюшей в три погибели.

Хотя, я предлагал за ним вернуться и сделать вторую ходку.

Часов до одиннадцати потусили на «Красной площади» — так местные называли площадь, где у них сельсовет, там же автобус останавливается, там же Сельпо, почтовое отделение, библиотека и аптека. Короче, вся цивилизация. Там же и официальные мероприятия у них проходят и праздничные концерты.

Видели опять родню Никифоровны. Они нас в гости звали, но нам было некогда. Мы даже на концерт оставаться не стали. Работа стоит.

Вернувшись, поздравили бабушек и Трофима, вручили подарки и пошли сажать картошку. Погода не подвела.

Трофим настоял, чтобы после зимы пашню ещё раз вспахать. Без нас приезжал вчера утром трактор. Свежие борозды оказались довольно высокими, ноги утопали в пашне. Пришлось всем надеть резиновые сапоги. Дед учил нас правильно раскладывать картошку в междурядья и засыпать. Ксюша с Галией раскладывали, а мы с Петром и Иваном закапывали кто чем, граблей на всех не хватило. Такой способ

оказался очень экономным в плане трудовых затрат. Получилось управиться до трёх часов дня. Думал, дольше возиться будем. Правда, Трофим велел оставить две борозды под капусту и прочую рассаду.

После обеда часик передохнули и пошли с парнями копать огород. Расширять бабушки его не стали, по одной грядке под огурцы, лук, морковь, свеклу и ещё что-то. Там, вообще, за час втроём управились и пошли к соседям воду в баню таскать.

Уже после бани сидели у нас во дворе всей большой компанией. Соседей, естественно, позвали, которые нас в баню пустили, жарили мясо и слушали соловьёв.

Допили пиво, кто-то пил и что покрепче. Войну вслух не вспоминали, но через раз пили за мирное небо над головой и за тех, кто там остался.

В моём первом детстве часто слышал от старшего поколения «лишь бы не было войны», но не особо понимал всей глубины этих слов. А потом, после краха СССР, и вовсе вскоре говорить так перестали. Рынок поставил на грань выживания, не до того стало...

Наши старики, пережив весь ужас войны, хотели уберечь нас от этого кошмара, не делились страшными воспоминаниями, не объясняли мотивы своих решений и поступков. А зря...

Мы перестали их понимать и забыли главный урок, которое выучило их поколение: лишь бы не было войны. И нача-

лись войны – между Арменией и Азербайджаном, гражданские в Приднестровье и Грузии, а потом и Чечня подтянулась...

Сидели долго, съели уже и мясо, и пирожки, но, всё равно, никто не расходился. В кирпичках поддерживали костёр, он мне напомнил вечный огонь.

– Спасибо вам, что приехали, помогли, – сказала, вдруг, Никифоровна и пустила слезу.

– Ну, ну, Ань, ты чего? – всполошилась бабушка.

– Так, вспомнилось, – Никифоровна махнула рукой, мол, ничего страшного.

Повисло тяжёлое молчание. Соседи наши Ольга с Валентином, моложе наших стариков, но в войну уже взрослыми были, может даже, и воевали. Иван ребёнком был, но тоже много чего в памяти, судя по всему, осталось. Но тишину нарушать никто не стал...

– Поздно уже, – сказал Трофим, – давайте на посошок и спать.

Глава 4

Подмосковная деревня Коростово.

Встали в шесть утра. Не спеша позавтракали, собрались и поехали домой. Ксюшу высадили у метро. Сразу, как попал домой, попробовал дозвониться до отца, но он был в ванной. Попросил Киру передать ему, что жду его звонка.

Скоро он перезвонил, договорились, что сразу после работы он едет ко мне. Если что-то поменяется, я перезвоню ему на кафедру.

Итак, осталось только договориться с Борисом Львовичем. Ему позвонил уже в большом перерыве между парами, попросил разрешения приехать за плиткой сегодня после трёх часов. Он разрешил, опять откровенно веселясь над моей затеей.

Сразу же перезвонил Петру, подтвердил сегодняшнее мероприятие и уточнил, сможет ли он приехать? Он с энтузиазмом подтвердил, что будет обязательно. Ну, вот и подходит к своему завершению первая фаза операции «роза на стекле». По которой нужно раздобыть плитку для последующей обработки. Про вторую фазу даже и думать не хочется. Сколько же придется с этой плиткой возиться, чтобы привести ее в норму! Но глаза боятся, а руки делают.

В университете, глядя на Брагина, думал, стоит ли поговорить с ним о впечатлении, которое о его Женьке сложилось

у наших девчонок. Но поразмыслив, решил дать ей ещё один шанс... Возможно она дурака валяла, значимость свою хотела поднять, болтая с девчонками, или попросту дурачилась.

Может, она сама сейчас сидит и локти кусает: дура я дура, зачем надо было такую комедию ломать? Теперь расскажут Косте, какая я буду никакая жена и хозяйка...

После пар сразу ринулся в сторону дома. От метро направился сразу в гараж и перегнал машину к дому.

Не успел разогреть себе обед, как услышал во дворе, как подъехал мотоцикл. Выглянул в окно, точно, зять. Добавил в кастрюльку ещё пару половников супа.

Пока мы с Петром обедали, подъехал отец, посадили обедать и его.

– Разморило от еды, сейчас бы на боковую, – заметил, потягиваясь батя. – А Галия молодец, вкусно готовит.

– Кстати, да, – спохватился Пётр.

– Я ей передам, – пообещал я. – Ну что, по коням?

– Да, поехали, – предвкушая достойное приобретение, довольнo потёр руки отец.

И только тут вспомнил, что зять понятия не имеет, что мы собираемся сейчас вывозить. Достал у Галии из заначки шесть плиток.

– Вот это да! – удивился Пётр, раскладывая плитки на столе. – Никогда таких не видел. Это куда?

– Покупали на пол, но, думаю, можно и на стены. Какая разница? – спросил я, глядя на отца.

– Тут миллиметров семь толщина, – взял одну плитку отец в руки. – Толстоваты, конечно. Но, думаю, можно и на стены.

– Клей бы хороший достать, – задумчиво проговорил я.

– Можно похимичить, в раствор что-нибудь добавить, – ответил батя. – Посоветуюсь с Наумычем, он, наверняка знает.

– Ну, тогда всё. Пошли, – скомандовал я.

Отец сел ко мне в машину, а Пётр ехал за нами. Припарковались у ворот. Заехать было нельзя, только калитки открыты. Пошёл на вахту звонить секретарю профкома.

Борис Львович вышел довольно скоро. Взял ключи от сарая и ворот и повёл меня на задний двор вокруг здания НИИ, всё так же посмеиваясь. Но когда он увидел, какой представительной делегацией мы приехали и когда я познакомил его с отцом и Петром, он посмеиваться перестал. Похоже, догадался, что мы тоже знаем секрет стабилизации «больных роз».

А мы загнали транспорт поближе к двери сарая и начали таскать коробки. Носили по две, чтобы не упахаться слишком быстро. Батя подносил к выходу, Пётр к машине, а я укладывал, стараясь распределять вес равномерно по машине. Всё-таки, каждая коробка весит под десять килограмм. Бате под ноги вперёд поставил шесть коробок вплотную к сиденью. Укладывая плитки, поглядывал на этикетки, ни белого, ни красного не попалось. Ну и ладно.

Перешли к мотоциклу. Сказался навык игры в тетрис,

уложил внутрь двадцать коробок и на сиденье ещё четыре. Больше грузить побоялся. Какая грузоподъёмность у коляски?

Прикинув, сколько коробок осталось, раза три съездить придётся.

– Мы вернёмся через полчаса, – подошёл я к Борису Львовичу. – Ещё ходку сделаем.

– Конечно.

– Хотите, оставьте мне ключи, чтобы не возиться с нами.

– Ничего, мне не трудно, – заверил он меня.

Ну нет, так нет.

Мы выехали с территории НИИ, и он закрыл за нами ворота. Порядок есть порядок.

Возле дома выгрузили сначала всё перед подъездом. Потом Пётр заносил коробки на площадку первого этажа, батя ставил их в лифт, нажимал кнопку третьего этажа, я лифт наверху освобождал и отправлял обратно на первый.

Забил коробками всю площадку на этаже. Пётр решил по лестнице подняться, не смог на этаж пройти.

– Иди на второй этаж и поднимайся на лифте, – сказал я ему.

– Там Тарас ещё последние коробки грузит, – побежал Пётр вниз.

Затащив коробки в квартиру, мы чуть живые спустились вниз и поехали обратно в НИИ.

– О, как вы быстро, – заметил Борис Львович. – Полчаса

даже не прошло.

– А вы нас тут ждали, что ли? – поинтересовался я.

– Ну, да.

– Второй раз, боюсь, так же быстро вернуться у нас не получится, – заметил отец.

Председатель профкома всё время находился рядом и пускать процесс на самотёк он, явно, не собирался. Ну, тогда – пусть ждёт.

Мы уложили ещё столько же коробок и повезли их ко мне. Попалось несколько коробок с белой плиткой. Не стал акцентировать на этом внимания, её мало, две коробки это всего квадратный метр. Максимум на контрастную полосу где-нибудь в ванной хватит. Иногда это очень даже в тему...

– У тебя дома есть, где коробки складировать? – поинтересовался я у отца по дороге.

– Да откуда. Думал, у Наумыча в подвале пока сложить.

– Хочешь, пусть у меня пока лежат, – предложил я. – Пока мебель не купим.

– Давай. Так даже лучше будет, – согласился отец.

Разгружали так же быстро, но устали гораздо сильнее.

– Последний раз, мужики. Загрузим и передохнём, – подбадривал я их, когда мы спускались, перетаскав все плитки в квартиру. Уже Галия пришла и сразу взялась готовить нам что-то вкусненькое. Попросил у неё маленький презентик из дефицита собрать мне с собой для председателя профкома НИИ.

Борис Львович во второй раз ждать нас не стал, пришлось бегать за ним на вахту. Он опять запустил нас на территорию и открыл сарай. Мы вынесли всё, даже рваные и неполные коробки. Батя даже трудолюбиво россыпь с пола собрал. Попалось с пару десятков коробок красной плитки и ещё штук десять белой.

– Ну вы молодцы, конечно, – сказал профорг. – Как Маймай прошёл.

Я решил, что это намек, и принялся действовать.

– Это вам за беспокойство, – вручил я Борису Львовичу палочку копчёной колбасы и две баночки с импортными овощными консервами.

Не угадал. Он этого, явно, не ожидал, приоткрыл сумку и, увидев содержимое, поднял на меня удивлённые глаза. Все же иногда привычки из двадцать первого века меня подводят. В СССР далеко не всегда люди рассчитывали получить презент, даже за серьёзную услугу... Так что профорга я явно удивил. Но отказываться он не стал, что хорошо, а то мог и обидеться...

– Спасибо, – протянул я ему руку.

– Не за что, – немного растерянно ответил он. – Попробуйте погреть плитку при восьмидесяти градусах в течении часов тридцати. Духовку на самый маленький огонь, но не спешить с нагревом, первые минут тридцать с приоткрытой дверцей.

Ёперный театр! Так просто?! А я варил...

– Спасибо. Огромное. От всей души, – искренне поблагодарил я его несколько раз.

– А я тебе сразу сказал, – усмехнулся отец на обратном пути. – Всё они прекрасно просчитали. Возиться не захотели.

– Так, нас Галия ещё ждёт, стол там накрывает, – напомнил я, когда мы подъехали к дому. – Петь, ты сразу заберёшь часть плитки? Есть, где хранить?

– Ну, был бы уже гараж... У нас комната маленькая... Пусть, у вас, пока, полежит. Как только гараж построю, сразу вывезу.

– Ладно, тогда, таскаем, – ответил я.

Последняя партия была чуть меньше предыдущих. Никто нас не ждал, не торопил, мы её без спешки занесли, уложили.

– Да уж, – глядя на эту кучу коробок, сказал я. – Планировали летом ремонт у бабушек, удобства хотели в доме сделать. Начну, тогда, для них плитку греть.

– Идите за стол, – позвала Галия и мы поспешили на кухню, а она ушла на урок к художникам, напомнив мне, что меня тоже ждут.

– Под такую бы закусь пятьдесят капель, – устало сказал отец и я поставил на стол початую бутылку коньяка.

Мы с Петром пить не стали, ему ещё в Мытищи возвращаться, а мне ещё машину в гараж ставить.

– Что у вас с ГСК, – поинтересовался я у бати. – Дело движется?

– Там не всё так просто, – ответил он. – Но председатель профкома очень активно подключился, он оформлением занимается, а мы списки желающих составляем.

– Насчёт Галии выяснил, надо ей трудовую в институт переносить?

– Точно. Забыл совсем. Надо.

– Ну, ты её в списки-то включи, а трудовую она принесёт, – попросил я, а сам подумал, как лучше это сделать? Наверное, лучше через Ксюшу, пусть она сама в кадрах всё оформит. В комитете комсомола, лучше, о Галие не напоминать. Работает, и пусть работает. Тем более, что она реально свои полставки по-честному отработывает. И главное, что ей даже нравится. А в институте у отца трудовая лежать будет.

Посидели немного и поехали, кто куда. Пётр к себе в Мытищи на мотоцикле, а я в гараж. Подвёз отца до станции.

– Может, давай до дома подкину? – предложил я ему.

– А обратно как будешь без прав возвращаться? – возразил он. – Это надо было Галию с собой брать. Ты, лучше, плитку ко мне как-нибудь привезёшь. Только я с Киной сперва поговорю, какой и когда ремонт нам нужен.

– Конечно, привезу. Не вопрос.

Мы попрощались, и он к себе поехал. Что значит, возраст. Он реально устал. А мы с Петром ещё бодрячком. Посидели за столом немного, и порядок.

Остаток вечера провели у художников. Отсидел свои оставшиеся сорок минут. Михаил Андреевич сказал, что

этого достаточно, но на результат посмотреть опять не дал.

– Терпение, мой друг, – улыбаясь, сказал он. – Ещё немного осталось.

– Мы хотели вас попросить, – начала Елена Яковлевна за чаем. – Мы уезжаем на пленэр в Самару на месяц. Не трудно будет цветочки мои поливать пару раз в неделю?

– Конечно, не беспокойтесь, – сразу ответила Галия. – У нас до конца июня сессия, так что мы в Москве будем.

– Ой, как хорошо, – обрадовалась художница.

Потом разговор зашёл про Юрку Бахтина. Как я понял, Михаил Андреевич, всё же, познакомил его с преподавателем на подготовительных курсах и Юрка начал посещать их.

– Мне показалось, что он уже не так очарован, – рассказывала жена. – Первое время он с таким восторгом обо всём, что там у него происходит, говорил. А сейчас стал буднично на все мои вопросы отвечать.

Художники, переглянувшись, рассмеялись.

– Похоже, начал понимать, что это тоже совсем нелёгкое ремесло, – сказал Михаил Андреевич. – Но так и лучше, пусть не будет иллюзий. Один раз он с выбором профессии уже ошибся, пусть уж во второй точно понимает, на что подписывается.

В четверг получил письмо от Мишки Кузнецова, где он подробно написал, на какой специальности учится, какие дисциплины в первом семестре первого курса на какие оценки сдал, какие ждут его зачёты и экзамены на летней сессии.

Ну вот, теперь можно заняться и подбором места. Горный институт не профильный для Мишки, это на крайний случай. Попробуем подобрать по профилю. Позвонил Константину Сергеевичу в общество «Знание», попросил, в первую очередь, устроить мне лекции в ВУЗах, связанных с транспортом или транспортным машиностроением.

– Друг учится в Брянском институте транспортного машиностроения, хочет в Москву перевестись, – объяснил ему я.

– Может, МИИТ? – предложил он. – Кстати, я тут закинул удочку насчёт вашего студенческого стройотряда. Есть несколько предложений, но вам самим надо ехать разговаривать насчёт всех деталей.

– Понял, спасибо, – обрадовался я, что самому не надо искать. Что-то сейчас совсем не до этого.

Записал контакты людей, с кем надо встретиться. Решил, что сам поеду вместе с Лёхой, а то он ещё неопытен в переговорах.

В МИИТ лекцию он мне тоже обещал устроить. А сегодня еду, по плану, в Институт автоматики.

Думал, обычный завод, типа как тот, что радиоточки паяет. А нет, это оказался научно-исследовательский институт, тут выпускали шифровальную технику для нужд государственных структур. Секретность и строгий пропускной режим впечатлили, все как в Кремле.

Встречал меня замдиректора института по науке. Что-то конкретное он рассказать о продукции института, естествен-

но, не мог. Сказал только, что это оборудование обеспечивает безопасность правительственных каналов связи.

Серьёзные ребята. И продукция у них серьёзная. Их согнали всех в просторный актовый зал. Много молодёжи, что порадовало.

Лекция «Резервы развития научного потенциала для нужд народного хозяйства СССР». Хорошая тема. Тут и про важность развития отечественной научной школы рассказал, и про патриотизм, но основной упор сделал на образовании, как общем школьном, так и специализированном.

– Чтобы взрастить гениального учёного, нужно дать проявить себя десятку очень хороших молодых учёных. А чтобы найти этот десяток очень хороших молодых учёных, нужно дать достойное образование ста молодым людям. А чтобы у вас ВУЗ закончило сто молодых людей, нужно дать очень хорошее образование тысяче детей в школе. Чем больше людей в стране получают достойное образование, приобщаться к наследию мировой культуры и науки, тем больше шансов получить мощную научную школу. С этой точки зрения все мы в СССР делаем правильно. Перед детьми в СССР открыты все пути, сын колхозника может стать великим академиком! Это наше преимущество.

А вот что еще неплохо бы улучшить... У нас есть серьёзный пробел с внедрением новых технологий, которые есть в военном секторе, в гражданский. И зачастую большой разрыв между уровнем военного сектора и гражданского. Ну

сами подумайте, товарищи – мы способны сделать ядерную ракету, что может перелететь на другой континент и попасть в достаточно небольшую точку без промаха. Можем сделать один из лучших в мире танков. А когда нам нужно купить пальто, и мы приходим в магазин с этой целью, то, что там продается, покупать совсем не хочется. Ликвидация этого разрыва – одна из важнейших вещей, что стоят перед советской экономикой! Как и наша армия заслуживает всего самого лучшего, и мы это ей обеспечиваем, так и наши советские граждане тоже заслуживают всего самого лучшего!

Если кто и хотел спорить на эту тему, то не стал. Тут уже даже свои сразу засмеют. Все были в магазине, видели эти мышинового цвета пальто по выкройкам сорокалетней давности...

Задали мне после лекции непростой вопрос.

– Что, если что-то нам необходимое уже кем-то за рубежом изобретено, но охраняется, как гостайна, и купить нельзя. Есть ли смысл своё изобретать? Особенно, если это касается обороноспособности?

– Я так понимаю, что речь идёт о промышленном шпионаже? – уточнил я. – Когда речь идёт о жизни и смерти, то конечно, надо пользоваться любой возможностью, чтобы получить новую технологию. Но, по-хорошему, нужно самим развивать и такие технологии, которые есть у других, и такие, которых нет ни у кого. Наличие современных технологий – серьёзный аргумент в любых переговорах. И, что самое глав-

ное, самостоятельно разрабатывая те технологии, что уже есть у других, можно наткнуться на что-то новое, на что иначе не наткнешься. И наработать компетенции для очередного научного прорыва...

Интересно поговорили. Подняли и тему ядерного вооружения.

– Опасное оружие, если речь идёт о войне в непосредственной близости от собственных границ. Применишь такое оружие, в том числе, и собственную территорию превратишь в пустыню. Но чрезвычайно важное для защиты суверенитета. Страну, которая располагает и ядерным оружием, и мощным арсеналом его доставки на территорию противника, мало кто решится атаковать. А вот без такого арсенала все может однажды сложиться очень печально... Скажут, к примеру, что на твоей территории права человека нарушаются, или ты что-то плохое задумал в отношении других стран, и нападут.

Говоря об этом, я сразу вспомнил известное видео с пробиркой Колина Пауэлла, который тряс ей на трибуне ООН, уверяя всех, что у Ирака есть химическое оружие. И что атака США на эту страну совершенно необходима, чтобы не дать Ираку его использовать против соседей. В пробирке оказалась вода, а в захваченном Ираке американцы так и не нашли никакого химического оружия, хотя и очень старались. Оказалось, что иракцы его уничтожили за много лет до этого вторжения. Вот это был бы классный пример, но по-

сле него сразу санитаров вызовут...

Спорили о ПВО, меня уверяли, что у ПВО невероятные перспективы.

– Я вас, наверняка, сильно огорчу, – спорил я с этими кулибиными. – Но любое ПВО разряжается на раз-два предварительным пуском ложных целей. И в целом это то же самое что борьба тех, кто делает снаряды, с теми, кто делает броню. Делают снаряд, что пробивает имеющуюся броню, конструкторы напрягаются и делают броню, что он не может пробить. Тогда конструкторы снарядов напрягаются и делают снаряд, что может пробить новую, улучшенную броню. Бесконечная история...

Тут с первого ряда поднялся полный мужчина с лысиной, напомнивший мне своей внешностью Хрущёва, и строго погрозил мне пальцем.

– Стыдно, товарищ лектор, – заявил он. – Нехорошо так людей пугать.

– Вот тебе и здрасте. Кого же я напугал?

– Меня, например. Как вы можете утверждать, что любое ПВО можно легко обезвредить?

– Но это же очевидно, – развёл руками я. – Простая математика. Если в распоряжении ПВО противника имеется двадцать ракет, то достаточно выпустить двадцать ложных целей и делайте дальше с ним, всё, что хотите.

– А, ну если так ставится вопрос, то я согласен. – промокнул он себе лоб носовым платком под улыбки и шутки кол-

лег.

Спор продолжался бы и дальше, если бы меня не отодвинул от трибуны какой-то местный начальник, судя по выправке, военный в прошлом, а может, и в настоящем.

– Товарищи, – возвестил он. – Время лекции вышло.

– Ну-у... – раздалось в ответ ему несколько голосов.

– Спасибо, – пожал он мне руку. – Было очень интересно.

Секретарь партийной организации Ковалёв Евгений Павлович. Прошу следовать за мной.

Он провёл меня коридорами в кабинет, где, по всей видимости, был хозяином, и вручил мне коробку.

– Ого! – не ожидал я, что она будет столько весить.

– Ничего, боец, своя ноша не тянет, – похлопал он меня по плечу, улыбнувшись, и проводил до вахты.

Ящик не был ничем перевязан, его можно было тащить, только обняв рукой и уперев в бедро. Неудобно, а куда денешься?

В коробке оказалась говяжья тушёнка. Галия деловито переложила банки в шкафчик. Тоже недавно с работы только пришла и занималась ужином.

– Ой, а на работе что творилось! – улыбаясь, делилась жена. – Все разговоры с Ксюшей были только о поездке в деревню. Она так ожила, так похорошела!

– Иван ей как, понравился? Или мы зря старались?

– Понравился. Он у неё телефон рабочий попросил, – хитро улыбнулась мне жена.

– А, ну и отлично. Дальше сами разберутся.

Вскоре позвонил Сатчан и сказал, что скоро подъедет. Что опять стряслось?

Глава 5

г. Москва.

Через двадцать минут я уже ходил вдоль Проспекта Мира в надежде, что Сатчан, просто, решил мне завезти шубы или книги.

Но нет, когда подъехал, сразу увидел, что лицо озабоченное – и понял, что есть какое-то дело ко мне. Надеюсь, не новые проблемы с меховой фабрикой. Что-то она уже опостылела...

– Привет. Тут такое дело, – сходу начал он, когда я сел к нему в машину, – сигнал получили нехороший. Сегодня на внутриведомственном совещании озвучили, что Яуза совсем испортилась, типа жители написали коллективную жалобу, – взглянул он на меня встревожено.

Я смотрел на него, пока не совсем понимая, при чем тут я.

– Бортко быстро сориентировался и предложил воспользоваться нашим Комсомольским прожектором с приборостроительного завода. Твой-то эмгэушный Прожектор, я так понял, уже практически не работает...

– Верно, Самедов вообще про нас забыл, такое впечатление. Так... Ну, Яуза известная помойка, – не понял я, в чём проблема, – что тут такого нового?

– Похоже, кто-то что-то в реку сливает. Совсем нехорошее. Не простую грязь. Надо выяснить, кто и что.

– Химический анализ, что ли, проводить? – не понял я.

– Нет. Показать пальцем на того, кто этим занимается и всё.

– Ты так говоришь, – усмехнулся я, – как будто вы собрались по-тихому с этими ребятами разобраться. Почему милицию не привлечь?

– Без них разберёмся, – уклончиво ответил Сатчан.

– Может, вы уже прикинули, где искать?

– Может, и прикинули, – неохотно ответил Сатчан. – Там выше по течению большая промзона. Среди прочих, там есть одно предприятие, «Смена»... Короче, к нему не должно быть никаких претензий. Поэтому, ты подключаешься к работе нашего Прожектора.

Ну вот теперь все понятно... «Смена», получается, под группировкой Сатчана ходит. Нельзя им ее подставлять. Но чего он темнит, что, просто нельзя сказать, что ли? Столько всего уже у нас с ним вместе было по схожей тематике, к чему темнить и говорить намеками? Правда, сразу же у меня нарисовался и понятный вопрос:

– А это «Смена» гадит в реку?

– Говорят, что нет. Но кто ж признается? Поэтому и нужно, чтобы вы сами глянули и на них тоже. Чтобы уж точно знать.

– Большая промзона? Сколько там предприятий?

– Ой, да там хватает. И вообще, Яуза до Москвы через колхозные угодья протекает, там и фермы со своими соот-

ветствующими отходами, и с полей талые воды чего только не приносят. А расхлёбывать весь этот гадюшник нам.

– Я понял. Савостюк ещё в Прожекторе?

– Конечно, куда он денется.

– Ну, отлично. Когда нам приступить?

– Уже.

– Савостюк пусть будет старшим, – попросил я, – как в прошлый раз, оформлением всеми сам пусть занимается, я только присматривать за ними буду.

– Как хочешь, – озабоченно согласился Сатчан.

– Хорошо. Все на этом?

– Подожди, – остановил он меня. – Пойдём, дам, о чем договорились...

Он вышел из машины, я за ним. Из багажника он вынул небольшой бумажный свёрток, перетянутый тонким шпагатом, и отдал мне.

– Я сам выбирал. Поверь, это сейчас самое модное, – произнёс он.

– Что это? – взвесил я свёрток в руке. В приятных ожиданиях.

– Увидишь, – улыбнулся он и протянул мне на прощанье руку.

Дома стал распаковывать свёрток и обомлел. В бумажных листах, как по волшебству, на глазах распускались во всей своей красе две норковых чёрно-белых женских шубки. А с виду свёрток был совсем не объёмным. Да, и весил, не ска-

зять, что много для двух зимних пальто.

Что это за норка, я знал. Сатчан молодец, хорошо выбрал. Скандинавская порода, очень интересная расцветка.

Посмотрел по биркам, размер одинаковый, сорок восьмой. Сначала расстроился, просил же Галие сорок шестой, но потом подумал, родит, может, чуть округлится. Правильно, пусть будет сорок восьмой.

Взял одну шубу, спрятал за спиной и пошёл к жене на кухню. Она посуду мыла, краем глаза меня заметила и спросила: – Ну, что Сатчан хотел?

Вместо ответа накинул ей на плечи манти и придерживал, чтобы не упало. Сюрприз полный – жене я ничего про ожидаемый от Сатчана гонорар не говорил. Не люблю трепаться, пока дело не сделано. Чай, не мальчик...

Галия сначала дёрнулась от неожиданности, потом на несколько мгновений зависла и, резко оглянувшись, уставилась на меня выпученными глазами.

– Это мне? – не веря своим глазам, с надеждой спросила она, не смея начать радоваться.

– Ну, конечно, – рассмеялся я. – Кому ещё?

– А-аа, – раздалось в ответ, и жена убежала в спальню к зеркалу. Даже воду не выключила. Пришлось самому кран закрывать.

Не успел я шагу сделать, она вернулась, чмокнула меня в щёку и опять убежала.

Когда я дошёл до спальни, жена уже в своих чёрных са-

погах крутилась перед зеркалом с белой сумочкой в руках. Крестовая норка смотрелась со всем этим идеально.

– Белый беретик мохеровый свяжу, – глядя на себя в зеркало проговорила счастливая жена, – и шарфик.

– И кожаные чёрные перчатки, – добавил я.

– Ага, – одобрительно взглянула на меня жена. – Какой ты у меня молодец!

Я молча развел руками – ну да, молодец... Не та ситуация, чтобы спорить.

– А это кому? – показала она на второе манто.

– Маме, – ответил я.

Галия кивнула и опять переключилась на зеркало. Как и ожидал, не спросила – а чьей маме? После того, что Оксана вытворяла, такой вопрос в нашей семье не стоял. В принципе, сама мне помогла... А то будь она образцовой тещей, не создающей проблем, сейчас бы мне точно было тяжело объяснить жене, почему шубка должна уйти в адрес именно моей матери. Даже если бы и не спросила прямо, почему, вопрос все равно бы висел в воздухе и портил отношения в семье...

Ну, пусть наслаждается.

Чуть позднее к нам зашёл Михаил Андреевич и пригласил к себе. Художники торжественно вручили нам наш первый семейный живописный портрет. Ну что сказать – получилось шикарно. Стало понятно, почему он с ним столько возился. Сколько я не рассматривал портрет, хотелось смотреть всё

больше и больше. Художник, и правда, писал живых людей. Так, как он их увидел и понял. Мне интересно было взглянуть на себя его глазами, и я вглядывался и вглядывался сам в себя... И в Галию... Ее характер был отражен очень точно – сильная и доверчивая, добрая и отзывчивая... Смелая. Решительная. Волевая.

– Ну, садитесь за стол, – отвлекла меня Елена Яковлевна.

– Мы в субботу уезжаем, – напомнил Михаил Андреевич. – Билеты до Куйбышева уже на руках. Не ожидал, что это такой дефицит окажется, – признался он. – Сезон отпусков ещё не начался, а плацкартных билетов нет вообще.

– Зачем нам они? – с недоумением спросила его супруга. – Мы же не ездим плацкартом.

– Да, но всё равно, – возразил ей муж. – Думаю, приедем, и обратные билеты надо будет заранее взять, – многозначительно взглянул он на Елену Яковлевну. – На всякий случай.

– У нас будет к вам ещё одна просьба, – повернулась к нам хозяйка. – Не могли бы вы передать одному человеку в наше отсутствие вот эту работу? – показала она завёрнутую в бумагу картину размером, примерно, семьдесят на шестьдесят сантиметров. – И взять у него деньги...

– Вот, сюда их спрячьте, – отодвинул Михаил Андреевич одну из картин от стены, – за раму сзади вставьте.

– Хорошо, – кивнул я. – А как он узнает, что к нам надо обратиться?

– Мы телефон ваш ему дали, – ответила Елена Яковлевна.

– А, ну, отлично.

Мы посидели ещё немного и вернулись домой, бережно неся наш портрет. Он уже был полностью оформлен, даже верёвочка имелась. Не утерпел и сразу решил повесить.

Пришлось поковыряться, но я повесил его прямо по центру над нашей кроватью. И опять завис, разглядывая его. Галию Михаил Андреевич почувствовал, вообще, идеально, полностью согласен. А себя я, всё-таки, другим представ-
лял... С портрета на меня смотрел, пусть серьёзный, но совсем ещё мальчишка.

Остаток вечера провёл, перекладывая коробки с плиткой, отбирая цвета, отличные от синего. Их совсем не так много. Оставлю себе. Имею право, это же я, в конце концов, на плитку внимание обратил и всех ей обеспечил.

Вскрыл коробку с белой плиткой. Она оказалась матовой, на вид, ну чисто, молоко. Красная плитка оказалась не красной, а бледно-малиновой и тоже не прозрачной. Ну, понятно теперь, почему в сарае осталось столько плитки. Там, где легко было достать, была одна синяя плитка. По сравнению с белой и красной, она здорово проигрывает, и, просто, оказалась никому не нужна. То, что мне досталась ещё какая-то плитка, кроме синей, похоже, чистая случайность, её, похоже, не нашли среди коробок с синей плиткой, она в самом конце у стены стояла. До неё тупо не добрались.

Позвал Галию показать, что нам перепало. Её восторгу не было предела. С благоговением она складывала плитки

одну к другой, чтобы увидеть, как они будут смотреться. Белая с синим хорошо сочеталась, но и красная с белым выглядела очень эффектно.

Рассказал ей, как наши трофеи надо доводить до ума по системе, разработанной сотрудниками НИИ. Услышав это, жена тут же потребовала перенести ей на кухню всю белую и красную плитку. Сказала, что сама будет заниматься её закалкой.

– Ты ж только не поднимай целые коробки, – попросил я её. – И подписывай обязательно те, что уже стабилизировала. А то запутаешься.

Галия сразу и поставила греться первую партию. В нашу духовку она умудрилась запихать сразу пятьдесят штук, вынув плитки из коробок и разложив их на решётке одну на другую. Правда, под решётку пришлось подставить два кирпича, чтобы увеличить площадь опоры. Побоялся, что решётка, опираясь одними краями, может сорваться под таким весом, и решил подстраховаться.

Кирпичи добыл на улице. Стройка уже давно завершилась, но, как обычно, вывезли далеко не весь строительный мусор. Ну а то, что кирпичи были слегка битыми, один из углов у каждого повреждён, мне вообще никак не мешало использовать их как подставку.

Напомнил, что резкого нагрева надо избегать, оставили духовку приоткрытой, на первых порах, потом закрыли и ушли спать.

С самого утра позвонил Савостюку на работу.

– Здорово Илья, это Ивлев, – сказал я, когда он по-военному чётко представился, взяв трубку. – Ты уже в курсе нашего нового задания?

– Да. Вызывали в райком вчера.

– Есть мысли, с какой стороны подойти к этому вопросу?

– Для начала, хотел пройтись там. Своими глазами посмотреть, – предложил Савостюк.

– Согласен. Так и сделаем. А у тебя есть информация, хоть примерно, на какой участок русла жители жалуются? – поинтересовался я. – С какого места нам вверх вдоль русла идти?

– Да, конечно. Может, сегодня и пройдемся после обеда? – предложил Илья.

– Ну, давай, – согласился я, – может, что выясним побыстрому.

– Хорошо бы! – поддержал он меня. – Небольшое удовольствие, скажу я тебе, там лазить. Сапоги резиновые, кстати, не забудь.

В университет с сапогами тащиться такое себе удовольствие, – с досадой подумал я.

– Сапоги повыше нужны, – добавил Илья.

– Что, болотники, что ли? – удивился я. – У меня нет.

– У меня тоже нет, я у нас на заводе возьму. Давай, и на тебя привезу?

– Буду очень признателен! – обрадовался я. – У меня сорок третий с половиной...

– Найдем сорок четвертый, пойдет. Так... Девчонок брать не будем, – решил Савостюк, – только Василий с нами пойдёт.

– И правильно, меньше народу, меньше внимания к себе привлечём.

Оделся сегодня в университет попроще, чтобы джинсы сильно с болотными сапогами не контрастировали.

Заглянув в почтовый ящик утром, обнаружил там письмо. Отправитель Мартин Нойлер. Уж не племянник ли это профессора Нойлера? Так оно и оказалось. В метро открыл и прочитал письмо.

Нойлер младший сообщил, что едет поступать в Москву на машине. Больше ничего. Никаких просьб, как было у Альфредо, когда он писал Эмме Эдуардовне. Тот, хотя бы, просил порядок поступления уточнить. А у этого что, уже всё везде согласовано? Надо написать ему ответ, поинтересоваться, нужна ли ему ещё какая-то помощь, кроме, разумеется, продажи в Москве «Вартбурга». Но именно об этом я, конечно, писать не буду. Уверен, что эти письма за рубежом Комитет будет читать особенно внимательно...

Вот тебе на... Все же будет еще одна машина... Да еще и импортная, которая очень хорошо котируется в стране... То пусто, то густо. Ни одной не было, а теперь уже третью придется пристраивать... С другой стороны, это же я приложил все усилия, чтобы появились все три... Так-то ничего бы и не было. «Варшава» – результат моих советов по поводу от-

цовского бизнеса Фирдаусу. «Москвич» – выбил за помощь группировке Сатчана. «Вартбург» – подсказал профессору, что это неплохой вариант. Так что никаких чудес, просто результат хорошей идеи, появившейся в нужный момент...

И вот тут мне нужно будет подумать хорошо. Для обычного студента, машина, похожая на старую Победу – идеально. Круто, но не чрезмерно круто. Но если я пробьюсь в Верховный Совет и обзаведусь заветной корочкой, то вполне можно подумать над тем, чтобы вместо «Варшавы» пересесть на «Вартбург». Никто, кто будет знать о моем месте работы, такому не удивится. Решат, что получил там – все знают, что «там» все есть! Люди, работающие в Кремле, не бедствуют...

Так что, вполне возможно, в нашем семейном автопарке вскоре могут произойти некоторые изменения...

Лёхе Сандалову сообщил, что есть два предложения по стройотряду, но надо ехать и на месте предметно разговаривать, что за работа и сколько дадут денег. Он был в полном восторге. Со Светой все у них складывалось хорошо, и он уже, похоже, на свадьбу деньги хотел начать собирать. Так что был готов к любой, самой тяжелой работе, как мне сказал.

Взглянув на него, я честно и открыто сказал, что он вряд ли готов, ему нужно срочно заняться спортом. Леха не обиделся, и сам это понимал. Тут же достал тетрадку с ручкой и попросил меня расписать ему физические упражнения. Доверительно сказал, что утром под радио зарядку

делает, но понимает, что этого будет явно недостаточно, чтобы, как я прошлым летом, бетон ворочать.

Взяв тетрадку, без особых размышлений расписал ему программу на эти полтора месяца перед стройотрядом. Для выносливости – бег по утрам перед университетом – начиная с километра, больше он явно сразу не потянет, плюс велел сто метров добавлять каждые два дня. Чтобы сильнее стать, и мышцы подкачать – уже домашние упражнения. Отжимания каждый день – три подхода с интервалом в пятьдесят секунд по столько, сколько выдюжит. То же самое с подтягиваниями. Гантели – три подхода в день на бицепс с теми же интервалами.

Леха долго благодарил, клятвенно обещался все выполнять беспрекословно... оказалось, что у отца гантели есть, и труба для турника стоит в кладовке, осталось ее только в проем двери всобачить.

Рекомендовал ему поделиться программой тренировок с другими членами стройотряда. Сказал честно, что первые дни будет тяжело, но очень поможет горячая ванна или душ на ночь. Добавил, что скоро и сессия уже начинается, и такая физкультура очень полезно и на усидчивость при подготовке к зачетам и экзаменам повлияет, и на память.

Что касается поездки на переговоры по стройотряду, договорились на следующей же неделе заняться этим вопросом. В понедельник решили съездить на одно предприятие, в среду на второе. По итогам поездок определиться.

После пар поехал на приборостроительный завод, заниматься просьбой Сатчана. Сразу после моего звонка с проходной вышел Илья и вручил мне сумку с парой высоких сапог, типа, своё таскай сам, а Васю пришлось ждать минут пятнадцать. Пока ждали, попросил у Ильи ознакомиться с жалобой. И отметил про себя, что Сатчан обеспечил свой Прожектор фотоаппаратом.

– Ну ты чего так долго? – накинулся на коллегу Савостюк.

– Ну, надо было помыться, в порядок себя привести, – оправдывался Василий.

Мы выдвинулись к намеченной точке обхода реки.

– Вась, а кем ты работаешь? – поинтересовался я по дороге.

– Автомеханик у нас в заводском гараже, – важно ответил тот.

– О, да ты большой человек! – на полном серьёзе ответил я. – Можешь мне подсказать, я тут со своей «Варшавой» пытаюсь разобраться, фильтры какие-то нестандартные стоят. Мужики в гаражах говорят, что можно сделать разборные, многоразовые фильтры и менять там начинку периодически.

– Делают так. Знаю я эту машину. К ней от «Победы» много чего подходит. А что там в «Варшаве» нестандартного может быть? Или у тебя какая-то старая модель?

– Да она, вообще, уникальная. Не старая, а новая. И дизельная. Это смотреть надо. У вас на заводе можно свои ма-

шины ремонтировать?

– Дизельная? Это да, ты меня заинтересовал. Уже хочу глянуть... А по ремонту – да, можно, почему нет. Все наши свои машины загоняют на ремонт. В выходные, вообще, никому дела нет, что ты там делаешь.

– Слушай, а ты на чём специализируешься? – заинтересовался я. – Можно к тебе с текущим техобслуживанием обращаться?

– Конечно, можно, – улыбнулся он, хитро взглянув на меня. – Всё сделаем в лучшем виде.

– У меня, прямо, камень с души упал. – серьёзно ответил я. – А то не знал, куда свою ласточку на обслуживание пристроить.

Сразу записал его рабочий телефон и фамилию. На крупных заводах всегда есть цех с любыми станками, чтобы запчасти для своего производственного оборудования делать. Эти кулибины не то, что фильтр многоразовый сделают, они, при желании, НЛО за бутылку соберут.

Приехали от метро на трамвае до нужной остановки, вышли. Район мне хорошо знаком, батя тут в паре остановок живёт. Но где тут на реке промзона, чёрт его знает.

– Вот, где-то тут надо начинать, – широко показал руками вокруг Илья.

– Погоди. Вон, рыбаки сидят, – кивнул я в сторону нескольких человек с удочками, – пошли, поговорим, что имелось в виду под словами «река испортилась».

Мы подошли к мужикам, сосредоточенно наблюдающими за поплавками.

– Добрый день, товарищи, – первым заговорил я, – мы студенты-экологи, материал для дипломной работы собираем. Можно вам пару вопросов задать?

– Задавай, студент, – осмотрел меня внимательным взглядом самый здоровенный из присутствующих мужик. – Только скажи, не понял я, чему вы там учиться? Эко... что?

– Экология. Это наука о природе. И о ее защите.

– Вот оно как!

– Сколько лет вы уже рыбачите на этом месте?

– С детства.

– Заметили ли вы какие-либо изменения за это время?

– А то! Реку как подменили.

– А что, сами не видите? – спросил тщедушный дедок, показывая на большое цветное переливающееся пятно, плывущее по реке.

– Что это, бензин? – спросил я. – Часто тут так?

Вода в реке была мутная, хотя паводок уже прошёл, и цвета непонятного, как будто в ней тряпку половую сто раз прополоскали. Мусора не сказать, что много по реке плыло, но там, где ему было за что зацепиться, собиралось по нескольку вёдер всякого хлама и веток. Лично я бы из такой реки рыбу точно есть не стал.

– Это ещё ладно. Иногда так воняет, что сидеть на реке невозможно, – пожаловался здоровенный. – Я и так больной

человек, а тут, вообще, от этой вони плохо стало.

Не он ли жалобу накатал?

— А чем воняло? Химией, аммиаком, яйцами тухлыми? — поинтересовался я. — На что похоже?

— На дерьмо в сортире! — брезгливо поморщился мужик. — Вспомнил, аж тошнить начало.

— Ладно, парни, переобуваемся, — задумчиво посмотрел я, куда петляет речка. — Нам туда.

Мы переобулись, Савостюк расчехлил фотоаппарат и мы пошли вдоль берега.

Пройдя с полкилометра, ничего особенного мы не заметили, речка петляла по пустырю. Но потом начались сплошные производственные корпуса по обеим сторонам реки. На правом берегу большая территория, потом ещё одна.

На левом берегу предприятия близко подходили к реке только в одном месте, и то их разделяла проезжая часть. Тащить метров сто пятьдесят трубу под городской дорогой? Маловероятно. Но, всё равно, мы очень тщательно осматривали левый берег, пока не покинули промзону. Ничего подозрительного мы не увидели. Дойдя до ближайшего пешеходного мостика, мы перешли на правый берег и пошли обратно.

Мы спокойно шли со стороны реки, никто нас не останавливал. Проходили мимо старинных корпусов из красного кирпича, ничего особенного, промзона и промзона. Сколько мы прошли предприятий, трудно сказать. Труб, выходящих

прямо в реку, обнаружили несколько. Мы их сфотографировали. Бурным потоком ни из одной ничего в реку не стекало. Так, тонкий ручеёк, но непрерывный.

Любая из этих труб могла стать кратковременным источником сильного загрязнения.

Глава 6

г. Москва.

– Значит, так, парни, – задумчиво сказал я, когда мы добрались до конца промзоны, – нам надо установить, какому предприятию принадлежат эти трубы. Предлагаю сейчас переобуться и пройти вдоль улицы. Дойдём до проходной и сфотографируем название.

Так мы и сделали. До проходной дошли очень быстро.

– «Химавтоматика», – прочитал я и, прикинув, что производство автоматики не может быть сильно вредным, посмотрел вдоль улицы. – Похоже, там дальше ещё какие-то ворота, пошли, посмотрим.

Дальше стало веселее. «Красильно-аппретурная фабрика».

– Название говорит само за себя: кошмар и ужас, – пошутил я. – Интересно, чем они тут занимаются?

Никто из парней понятия не имел, что это и с чем его едят.

Заканчивалась эта промзона «Камвольно-отделочной фабрикой».

– Такое ощущение, что эти фабрики специально поближе к реке поставили, – заметил я. – И, обратите внимание, какие корпуса древние, это, явно, ещё при царе всё строилось, когда про очистные сооружения ещё никто слыхом не слышивал.

Мы тщательно сфотографировали вывески и корпуса и пошли на трамвай, обсуждая результаты нашего рейда.

– Там река петлю делает, – рассуждал я, – и чья там конкретно территория, непонятно. Может, не все три фабрики к реке выходят, мы ж не знаем. Если бы мы походили там, может и разобрались бы.

– Что же, согласовывать рейд уже конкретно по предприятиям? – спросил Илья.

– Это ты уже в райкоме уточни, – отмахнулся я, будучи уверенным, что наша миссия уже выполнена: загрязнители обнаружены, «Смены» среди них нет, значит, можно давать делу официальный ход. Пусть настоящие экологи, природнадзор с этим и разбираются. Я уже глянул в библиотеке, кто там сейчас ответственный за экологию. Эта структура называется «Главное управление по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству при Министерстве сельского хозяйства СССР».

В метро наши пути с ребятами разошлись, они поехали дальше, а я вышел у себя на Щербаковской. Решил сразу отзвониться Сатчану по результатам рейда.

– Привет! Ну, мы закончили на Яузе, – доложил я, – Савостюк сделает отчёт с фотографиями. Нашли три места, где что-то в реку сливают. Мы зафиксировали все вывески предприятий, которые там рядом находятся, знакомых названий среди них нет.

– Отлично. А не помнишь, как предприятия назывались?

– Одно «Химавтоматика» и рядом две фабрики, не помню, точно, как называются. Но в названии одной точно что-то про окраску. Это может быть жутко вредным делом с точки зрения экологии...

– Ну, хорошо. Посмотрю в отчёте Савостюка. Молодцы. Хорошо поработали. Возможно, решат предметно заняться этими вашими трубами... Ну, видно будет, кто этим займётся. Это же не наш район.

– Пусть бы местные там и лазили, – ответил я. – Удовольствие небольшое, скажу я тебе.

– Ну, это как начальство решит, – ответил он.

Галия, усадив меня за стол ужинать, доложила, как заправская секретарша, что звонила Диана, предлагала завтра сходить куда-нибудь погулять. Но Галия не решилась ей сказать ни да, ни нет, так как не знала, какие у меня планы на выходные.

– Сам не знаю, какие у меня планы на выходные, – честно признался я. – Что-то забегался совсем, я бы, вообще, дома остался и отсыпался все два дня. Предложи на следующей неделе встретиться...

Жена пошла звонить Диане, как я понял, сообщить, что мы не сможем с ними в выходные в городе погулять. Подумал, если бы что-то случилось, то они уже и без приглашения были бы здесь. Значит, ничего важного, что не может подождать.

Надо будет маме позвонить в понедельник на работу,

узнать, какие у них планы на отпуск, получилось ли с июля на пораньше перенести? Прямо, хоть, самому в Святославль съездить, что ли? Так не терпится маме шубу подарить!.. Но без Галии за рулём я ехать не могу, а трясти её с собой по дорогам беременную не хотелось бы. Что же делать-то? Ладно, поговорю в понедельник, об их планах узнаю, может, что и придумаю.

А пока сел писать письмо Мартину Нойлеру. Уточнил, выбрал ли он уже в Москве институт, есть ли у него какие-то договоренности уже там. И в конце уточнил, когда именно он планирует приехать. Есть ли у него, где остановиться на первых порах, и нужна ли помощь в связи с этим по приезду. Написал также, что в начале можно пожить у нас.

После прощания и подписи, немного подумав, дописал: Буду рад быть вам полезным.

– Они скоро подъедут, – сообщила жена.

– Кто?

– Диана с Фирдаусом.

– О, как. Случилось что?

– Я тоже так спросила. Говорит, давно не виделись, соскучилась.

– Темнит что-то, – уверенно сказал я.

Не успел я запечатать и подписать конверт, как опять позвонили.

– На этот раз бабушка, – позвала меня к телефону Галия. Тут уж я переполошился не на шутку.

– Привет, бабуль. Как дела? – старался я не выдать волнения. Уж кто-кто, а наши старики без дела не звонят.

– Паш, тут такое дело... У Никифоровны зуб разболелся. Инна к врачу её гонит, говорит, хорошему доктору покажет. Не мог бы ты их в Москву забрать?

– Господи, что ж вы раньше-то не позвонили? Завтра суббота. Где Инна врача-то найдёт? Когда нам приехать, сегодня?

– Так, чтоб завтра с утра Никифоровну уже в Москву забрать, – просящим тоном ответила бабуля. – Инна там с утра обещалась договорится у своих, чтобы посмотрели и лечили, суббота – не суббота!

– Хорошо, тогда мы вечером к вам, а завтра с утра обратно.

– Спасибо, Паш.

Мы попрощались с бабулей, предупредил ее только, что ещё есть дела, приедем поздно. Жена вопросительно смотрела на меня, догадавшись по отрывкам разговора, что что-то случилось.

– У Никифоровны зуб разболелся, – поспешил успокоить я её. – Сегодня едем в деревню, а завтра с утра возвращаемся с ней в Москву. Похоже, там совсем нехорошо, по пустякам бы нас не тревожили.

– А Диана с Фирдаусом?

– Ну, дождёмся их, узнаем, что случилось, потом поедем. Все равно утром только к доктору повезем из деревни.

Эль Хажжи приехали только через час. Успел машину из гаража к дому перегнать. Знал бы, что они не скоро будут, не бежал бы бегом до гаража.

Галия накрыла «скромный» стол, как она выразилась. Копчёная колбаса двух видов, импортная ветчина, шоколадные конфеты нескольких видов. Дожили...

– И в чём его скромность заключается? – недоумённо спросил я.

– Ну, без второго, – смутилась жена. – Без горячего. Не угощать же их гречневой кашей, что в холодильнике стоит.

– А, ну тогда, ладно, – улыбнулся я и чмокнул её в макушку. – Хозяюшка ты моя!

Эль Хажжи приехали довольные, привезли три большие импортные упаковки с чем-то и вручили мне. Они оказались подозрительно лёгкими.

– А, памперсы! Вот, спасибо! – рассмотрел я, наконец, упаковки. – Королевский подарок, Галия! Смотри! – сунул я одну упаковку Галие и свободную руку протянул Фирдаусу. – Спасибо! Очень выручили нас!

– Знаешь, что это такое? – с интересом посмотрел он на меня.

– В ГДР видел, – соврал я.

Диана забрала у меня из рук две пачки и принялась объяснять Галие, что это такое. Девчонки скрылись в спальне. Пригласил Фирдауса на кухню.

– Ты ж за рулём? – уточнил я. Фирдаус кивнул. – Тогда, чай. Мне тоже сегодня ещё в деревню ехать. Как у вас дела?

– Диплом пишу, – устало ответил зять. – Что еще? Диана изнывает от однообразия. Институт, дом, языковые курсы. А душа просит перемены обстановки, – с сарказмом сказал он.

– Ещё бы. – усмехнулся я. – Где-то там Париж без неё, понимаешь... А вообще как у вас? Всё нормально?

Не успел он ничего ответить, как на кухню вышла Диана в норковой шубе Галии. Диана тоже брюнеточка, чёрно-белое манто было ей невероятно к лицу. Она покрутилась перед мужем и так, и сяк. Фирдаус улыбнулся многозначительно, и довольная Диана, убедившись, что намёк понят и правильно воспринят, гордо удалилась. Растёт сестрёнка, молодец. И Фирдаус молодец, хорошо отреагировал. Другому бы мужу поплохело бы от такого намёка. Но он себе может позволить на такую шубку для жены разориться... Правда, что она в ней в Ливане будет делать? Под пальмами в ней ходить, потеть, что ли?

– Вижу, что всё хорошо, – улыбаясь, заметил я.

Вскоре к нам присоединились девчонки. Настроение у них было хорошее, делились своими успехами. Галия в живописи, Диана в изучении языков. Она пошла-таки ещё и на курсы французского языка.

– Ты же немецкий в школе учила, – поразился я, – в голове всё не смешается? Хотя да, молодец, не ожидал!

– Нет, – отмахнулась она, – французский хорошо идёт, с арабским, вот, не очень получается.

– Ничего, всё дело в практике, – подбодрил её муж. – Будем дома на арабском говорить, быстро втянешься.

Просто, в Париж ей хочется сильнее, чем в Бейрут, – про себя подумал я. – Потому что французский – тоже очень сложный язык, как и арабский... Это я уже понял...

Они ещё немного посидели у нас, я поинтересовался темой дипломной работы Фирдауса. Всё-таки, он заканчивает факультет экономики и права, вдруг, смогу что-то подсказать. А то что-то он с такой грустью про свой диплом говорил...

– «Взаимосвязь технологического развития и экономического прогресса» – ответил Фирдаус.

– О! Какая тема классная! – реально обрадовался я. – Сам выбрал?

– Типа того, – немного смутившись, ответил Фирдаус. – Что в ней классного?

– Да ты что! Замечательная тема. Привози как-нибудь вечером материалы, посмотрим, что у тебя уже есть. Помогу, если нужно.

– О, я буду очень благодарен. Спасибо, – заметно оживился он.

Вскоре они засобирались домой, спохватившись, что нам ещё ехать в деревню.

Приехали мы не так поздно, как я опасался. Ещё никто

не спал, даже Трофим сидел ещё у нас. Инна сразу взяла планирование в свои руки.

– Завтра с утра поедем прямо в больницу, – заявила она.

– Тебе-то зачем трястись лишний раз? – удивился я.

– Мне тоже надо показаться, две недели уже у врача не была.

– Ну, хорошо, – пожал плечами я, – нам, значит, надо будет вас там дожидаться, чтобы обратно всех забрать.

– Может так оказаться, что Никифоровне задержаться в Москве придётся, – озабоченно проговорила бабушка.

– А где она, кстати? – начал беспокоиться я, что не вижу её. Обычно она всегда деятельная, всегда радостная, шумная.

– Да в комнате у себя, чтоб вас не пугать.

– Чем? Больным зубом? – напрягся я. – Да что у вас тут происходит? Анна Никифоровна? – постучался я к ней в комнату. – Можно? Ну, как вы?

– Плохо, Паш. Думала поноет и пройдёт, а сегодня флюс появился, – встала она с постели.

Не заметил особо флюса, но не важно, зубная боль – это ад крошечный.

– Надо было сразу нас вызывать, уже б к врачу ходили, – с досадой проговорил я. – Зачем терпеть надо было? Прдержитесь до завтра?

Подтянулась Галия, за ней и Инна.

– Обезболивающее какое-нибудь есть? – спросил я, глядя

на Инну.

– Зубные капли вчера купили.

– Что ещё за зубные капли? А анальгина-аспирина какого-нибудь нет?

– Я содой ещё полощу, – сказала Никифоровна, – анальгин не помогает.

– Аспирин нельзя, вдруг, решат удалять зуб, – добавила Инна.

– Еще можно соду с солью смешивать, по пол-ложки того и другого на стакан воды, – посоветовал я, – попробуйте, вдруг поможет!

– Спасибо, Паша! – заинтересовалась Никифоровна.

Видно, что совсем ее припекло...

– Ладно, потерпите до утра, – ответил я, – с утра пораньше вас обеих сразу в больницу отвезём.

Попили чаю на ночь, посмотрел карту Москвы, чтобы прикинуть, как мне завтра всех в Бурденко доставить, и пошли спать, договорившись, что бабуля всех разбудит в половину седьмого, и в семь выезжаем.

Бабуля разбудила нас, как и договаривались. Старики уже не спали, сидели на кухне втроём смурные. Взглянул на Никифоровну, вот тут-то я флюс заметил.

– Вчера, вроде, такого не было, – озабоченно проговорил я.

– Ночью хуже стало, – подтвердила она.

– Так, давайте, быстро завтракайте, девчонки, и по ко-

ням, – скомандовал я, хлебнул чаю и пошёл греть машину. От волнения за Никифоровну кусок в горло не лез. Тузик увязался за мной, чувствуя, что я собрался уезжать.

– Нет, ты остаёшься. Место, – скомандовал я.

Если придётся ждать в больнице, лучше пусть он тут останется, чем в машине будет сидеть неизвестно сколько. Всё равно, нам Никифоровну возвращать. Вернёмся и забережём его.

– Конечно, оставляй, – согласился Трофим.

Приехали в больницу, когда ещё восьми не было. Инна договорилась, нас пропустили на парковку на территории. Она привела нас к себе в ординаторскую, все коллеги её уже были на месте. Инна с Галией пошли к своему врачу, а Никифоровну и меня Инкина коллега Нина посадила в ординаторской и попытались дозвониться до дежурного стоматолога. Вот, не ожидал, что у них тут дежурный стоматолог в больнице есть. Но Инна, похоже, на это и рассчитывала.

Нина, молодая миловидная девушка, чуть постарше нашей Инны, пошла узнать и договориться о нас. Вернулась минут через двадцать. Никифоровна разволновалась, то ли от боли, то ли от страха. Сейчас ещё давление поднимется.

– Так, Анна Никифоровна, не раскисать, – скомандовал я. – Уже приехали, сейчас врачи помогут вам с больным зубом.

– Да удалить его к чёртовой матери, – простонала она.

– Все так говорят, – возразил ей доктор средних лет, – а вы

попробуйте вылечить.

Тут вернулась Нина и повела нас по коридорам и переходам в кабинет стоматолога. Подставил Никифоровне руку, а то она совсем расклеилась.

Стоматологом оказался седой старичок с бородкой.

– Не тряситесь так, голубушка, – воскликнул он, увидев бледную Никифоровну. – Я не страшный.

– Всю войну прошла, а тут испугалась, – подвёл я её к креслу и помог сесть. – Анна Никифоровна, я за дверью, – решил я пошутить, чтобы хоть немного ее развеселить, если получится, – если что, кричите.

– Иди отсюда, – заулыбалась Нина и подтолкнула меня к двери, а сама осталась в кабинете.

Вскоре она вышла.

– У нас так всегда, гром не грянет, мужик не перекрестится, – с досадой сказала она. – Этот зуб уже не вылечить, будут удалять, а потом придётся поездить на процедуры, десну надо будет лечить.

– Что у неё? – удивился я. – Пародонтоз, что ли?

– Семён Валерьянович объяснит.

– Понял. Мне тут ждать? А как потом ординаторскую вашу найти?

– Спросишь оториноларингологию, тебе подскажут.

– Оториноларингологию, – повторил я с уважением. – Если вспомню это слово, то обязательно спрошу.

Нина улыбнулась и ушла, а я остался стоять под дверями

кабинета, прислушиваясь к доносившимся из него звукам.

Позвякивали инструменты, слышался голос доктора, но слов разобрать я не мог. Если доктор хороший, надо с ним наладить взаимодействие, а то коснись чего, и даже, не знаешь, куда бежать. Я очень старался следить за зубами, и Галие постоянно напоминал, но не повезти может и когда стараешься.

Вдруг из кабинета раздался громкий вскрик и наступила тишина. Очень хотелось заглянуть в кабинет, узнать, жива там, вообще, Никифоровна? Еле сдержался, чтобы не ворваться.

Стоял очень близко, у самой двери, когда вдруг она открылась, из нее выглянул Семён Валерьянович и обвёл коридор глазами.

– Я тут, доктор, – сделал я шаг в сторону, чтобы оказаться перед ним.

– Пройдите, юноша, – позвал он меня в кабинет рукой и показал на стул у своего рабочего стола. – Вот, купите бабушке лекарства по этому рецепту. Как принимать, пишу на обороте.

– Хорошо, – с готовностью ответил я, поглядывая на бледную Никифоровну, у которой изо рта торчал кусочек окровавленной марли.

Она поймала мой взгляд, и я кивком головы спросил, как она. Никифоровна подняла руку и махнула, типа, ай, ерунда. Ну-ну. Вижу, какая ерунда. Хорошо, что у нас Ин-

на – врач в больнице с дежурными стоматологами, а то, не представляю, что бы я делал.

Переключил внимание опять на доктора, который что-то писал.

– Вот, это принесёте следующий раз, – дал он мне тонкую медицинскую карту. – Придёте через три дня, займёмся остальными зубами. Работы много. Если температура поднимется, боли начнутся, не ждать! – обернулся он на Никифоровну. – Сразу ко мне!

– Спасибо, Семён Валерьянович. Сам за этим теперь буду следить, – заверил я его и положил на стол пять рублей. – Заранее нужно позвонить, перед тем, как прийти?

– Да, запишите номер, – спрятал в стол пятёрку довольный доктор. – И лучше бы ей в городе это время пожить. В деревне сплошные сквозняки. А это не очень хорошо сейчас.

Ну а что стоматологу не быть довольными? Пациента привели по знакомству, одна из своих коллег, что обычно означает, что денег не будет. Своим все бесплатно помогают. А деньги все же дали.

Дверь приоткрылась и кто-то заглянул в кабинет. Это оказалась наша Инна.

– Вы ещё здесь? – на автомате спросила она. – Добрый день, Семён Валерьянович, – зашла она в кабинет, как к себе домой, подошла к Никифоровне и осмотрела её. – Лекарства выписывали, Семён Валерьянович?

– Да. Вот, – протянул я ей рецепт.

– Как вы себя чувствуете, душечка? – поинтересовался у Инны доктор. – Когда нас порадуете?

– Да, вот, похоже, уже скоро. Меня не отпускают домой, – взволнованно взглянула сестра на меня.

– Как? Почему? – вскочил я со стула, и Никифоровна поднялась в кресле.

– Всё, кладут уже до конца.

– Тебе же ещё две недели ходить, – возразил я.

– Куда тут ещё две недели ходить? – кивнув на Иннин живот, спросил доктор.

– Ну, ладно, врачам виднее, – согласился я.

– Это уж точно, молодой человек! – подтвердил стоматолог.

– Пойдёмте, – подал я руку Никифоровне и помог ей подняться, – Спасибо, доктор, ещё раз.

Он кивнул, улыбаясь, глядя на мое озабоченное лицо. Весело ему. А у меня сестра почти рождает.

Мы вышли из кабинета, а там, оказывается, нас ждала перепуганная Галия.

– Ну, что случилось? – обнял я её. – Ничего страшного не происходит. Всё же по плану. Да? – взглянул я на Инну, ожидая, что она подтвердит.

– Почти, – растерянно ответила сестра и подняла на меня такие же испуганные глаза, – кесарить будут.

Глава 7

г. Москва, институт им. Бурденко

Никифоровна что-то пробормотала неразборчиво всё так же с торчащим уголком марли во рту и сокрушённо покачала головой. Ну а свою жену я знаю. Она, конечно, стойкий оловянный солдатик, но тоже беременна. На себя ситуацию Инны примеряет. Испугалась так, словно сама под нож пойдет.

– Так. Все успокоились, – постарался я разрядить обстановку. – Инна, пойдём к тебе в оториноларингологию, – от волнения на одном дыхании произнёс я.

Все послушно пошли за мной.

– Кесарево это хорошо, – с нажимом на последнем слове сказал я, – меньше рисков при крупном ребёнке. Зря паникуешь. – повторил я, пытаясь осознать происходящее.

– Так шрам огромный останется... – с отчаянием выговорила Инна. – Не буду уже никогда красивой...

С таким видом сказала, что видно – чуть-чуть не хватает, чтобы в плач сорваться.

– Договорись, чтобы не свирепствовали и резали аккуратно. И зашивали тоже. Своя ты тут, пойдут навстречу. Разве не так?

Инна, подумав, кивнула. Задумалась. Уже хорошо, уже подальше от срыва в истерику.

– Так, ну давай тогда по конкретным вопросам пройдемся. Позвонишь сейчас Петру, скажешь, что в больнице остаёшься и будешь готовиться к операции. Если тебе что-то срочно надо, напиши, я привезу. Так, что ещё? – пытался я собраться с мыслями, пока мы шли по коридорам. – Телефон вашей ординаторской у меня есть... Как фамилия Нины?

– Афиногенова, – ответила сестра, и я остановился и сразу записал, пока помню.

– Красивая фамилия, – заметил я. – Так, что ещё?

– Лекарства Никифоровне, – напомнила Инна. – Сейчас у нас возьмём.

Мы пришли к ним в отделение. Никифоровну с Галией посадили в холле на диванчик, а сами с Инной прошлись по кабинетам. Она взяла два бумажных блистера с таблетками. Занявшись привычной работой, сразу и успокоилась.

– Смотри, я тебе пишу, что и как принимать, – сказала она и подала мне первый блистер, на котором было написано: «1 т 3р/д 5д».

– Одна таблетка три раза в день пять дней, – расшифровал я, – правильно?

– Правильно, – подтвердила сестра и протянула мне ещё один блистер с таблетками, аналогично подписанный.

– Ладно, разберёмся, – взял я таблетки. – А есть среди этого обезболивающее?

– Нет, это противовоспалительные.

– А обезболивающее ей какое попить?

– Анальгин. Главное, аспирин чтоб не пила. После операции нельзя кровь разжижать.

– Ну, это я понимаю. А анальгин есть?

– Есть, – Инна дала мне ещё один бумажный блистер.

– Отлично, – спрятал я в карман таблетки. – Спасибо тебе.

Она кивнула молча. Подошёл к ней и обнял.

– Всё будет хорошо. – успокаивал я её. – Кесарево, даже, лучше. Маме я позвоню в понедельник на работу. Не волнуйся, всё будет хорошо.

Инна кивнула, мы пошли в их ординаторскую. Повезло, Нина находилась там, по нашему виду сразу поняла, что что-то происходит и подскочила к Инне.

– Что случилось?

– Кесарить будут, – сказала сестра уже без первоначального надрыва в голосе.

– Фух, напугала, – ответила ей подруга. – Ну, и хорошо.

– Вот, и я говорю, что хорошо, – поддакнул я. – Девочки, отвезу бабушку домой. Нина, запиши, пожалуйста, мой домашний телефон, – продиктовал ей свой номер, – жену мою зовут Галия. Что-то надо прямо сегодня привезти?

– Зубную щётку и расчёску, – шмыгнула носом Инна.

– Ну, выше нос, мы сегодня же с Петром приедем, – пообещал я.

– Он, небось, в деревне меня уже ждёт, – опять шмыгнула она. – Поздно ему звонить. Вспомнила, что говорил, что приедет туда, как освободиться.

– Ну, значит, сам куплю сейчас тебе зубную щётку, пасту и расчёску, принесу сюда, – взглянул я Нину, – и поеду в деревню. Чтобы муж не волновался.

Подумал, что по-любому ехать надо. Бабуля тоже в нетерпении ждет результаты нашей поездки на лечение. Не тот возраст, чтобы долго можно было переживать без последствий для здоровья.

– Спасибо, – окончательно раскисла Инна, прижалась ко мне боком, чтоб живот не мешал, и разревелась.

Только этого не хватало. Обнял её и гладил по спине, пока она не успокоилась. Нина заверила меня, что всё будет хорошо. Поинтересовался, где тут на районе можно купить щётку и зубную пасту с расчёской и попросил их присмотреть за Галиёй и бабушкой, пока я по магазинам пробегусь.

– Напиши, пока, что из дома тебе завтра привезти, – велел я Инне. – Сегодня Петру сообщу, что ты в больнице осталась, завтра он в Москву вернётся и сразу к тебе.

Нина привела в ординаторскую Галию с Никифоровной, приложила ей лёд к щеке, Галие чаю предложила. Ну, хоть кто-то здесь в нормальном состоянии. Я успокоился и пошёл на выход, пытаюсь запомнить дорогу в отделение оториноларингологии. Ох уж, эти больницы. Хоть стрелки на стенах мелом рисуй.

Но, на удивление, обратную дорогу я после похода по магазинам нашёл легко. Вручил сестре всё, что она просила, плюс колбаски варёной, зефира, баранок челночёр и торт

вафельный, всё, что смог сходу найти.

Галия с Никифоровной прощались с Инной, как будто на войну провожали. Нина нас выпроводила, заверив, что будет держать нас в курсе.

Ехали домой молча. Никифоровне после удаления зуба было не хорошо, хотя она не жаловалась.

– Хорошо, что пса сейчас с собой не стали брать, – заметил я. – Анна Никифоровна, мы съездим в деревню, предупредим всех и сразу вернёмся. Вам через три дня опять к врачу, оставайтесь у нас. Чтобы, если что не так, мы вас быстро в больницу опять доставили. Врачи хорошие, все поправят, но чем быстрее доберешься, тем лучше.

– Хорошо, – согласилась она, еле открывая рот.

Во дворе, уже когда вышли из машины, и я помогал идти Никифоровне, к нам подошёл возвращавшийся из магазина Андрей Егорович, старший Гончаров.

– Что у вас приключилось? – озабоченно спросил дед, увидев чуть живую Никифоровну.

– Нашей подруге зуб удалили, – объяснила Галия.

– Сейчас ляжет и поспит, – стараясь подбодрить её, сказал я. – А то сколько ночей не спала?

Никифоровна обессилено махнула рукой.

– Разве ж в таком состоянии уснёшь? – покачал головой старый, глядя нам в след.

Поднялись к себе, проводили Никифоровну в спальню, предложили умыться и лечь. Галия начала хлопотать,

меня постель, хотел помочь ей с одеялом, но тут раздался стук в дверь.

– Кого там нелёгкая принесла? – чертыхнулся я и поспешил в прихожую.

На пороге стоял Андрей Егорович.

– Вот, – показал он мне шприц-тюбик, – Гриша привёз мне со службы, у меня иногда спина так болит. А это любую боль снимает.

– О, спасибо, – воскликнул я, – проходите, пожалуйста.

Тут Никифоровна вышла из ванной вся растрёпанная, умылась, чёлка мокрая, во все стороны торчит. Деда увидела, смутилась.

– Андрей Егорович обезболивающее принёс из военной аптечки, – объяснил я ей. Интересно, у неё на наркотики аллергии нет? – Если совсем худо будет, можно будет укол сделать.

Никифоровна кивнула благодарно, и опять скрылась в ванной.

Мы прошли с дедом на кухню.

– Прямо не знаю, что делать, – заговорил я, – я на права сдал, но они еще в силу не вошли, из-за возраста, а у жены права уже есть. Я без неё ездить не могу. А надо в деревню съездить, предупредить, что Анна Никифоровна тут останется и что сестру в больницу положили, её муж там ждёт.

– Так езжайте, в чём проблема? – спросил дед.

– А Анну Никифоровну с кем оставить? Вдруг ей плохо

станет?

Вышла Никифоровна. Она причесалась, на человека стала похожа. Симпатичного... Подошла к нам.

– Спасибо, за лекарство, – сказала она деду. – Меня Аня зовут.

– Андрей, – представился дед. – Вот что, Паша. Езжайте, не волнуйтесь, я за ней присмотрю.

– Ох, спасибо! – обрадованно взглянул я на него.

– А мне уже можно пить? – осторожно шевеля губами, спросила Никифоровна.

– Пить, наверное, сразу можно было, – взглянул я на часы. – Уже и есть можно. Так, что, Андрей Егорович, вы серьёзно? Присмотрите?

– Езжай, говорю, спокойно. Я с дитём оставался по полгода, и ничего.

– Спасибо! – обрадовался я. – Пойду Галие скажу.

Через полтора часа мы с женой уже сидели на кухне в деревне перед разволновавшимися бабушкой, Трофимом и Петром.

– Мы сейчас в Москву обратно поедem, – сказал я, – мы там Никифоровну на соседа оставили. Инна, вот, список тебе написала, – передал я Петру записку от жены. – Тебе тоже придётся домой возвращаться.

– А нам что делать? – растерянно спросила бабушка.

– В понедельник маме на работу позвоню и сразу тебе на работу перезвоню, – ответил я. – Они собирались перене-

сти отпуск с июля на июнь и приехать все вместе к вам сюда. А узнают, что Инну уже положили в больницу и к кесареву готовят, так и раньше, наверное, примчатся. Так что, вам, возможно, скоро гостей встречать придётся.

Мы начали собираться в обратный путь. Бабушка с Трофимом сиротливо сидели за столом. То была в доме толпа народа, а теперь все разбегаются кто куда.

– Ну, чего вы раскисли? – сел я за стол напротив них. – Всё будет хорошо. Инна в надёжных руках. Институт Бурденко! Там такие спецы, нейрохирурги мирового уровня!..

И только тут до меня дошло, что там нет ни родильного отделения, ни, хотя бы, гинекологии.

Стоп. А как они собрались Инке кесарево делать? Надо срочно в Москву возвращаться. Спросить... Я лично считаю, что любым делом профессионалы должны заниматься.

– Что случилось, Паш? – испуганно спросила меня бабушка, видимо, я с лица резко изменился.

– Нет-нет, всё нормально. Забыл кое-что с этими волнениями, – постарался улыбнуться я.

Вернувшись в Москву, мы застали спящей Никифоровну и Гришиного деда, дежурившего рядом с ней. Приложив руку к груди, рассыпаясь в благодарностях, прикрыл дверь в спальню, чтобы не мешать разговорами по телефону.

Первым делом набрал ординаторскую оториноларингологического отделения. Попросил к телефону Афиногенову. Нина оказалась, на моё счастье, не далеко. Задал ей только

один вопрос: есть ли у них акушеры-гинекологи в институте?

— Что ты беспокоишься? — не поняла она. — У нас лучшие доктора.

— Я не сомневаюсь, что у вас лучшие нейрохирурги, — заверил я её. — Но, разве, акушерство — это их профиль? Не лучше ли направить её в профильный институт акушерства и гинекологии?

— Думаешь, к ней там лучше отнесутся, чем у нас? — с удивлением спросила Нина.

— Я не знаю, — с досадой ответил я.

— Ну, тогда, и не паникуй. Это не первые и не последние роды у нас в институте, — уверенно заявила мне она.

Чёрте что! — подумал я, положив трубку и тут же схватил её снова, решив набрать Римме Сатчан. Все же она профильный специалист. Послушаю, что она скажет...

— Слушай, гинеколог там в штате, абсолютно точно, есть, — уверила меня Римма. — А вообще, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Наш завотделением рассказывал, у его отца обнаружили опухоль в кишечнике, так он лечиться отказался, никаких химиотерапий, ничего. Насмотрелся, говорит, на друзьях-знакомых. Мол, знаю, что это такое, промучаешься, а всё бестолку. Еле уговорил его сын на одну-единственную операцию, сделали наши хирурги из гастроэнтерологии, как сумели. И старый жив и здоров уже сколько лет. А делали бы онкологи, уже может и помер бы. Вот, так... Так что, не знаю, даже, что тебе сказать. Спокой-

нее ей у себя, пусть оперируется у себя.

Ну, если три медика, включая саму Инну, не видят в этой ситуации никаких противоречий, то что я буду лезть? Поблагодарил Римму за совет и попытался успокоиться.

Только, вроде, все вопросы порешал, как позвонила Анна Николаевна, хозяйка моего гаража. Попросила открыть ей гараж, она хотела там прибраться. Овощей там уже не было, но нужно подмести и взять пару баночек домой. Понятно, что пару баночек придётся тащить мне. Предложил ей прямо сейчас и встретиться в ГСК. Галия останется со стариками, а я машину, заодно, в гараж поставлю.

Вынес из погреба ведро мусора, загнал машину и пошёл провожать Анну Николаевну домой, прижимая банки к себе обеими руками.

– Сын хочет продать гараж и купить поближе, – поделилась она, – ему далеко слишком от дома через всю Москву сюда ездить.

– А где он живёт? – из вежливости спросил я.

– На Автозаводской.

Так... Я принялся прикидывать логистику. Интересно...

– Слушайте, а я в ГСК от Горного института на Ленинском проспекте вступил, но там ещё строить даже не начали. Мы ещё не знаем, где нам землю выделяют. Пусть бы он подождал чуть-чуть? Может, мы обменялись бы с вами через годик.

– Правда? Я скажу ему. Значит, если он согласится, я смогу ещё на одну зиму картошки запасти.

Вот, судьба, и сын есть, и внук, — думал я, возвращаясь домой, — а пожилой человек переживает, что негде будет картошку хранить.

У нас Никифоровна уже проснулась и сидела за столом на кухне. Галия готовила ужин.

— А Андрей Егорович уже ушёл? — заметил я. — Вы, хоть, поблагодарили его?

— Он сейчас вернётся, — как о само собой разумеющемся ответила Галия. — Своих, только, предупредит, что он у нас. Не уходи, сейчас кушать будем. Андрей Егорович обещал бутылку принести. Знакомство отметить с Анной Никифоровной.

— Что у нас, своего, что ли, нет? — спросил я.

Уж Галия-то знала, что мы потихоньку свой бар создаем. Уже бутылок десять накопилось разного алкоголя. Это же Москва, тут снабжение чуть ли не лучшее в Союзе. То одно выкинут, то другое, грех не взять впрок, когда случайно наткнулся.

Да и все это разнообразие алкоголя из союзных республик как-то завораживает. Это не пробовал никогда, и не слышал ничего, и интересно как-нибудь открыть, а про это слышал горячий одобрямс и хочется тоже к своей коллекции приобщить. Ну и в «Дарах природы» нет-нет, да подложат в подарки бутылку какую спиртного.

Но десять бутылок это так, мелочь. В прошлой жизни у меня штук семьдесят разнообразных бутылей в баре сто-

яло. Отдельный комод здоровый выделил. Даже с подсветкой внутри, как в лучших домах Европы. Сам почти не пил, но всегда приятно, когда гости придут, а у тебя нет проблем их угостить практически на любой вкус. Хмыкнул, подумав, что это хомячество наверняка, пригодилось на моих похоронах. Тоже неплохо, сэкономила дочка...

– Сказал, что подарок от сына, хранил уже два года на особый случай, – пожала плечами жена.

На меня похож, – подумал я одобрительно, – такой же коллекционер. Ищет повод оставить, а не выпить.

Никифоровна выпалась, посвежела.

– Лекарства пили? – напомнил я.

Никифоровна кивнула и показала мне надорванные блистеры.

– Так, по поводу отметить... – несколько запоздало сообщил я. – Пять дней сухой закон, Анна Никифоровна, пока лекарства пьёте. Мы же не знаем, можно ли их с алкоголем сочетать.

– В войну только спиртом и лечились, – проворчала она, а в глазах её я заметил хорошо знакомый хулиганский озорной блеск.

Ну, даёт, только что помирала, а чуть пришла в себя, и уже хулиганить готова.

Вернулся Андрей Егорович и притащил бутылку вина. Бордо, красное, французское. Да еще и с металлической шильдочкой, прикрепленной к бутылке. Солидно выглядит.

Ну понятно, почему дед не хотел просто так открывать. С гордостью поставил на стол. Галия достала бокалы, а штопор хозяйственный дед с собой принес. Как будто у нас своего нет.

Я молчал, пока он один из бокалов не поставил перед Никифоровной и не набулькал туда почти до краев сто пятьдесят граммов. К полному удовольствию последней.

– Андрей Егорович! Анна Никифоровна! – последний раз попытался я воззвать к их благоразумию. – Разве можно алкоголь мешать с лекарствами?

– Гриша сказал можно и нужно, – как ни в чём не бывало ответил старый. – За знакомство-то?

– А вы ей Гришин шприц-тюбик хоть не кололи? – спросил я, с подозрением поглядывая на них. Как же они быстро снюхались... Ведут себя так, как будто пару лет уже знакомы.

– Не, не пригодился, – ответил он.

– Ну, тогда ещё куда ни шло. Но лекарства сегодня больше не пить, – строго сказал я, глядя на Никифоровну.

Мы просидели за столом весь вечер, Гришин старый ушёл от нас поздно. Мы выпили его бутылку, смеялись и шутили. Никифоровна всё сокрушалась, что рот широко открывать ещё страшно, пить не получается.

– Только пить и не хватало после такой экзекуции, – удивлялись мы со старым.

Галия мне постелила в большой комнате на раскладушке, а сама спала с Никифоровной.

Утром в воскресенье позвонил Фирдаус и попросил посмотреть его диплом, если у меня будет сегодня время. Даже обрадовался его просьбе. Должен ему, все же. Памперсы мне много ночей сэкономят, тут же не ошибешься в силу собственного опыта. Разницу с пелёнками прекрасно понимаю. Надо будет, кстати, до его отъезда еще раз сходить с ним в «Березку». Как ни экономя, а памперсы, что он уже подарил, быстро закончатся. Мне бы хоть на полгодика запас сделать... Договорились, что они с Дианой приедут, как соберутся.

Конечно, я и за подаренную машину был благодарен, но там случай был особый. Родители его все же проставлялись, а они живут в капиталистической стране, цену деньгам знают. Раз так проставились, значит, действительно, гораздо больше денег сэкономили за счет моей помощи.

Вскоре пришли Андрей Егорович с Родькой, хотели пригласить Никифоровну с ними гулять на ВДНХ. Но у неё ещё флюс не совсем прошёл, она застеснялась на улицу выходить.

– Побудьте ещё дома хотя бы денёк, – поддержал я её, – на улице сквозняки, ещё продует. Врач совершенно четко сказал именно сквозняков избегать. Андрей Егорович, оставайтесь у нас, пожалуйста, и Anne Никифоровне веселее будет. А на ВДНХ завтра сходите после школы. Да, Родька? – подставил я ему ладонь.

– Да, – весело шлёпнул он меня пятернёй в ответ. Научил-

ся от меня...

Вскоре приехали Эль Хажжи, привезли всяких экзотических сладостей из «Берёзки». У бедного Родьки глаза разбежались. Никифоровна тоже оценила угощение, по глазам было видно. Уж кто-кто, а она в силу своей предыдущей работы в Святославле в дефиците разбиралась.

Мы с Фирдаусом их оставили за столом на кухне, а сами уехали в большой комнате.

– Ну, давай посмотрим, что тут у тебя, – разложил я листы его работы на коленях. – В последнее время это очень востребованная тема, скажу я тебе. Три лекции, как минимум, прочёл на похожие темы.

– Какие лекции? – не понял меня Фирдаус.

– В обществе «Знание» лектором подрабатываю, – пояснил я.

– Не знал, – удивлённо посмотрел он на меня.

– Разве, не говорил? – сам удивился я. – Мне казалось, все знают. Ладно, давай смотреть, что у тебя здесь.

Переделали всё. Полностью поменяли концепцию, меньше цитат, больше собственных мыслей. Нет, цитаты тоже добавили, но совсем другие. Я диктовал, Фирдаус записывал, свой почерк легче разобрать, ему ещё оформлять это всё чертёжным шрифтом.

Учитывая, что дипломную работу ему придётся защищать, старался навести его, сначала, на нужную мысль. Обсудить, чтобы он понял смысл и суть, потом только дикто-

вал, собственно, текст.

Целую главу посвятили с ним перспективам технологического развития, в т. ч., перспективным отраслям и тем изменениям, что они за собой повлекут.

– Я бы не афишировал такие выводы, – вдруг заявил он мне, поблескивая глазами. – Это может оказаться серьёзным инсайдом, понимаешь? Это же золотое дно!

– Не волнуйся, по ту сторону железного занавеса эта информация, поверь мне, не уйдёт. Ты будешь единолично ею владеть. Она, вообще, не уйдёт дальше архива твоего ВУЗа. Это беда советского общества. Если бы ты знал, сколько патентов на изобретения и рационализаторских предложений пылятся в архивах никому не нужные.

– Я все же посмотрю еще, – решительно сказал он, – и, если что использую для бизнеса, как по нефти договаривались, твоя доля здесь будет той же, что и там.

Я только кивнул. Зачем мне против выступать? Пусть скушает акции соответствующих предприятий, оба не внакладе останемся.

Заглянули девчонки и позвали нас обедать. Гончаровы уже ушли.

– Андрей Егорович Родьку домой решил отвести, а то ему с нами скучно стало, – объяснила Галия. – Обещал попозже ещё зайти, чтобы Анну Никифоровну провести.

На последних словах Галия заулыбалась, и на Никифоровну хитро посмотрела. А та смутилась и заёрзала, даже, по-

краснела.

Не понял... Неужто?

– Я все запишу, – дёрнул меня Фирдаус за руку, – скомпоную и привезу тебе на проверку, прежде, чем оформлять, ладно?

– А? Конечно, – отвлёкся я от своих мыслей.

После обеда Эль Хажжи уехали, и я захотел, наконец, лечь вздремнуть. Воскресенье, всё-таки.

Никифоровна чувствовала себя уже гораздо лучше, и очень ей захотелось пирожков напечь к приходу Егорыча. Сунулась: мука есть, дрожжи есть, думала, сейчас она быстренько свои фирменные пирожки напечёт...

А у нас плитка запекается в духовке.

Глава 8

г. Москва, квартира Ивлевых.

Долго с женой объясняли Никифоровне, зачем надо плитку греть, да ещё так долго. Но Галия умница, сообразила, предложила ей без духовки обойтись, татарских беляшей на сковороде нажарить, и Никифоровна сразу переключилась на готовку. А то как на сумасшедших на нас сначала смотрела.

Облизнулся заранее. Беляши – это очень вкусно, проснусь, как раз готовы уже будут. Спал на своей раскладушке в большой комнате, ничего не видел и не слышал. Разбудил меня телефонный звонок. Слышу спросонья, как Галия говорит кому-то: «он спит». Ну, похоже, кому-то я понадобился... Взглянул на часы и стал кричать жене, что уже проснулся. Сколько можно спать? Тем более, выйдя в коридор, учуял тот самый неподобный аромат беляшей.

Звонивший представился другом Михаила Андреевича, и спросил можно ли сегодня вечером зайти. Мол, для него посылка должна быть оставлена.

– А, да-да, конечно, подъезжайте, – пригласил я его, вспомнив про поручение. – Знаете, куда ехать?

Он сказал, что уже бывал у художников на новой квартире. Договорились, что он ко мне на третий этаж, сначала, поднимется и вместе спустимся за «посылкой», чтобы мне

не караулить его в чужом доме. Очень хорошо, что он позвонил, быстро выполним поручение соседей и будем чувствовать себя свободно. А то моя гиперответственность голове покоя не даёт, всё кажется, что мы из дому ушли-уехали, а там человек дозвониться не может.

Войдя в кухню, обалдел от большой компании. Ну ладно, Андрей Егорович пришёл, в этом ничего удивительного в последние дни для меня уже и нет. Его, похоже, на Никифоровну как магнитом тянет. Но в кухне оказались и Иван с Ксюшей...

– Вы что, на запах пришли? – протянул я руку Ивану.

– Да нет, они раньше пришли, – бросилась защищать их Никифоровна.

– Ну, тогда ладно, – подмигнул я Ксюше. – Где были, что делали?

– Ой, мы на ВДНХ гуляли, там такое мороженное вкусное!

– Вот! А ты не пошла, – улыбаясь одними глазами, укорил Егорыч Никифоровну.

– Да ладно, завтра сходим, Родьке же обещали, – напомнила она ему.

Это что, у них уже и планы совместные, и внучка уже к ним привлекли? – с недоумением взглянул я на жену, она только плечами игриво пожала в ответ. – Во Никифоровна даёт. Или это Егорыч?

Первую партию беляшей проглотили моментально. Вторую уже удалось посмаковать. И только с третьей отложили

гостинцы Родьке с Григорием и Ирине Леонидовне.

Вскоре пришёл покупатель за картиной. Солидный мужик, с пузом, в кожаной куртке. Хотел быстренько спуститься с ним и вернуться, но Галия потребовала взять её с собой. Ей любопытно было, что за человек покупает картины, и сколько же за ту картину дадут?

Покупатель вручил мне незапечатанный конверт. Я выдал ему картину, и он ушёл.

– Богатый, вроде, – задумчиво сказала жена, когда мы закрыли за ним дверь, – и культурный, раз готов платить за картину. А сколько он, кстати, за нее заплатил? Картина совсем небольшая была...

Поддавшись на уговоры жены, пересчитал деньги. Успокоил себя тем, что никакого уговора не пересчитывать, не было. В конверте оказалось тысяча двести рублей.

– Вот это да! – мечтательно протянула Галия, пока я пристраивал конверт с деньгами на указанное хозяевами место. – Может, Юрка прав, что на художника хочет выучиться? А?

– Не забывай, дорогая, наши соседи члены Союза художников СССР. Оба. А это имя, знакомства, это как гарантия качества для покупателей, понимаешь? Молодой, никому неизвестный художник, и трети этого не получит за свою работу. А то и меньше. Трудно сказать, я не разбираюсь в их внутренней кухне.

– Ну и что? – загорелась жена. – Даже треть! Это же так

много! Представляешь? Сажу дома, рисую не спеша и такие деньжищи получаю!

– Так-то да, – вынужден был согласиться я. – Но представь, у тебя ребёнок маленький, как тебе тогда рисовать? Только отойдешь от полотна в другую комнату, как он кисть схватит и маленько картину усовершенствует. Придется податься в постмодернисты, чтобы объяснить людям хоть как-то, что это такое на картине изображено.

– Он же не всю жизнь будет маленький, – возразила она и поджала губки. – И что такое постмодернизм? Про модернизм я читала, а это что такое?

– Хм... сказал я и задумался. Спалился, что ли, раз супруга еще ничего не знает о постмодернизме? Да нет, точно уже должен быть!

– Это такое модное течение сейчас на Западе, оно до СССР еще не дошло, возможно. Я в ГДР от кого-то слышал. Но тебе вряд ли понравится. Ну и в целом, – я вздохнул, – дорогая, я совсем не против, чтобы ты как художник реализовалась. Всем, чем нужно будет, поддержу, ты же меня знаешь. Я просто хочу, чтобы у тебя был план «Б» на случай, если что-то пойдёт не так. Диплом Горного института получить, в любом случае, надо. Согласна?

– Конечно, я понимаю.

– Трудовую книжку где-то держать тоже надо. Не успеешь оглянуться, а уже на пенсию выходить, надо иметь стаж и хорошую зарплату в последние годы перед пенсией, но и это

мы организуем.

– Трудовая у Тараса Семёновича в институте, – напомнила мне Галия. – И на ЗИЛе стаж идёт. И скажешь тоже, что не успеешь оглянуться! Мы же совсем с тобой молодые! Нам еще до этой пенсии жизнь прожить надо!

Я снова вздохнул. Блин, и я когда-то точно также думал! Помню, как-то с друзьями, когда мне лет двадцать было, обсуждали что-то про тридцатипятилетнего мужика, так мы его искренне считали старым. Мол, все у него уже позади. В отличие от нас... А потом, когда 58 стукнуло...

– В общем так, – подытожил я, – нравится тебе, учись, кто же против. Тем более, у тебя сейчас есть возможность бесплатно обучаться у художников очень высокого уровня. Это дорогого, на самом деле, стоит.

– Ура! – обрадовалась Галия.

Можно подумать, до этого я ей запрещал. Вот такой страшный деспот и сатрап, который вдруг решил смягчиться. Гормоны, похоже, у нее во всю из-за беременности играют...

Вдоволь наговорившись, мы с женой покинули чужую квартиру.

Если посмотреть непредвзято, то, конечно, это шанс для Галии, – думал я, стоя у лифта. – Елена Яковлевна её любит и Галия к ней тянется, самое то для учителя и ученика. Мало того, Елена Яковлевна всю эту кухню бюрократическую Союза художников изнутри знает, подскажет, с чего

начать. Опять же, художники её в свой круг общения введут, Галия знакомствами полезными обрastёт. Если бы Елена Яковлевна ещё, при этом, её всем своей ученицей представляла, это здорово облегчило бы ей жизнь в художественной тусовке и многие двери открыло бы.

Правильная подача молодого дарования это семьдесят процентов его успеха. И тут без помощи наших соседей-художников не обойтись, если хотим, чтобы Галия не просто рисовала в своё удовольствие, а вышла на профессиональный уровень. Но все равно, скорее всего, без профильного образования ее другие художники никогда не будут воспринимать полностью как свою... Может, если дело с рисованием хорошо пойдет, после Горного еще и в Академию искусств какую Галие податься?

– Я ещё буду гордиться, что женат на известной художнице, – обнял я жену и ободряюще чмокнул в макушку.

У нас дым стоял коромыслом. Никто и ничто уже не могло удержать Никифоровну затянуть свои любимые песни. К нашей компании присоединилась Ирина Леонидовна из соседней квартиры. По её счастливой улыбке и по тому, как охотно она подпевала вместе с Ксюшей Никифоровне, понял, что, наконец-то, любимые женщины Ивана друг другу понравились. Ну и слава богу.

Вечер получился замечательный. Начал уже привыкать к тому, что люди могут завалиться в гости не то что без приглашения, а, даже, и без предупреждения. И мне это даже

нравиться начинало. Достаточно вспомнить свою жизнь после развода. Пришел с работы, стандартная рутина – смотреть очередной опостылевший сериал, похожий на другой... А уж фильм найти хороший, да в особенности когда политкорректность в Голливуде победила здравый смысл и британских королей в девятнадцатом веке вдруг стали играть негритянки... Да тогда негритянку и горшок бы не пустили вынести за белой королевой, не то что на трон не пустили бы! За работу по выносу горшка между собой богатые и знатные белые люди бились и интриговали!

Вечером вышли из дома вместе с Егорычем, я с собакой гулять, а он домой понёс беяши Родьке и Грише. Никифоровна его с пустыми руками не отпустила. Договорился с ним, что они, если гулять пойдут завтра, то закроют нашу квартиру ключами, что у Гриши хранятся. А то у меня нет ещё одного комплекта Никифоровне оставить. Кстати, сделать ещё парочку надо, мало ли приедет кто.

Наутро в университете посыпались известия, как снежный ком. Почувствовал в какой-то момент, что начинаю теряться в событиях. Во-первых, Лёха напомнил, что нам сегодня надо ехать на переговоры по стройотряду. А я ещё, даже, не звонил на предприятие. Хорошо автоматы телефонные стоят внизу, в первом же перерыве дозвонился и договорился о встрече. Пришлось, конечно, понервничать – все телефоны были заняты, девушки по ним беседовали. А сколько такой разговор продлится, дело совсем непредсказуемое...

Но повезло, прорвался достаточно быстро к одному из автоматов.

Вернулся, а у нас вся группа гудит. Брагин объявил, что сразу после летней сессии женится и пригласил всех желающих на свадьбу. Народ прибалдел сперва от такой новости, а потом обступили его с шуточками вроде «О! Салатиков поедим!»

– Похоже, Женька залетела, – предположил Булатов, рядом с которым мы стояли, поймав взгляд офигевшего от такой скорости со свадьбой Лёхи.

Вначале я с ним согласился. А что еще предполагать – еще недавно Костя с совсем другой девушкой встречался, и думать не думал ни про какую Женьку. И тем более про свадьбу. Но потом подумал, что по времени совсем не сходится. Сейчас же нет никаких тестов в аптеке, чтобы при таком раннем сроке удостовериться. Ладно, дело это темное у них, я точно в него лезть не буду. Хуже некуда, между другом и его девушкой влезать, да еще что-то про нее нехорошее говорить. Послушает он тебя вряд ли, а врагами можно стать на всю жизнь...

– А насчёт стройотряда? – уточнил у меня Леха, тоже, видимо, решив, что особенности скорой женитьбы Брагина совсем не его дело. А на свою ему деньги нужны, и без стройотряда у него их не будет.

– А, договорился. Едем сегодня.

– Да, дела, – задумчиво сказал Леха, глядя на Костяна.

Потом меня выловила Эмма Эдуардовна. Курчатовский институт проснулся, приглашают с лекцией.

– Представляешь, – рассказывала Эмма Эдуардовна, – так и сказали: в удобное для него время. Чтобы не в ущерб учебному процессу.

– Тут неделя до начала зачётов осталась, – задумался я. – Хорошо бы на этой неделе отстреляться, чтобы уже потом не отвлекаться.

– Ну, давай, в среду после занятий. Успеешь подготовиться?

– А какую они хотят тему?

– Сказали – целиком на твоё усмотрение, – удивленно поджала губы замдекана. – Поразительно, как они тебе выбор темы доверяют! Это же такой важный научный институт!

– Пообщались с ними очень хорошо в прошлый раз, вот и доверяют! – рассмеялся я. – Ну, хорошо. Давайте, сразу после пар, только не в среду, а в пятницу. В среду мы едем на производство, договариваться насчёт студенческого стройотряда на лето. В четверг меня уже наш славный Константин Сергеевич на целый день в ссылку отправляет в Подмоскowie. Он, кстати, говорил вам, что меня на занятиях в четверг не будет? Обещал меня у вас отпросить...

– Я уточню у него, забыл, наверное. Хорошо, Павел. Значит, на пятницу договариваюсь, – подвела итог Эмма Эдуардовна. – И за тобой опять приедут, – улыбнулась она и попрощалась.

Ну, и хорошо, что придут. Быстрее отстреляюсь, быстрее освобожусь.

Во время большого перерыва помчался звонить маме на работу.

– Ой, сынок, хорошо, что ты сам позвонил, – воскликнула возбуждённая мама. – Мы с Ахмадом решили, что он пойдёт в отпуск, как и планировали, с двадцать девятого мая, а я ещё неделю за свой счёт возьму. Он привезёт нас в эту субботу, двадцатого числа, с Аришкой в Москву.

– Инна уже позвонила? – догадался я.

– Да, уже «обрадовала». Но я, если честно, даже рада, что так решили. Зато ребёночек здоровый будет. Сразу спокойнее на душе стало, а то, знаешь, как переживала. А швы зарастут... Сынок, мы с Аришкой, пока, у тебя остановимся, ладно?

– Ну, конечно, мамуль.

– А потом уже переедем к бабушкам, когда Инну с малышом выпишут.

– Хорошо, хорошо, мамуль, всё нормально будет.

Нужно срочно диван купить в большую комнату, – озадачился я, возвращаясь в университет, – а то где мама с ребёнком спать будут?

После пар поехали с Лёхой на Останкинский молочный комбинат. Там нас встретил шустрый невысокий мужичок с хитрым внимательным прищуром.

– Иван Михайлович Рязанов, – представился он. – Я глав-

ный инженер этой богадельни.

– Почему богадельни? – хохотнул я, не ожидая такой самоиронии.

– Да потому, – озабоченно ответил он. – Куда не сунься, везде что-то надо отремонтировать, не оборудование, так помещения.

– С помещениями мы вам поможем, – заверил я его. – Для этого мы и пришли.

– Ну пойдёмте, посмотрим, что я могу вам предложить. Я так понимаю, профессиональных строителей среди вас нет?

Мне не понравилось, каким тоном он это сказал, типа, мы должны чуть не за похлёбку работать.

– Зато мы молоды и полны сил, – возразил я. – И готовы работать сверхурочно ради хороших денег.

– А что вы можете? Плитку класть можете? – скептически спросил он.

– Нам бы такую работу, – ответил я, – которую профессионалы не любят потому, что она тяжелая. А делать надо. Вот, мы бы и взялись за неё. В прошлый раз, мы полы бетонировали на складе хлебозавода.

– И большая площадь склада была? – всё так же скептически смотрел на нас главный инженер.

– Большая. Но руководство завода хорошо заплатило, чтобы мы уложились в срок, пока завод на мойку был остановлен.

– И сколько же вам заплатили?

– По тысяче на человека, – приврал я.

– Ну! – удивился он. – И сколько вас было?

– Шестеро.

– А, ну это ещё ничего, а то мне сказали, что вас двадцать человек.

– Иван Михайлович, давайте объект посмотрим, – попросил я. – Мы же можем и несколько объектов взять, разбиться на несколько бригад. Любой каприз за ваши деньги.

Он усмехнулся на последней моей фразе.

– Ну, пошли. Ты как про заливку полов сказал, так у меня идея появилась.

– А до этого вы какую работу хотели нам предложить?

– Старую линию надо разобрать, вынести из помещения, металл рассортировать, сталь отдельно, алюминий отдельно. И, раз уж заговорили об этом, полы залить во всём цеху. На всё про всё месяц, – привёл нас главный инженер в просторное помещение, где ещё всю шла работа на старом оборудовании.

– Сколько заплатите?

– Пять тысяч.

– Ну, несерьёзно, Иван Михайлович. Разобрать всё это, вынести и рассортировать по видам металла, это уже три тысячи. И полы: старую плитку же надо будет сбить? – он кивнул. – И каким слоем заливать будем?

– Сантиметра три стяжки достаточно под новую плитку, – хмуро ответил главный инженер.

– Значит раствор без щебня, с одним песком. Так? – спросил я, тот кивнул в ответ. – Ну, допустим, мешки с цементом ещё можно на поддонах сюда затащить, – оценил я широкие ворота в цех. – А как песок сюда попадёт? Ребята тачечками должны будут его возить с улицы? Тяжелая работа. Бетономешалки, кстати, есть? На такую площадь нужно будет три штуки, не меньше.

Он молча смотрел на меня, задумчиво изучая.

– Три тысячи за оборудование и восемь за полы, – объявил я свою цену. – И с вас бетономешалки, тачки, лопаты, бочки под воду, вёдра, электроудлинители и шланг до ближайшего крана с водой, – специально перечислил я, чтобы он понял, что я знаю эту работу.

Мы стояли и сверлили друг друга взглядом. Он был откровенно разочарован, даже злился. Халява обломилась, заработать на глупых студентах не получается. Хотя, металл он, наверняка, сдаст. Иначе зачем его сортировать? А с родного комбината ещё и деньги за вывоз мусора стрясёт.

– Вам что важнее, дело для комбината вовремя и хорошо сделать или ещё что-то? – спросил я, демонстрируя, что прекрасно его понимаю.

– Мне надо с начальством посоветоваться, – наконец, ответил он. Отмазался просто, небось, хочет подешевле кого-то поискать.

– Конечно, – ответил я. – Запишите, пожалуйста, мой домашний телефон, на случай, если, всё-таки, решите нас при-

гласить. Со своей стороны хочу добавить, что в нашем лице вы приобретёте заинтересованных, непьющих, дисциплинированных работников, гарантирующих сроки и качество работ.

– Ещё бы вы денег поменьше брали.

– А мы по-всякому можем, – решил подколоть его я. – Можем быстро и качественно, но дорого. Можем медленно и качественно, но подешевле. А можем медленно и некачественно, зато дёшево.

– Я понял, – усмехнулся он.

Он проводил нас до вахты, мы вполне доброжелательно попрощались. Показалось мне, что к концу нашей беседы настроение его изменилось. Уважение появилось, которое напрочь отсутствовало вначале. Чувствую, позвонит он мне ещё.

– Ну, ты даёшь! – выдохнул Лёха, который всё время переговоров стоял рядом, затаив дыхание. – Ну, вообще! Как ты торговался! Одиннадцать тысяч!

– Ты, просто, ещё не представляешь, какая это тяжёлая работа, – спокойно ответил я. – Если он вас, всё же, позовёт, поделишь весь зал на три участка. На них будет работать три бригады и будете устраивать соревнования, так легче работать будет, если азарта добавить.

– Ты подскажешь, что и как делать? – с мольбой в голосе спросил Лёха.

– Конечно, – улыбнулся я. – Куда я денусь?

Мы дошли до электрички, вместе доехали до метро и разъехались в разные стороны.

Дома уже ждала жена. После ужина пошёл на поклон к Анне Аркадьевне. Взял для разговора одну из книг из тех, что Сатчан регулярно подвозит. Уже одно отделение антресолей ими заставил в шкафу в спальне. На дверцу с обратной стороны приклеил лист бумаги и стал записывать, кому и что уже дарил, чтобы не повторяться.

– Добрый вечер, Паш, – обрадовалась она, увидев у меня книгу в руках. Всё без слов поняла. – Проходи, проходи. Созрели для дивана?

– Да, – рассмеялся я, – от вас ничего не скроешь. Можно я Галию завтра пришлю к вам на работу? Думаю, пусть лучше хозяйка сама цвет и модель выберет. А то мама в субботу приезжает с племяншкой, малышке двух лет ещё нет, даже положить их некуда.

– Так, давай и детскую кроватку сразу сделаем, – предложила Анна Аркадьевна. – Вам же, всё равно, скоро понадобится, – хитро улыбнулась она. – А у нас такие красивые кроватки сейчас стали делать! Прямо загляденье!..

– Тогда, с меня ещё книжка, – пообещал я. – Значит, жена после института сразу к вам подъедет, ладно?

– Конечно, буду рада помочь, – улыбнулась она.

– Спасибо вам огромное! – проговорил я и попрощался.

Вернувшись домой, нашёл на столе письмо от Славки Комарцева.

– Вытащила из ящика и забыла тебе сразу показать, – начала виновато оправдываться Галия.

– Ничего страшного, дорогая, бывает, – торопливо распечатал я письмо.

Славка писал, что у них всё хорошо, отслужил уже почти полгода. Со службой повезло. В городе бывает часто, со своими видится постоянно. Одно беспокоит, Эмма школу заканчивает, куда ей дальше идти учиться? Уезжать из Святославля она не хочет. В наше Святославское педучилище ходила, ей там прямо сказали, что не с её дикцией там учиться.

– Да, дела, – отложил я письмо. – Дорогая, напomini, где ты в Брянске училась на заочном, в БИТМ? – Галия кивнула. – А факультет?

– Экономики и управления, кафедра философии, истории и социологии.

– Так и напишем, – улыбнулся я. – Славка спрашивает, куда Эмме учиться идти так, чтоб из Святославля не уезжать.

– Ей на работу устроиться надо, чтобы на заочное поступить, – подсказала жена.

– И то верно! Спасибо, что напominiла.

Сел писать Славке ответ. Тут же вспомнил, зачем к главному бухгалтеру ходил.

– Кстати, мама с Аришкой в субботу приедут. Договорился с Анной Аркадьевной насчёт дивана и маленькой кровати. Она будет ждать тебя завтра на фабрике. Выбери цвет и модель дивана сама, пожалуйста, а то я не доеду туда ни-

когда.

Сразу решил оставить деньги и ещё одну книгу для Анны Аркадьевны, пока помню.

Дописал письмо Славке, запечатал, подписал конверт и положил перед зеркалом в коридоре, чтобы завтра не забыть в ящик почтовый кинуть. Стою перед зеркалом и думаю, что-то мне никто давно не звонил.

Тут раздаётся телефонный звонок. Аж рассмеялся, глядя на своё отражение. Кто, интересно? Может, в Верховном Совете уже созрели?

Но это оказался Сатчан.

– Ну, что, – поздоровавшись заявил он, – принято решение по итогам вашего рейда продолжить работу силами вашей же команды.

– Да ладно! – разочарованно протянул я. – Опять в этот гадюшник идти?

– Вы уже в курсе, что там, да как и где, – продолжал он. – Это официальная версия.

– А неофициальная? – напрягся я.

– Сейчас приеду и расскажу, – загадочно ответил он.

Глава 9

г. Москва.

– Ну, что вы опять придумали? – протянул я руку Сатчану, садясь к нему в машину.

– Короче, навели справки об этой фабрике...

– Которой? Их там две.

– Которая ткани выпускает, – уточнил Сатчан. – Решили взять её под своё крыло.

– Зачем вам такое хозяйство? Там цеха времён царя Гороха, чтобы порядок навести, надо море финансовое туда влить. Ремонт, проводка, коммуникации, новое оборудование, очистные сооружения... Сплошной геморрой, если честно, а не актив.

На самом деле, земля под всем этим будет очень хорошо стоять лет так через двадцать. Но удержат ли Сатчан и компания этот актив в течении двадцати лет?

И я ведь прекрасно понимаю, хотя вслух мы с Сатчаном вряд ли это будем обсуждать, что они собираются проверить, почему их не пугает ужасающее состояние фабрики. Они явно, взяв её под контроль, сразу же пробьют фонды на реконструкцию, и эта задрипанная фабрика превратится в лакомый кусочек. Да еще, небось, и себе что-то отщипнут с тех щедрых денежных потоков, что выбьют на реконструкцию.

Но в девяностых придётся отстаивать своё влияние на фабрику в очень жёсткой борьбе. Разгул криминала будет страшный... Без хорошей крыши этот лакомый кусочек будет не защитить. Без головы останешься. А насколько эта комсомольская кампания, прекрасно себя чувствующая в нынешних тепличных условиях, окажется готова яростно и профессионально сражаться в 90-х за активы? Найти надежную крышу, или самой стать ей, расширившись за счет нужных людей?

– Слушай, мы с тобой люди маленькие, – примирительно сказал Сатчан. – Нам партия сказала, комсомол ответил «есть».

– Хорошо, – ответил я, поняв, что правильно угадал, вслух обсуждать будущую реконструкцию Сатчан со мной в силу каких-то своих соображений не готов. – Какая, значит, моя задача?

– Как обычно. Найти тонкие места, – пожал он плечами. – Серьезные нарушения, за которые их можно прижать.

– Там всё одно сплошное тонкое место, – фыркнул я, не особо горя желанием заниматься этим делом. – Одно воющее недоразумение.

– Нужно что-то конкретное, документально зафиксированное. Запах к делу не пришьёшь. И сам понимаешь, мы тебя не обидим. Понравилась жене шубка?

– Да, понравилась. Хорошо, – согласился я, услышав от Сатчана то, что хотел, – когда это надо?

– Как всегда, уже надо, – дружелюбно улыбаясь, ответил он.

– Савостюк в курсе?

– Ещё нет, завтра с ним переговорю.

– Ладно, тогда завтра с ним созвонюсь, – протянул я ему руку прощаясь.

* * *

Москва. Квартира прокурора Томилина.

– Ой, не знаю, Юр, что вы с Брагиным так торопитесь? – недоумевала жена прокурора. – Мне кажется, Женечка ещё не готова к самостоятельной жизни.

– Она никогда и не будет готова, если при нас останется. – возразил ей супруг. – Ты даже хлеб резать её не научила.

– Но, Костя тоже ещё так молод. Им ещё учиться и учиться обоим. Разве они справятся?

– Лёва говорит, у Кости в этом же доме однокурсник живёт, ровесник, уже женат, ребёнка с женой ждут. И повзрослели не по годам, и справляются, и мама сопли поминутно не вытирает. Работают после учёбы и с родителей помощь не тянут.

– Ну, откуда ты знаешь? – вспылила супруга. – Как могут дети в восемнадцать лет самостоятельно и работать, и учиться?

– Очень просто. Марин, вспомни, как мы начинали.

– Мы же только на третьем курсе с тобой встретились...

– А твоя дочь будет на втором. Вспомни себя на втором курсе. Ты в общежитии жила, руками стирала, и еду на общей кухне готовила. Наша Женя так сможет? – жена молчала, возразить было нечего.

Прокурор ушёл на балкон курить. Ему тоже было страшно за молодых. Но они с Лёвкой Брагиным другого способа научить детей самостоятельной жизни не видели. Друг тоже жаловался на сына, что тот безынициативный. Привёз отец диван – хорошо, не привёз – и на раскладушке нормально. Привёз стол на кухню – хорошо, не привёз – и подоконника хватает.

Главное, что оба, и Женя, и Костя, согласились на брак. Может, не всё ещё потеряно, может, оставшись один на один с бытовыми вопросами они быстро повзрослеют, когда поймут, что помощи ждать не от кого.

Главное, чтобы мать не вмешалась и всё не испортила. Сколько раз ей говорил, что она слишком балует дочь. И вот, пожалуйста, выросло совершенно не приспособленное к самостоятельной жизни существо. А родители не вечные!..

* * *

Вернувшись домой, застал у нас вернувшихся с прогулки по ВДНХ Никифоровну и Гончаровых, старого и юного.

– Ох, давно я в Москве не была! – делилась впечатлени-

ями восхищённая Никифоровна. – Какая же красота на ВДНХ!

Проголодавшийся Родька уплетал фирменные рубленные котлеты от Никифоровны, а старый с явным удовольствием наблюдал за тем, как Анна Никифоровна с детской непосредственностью делится с нами своими впечатлениями от прогулки по Москве.

– А приезжайте к нам в деревню! – вдруг заявила Никифоровна, глядя на Егорыча с Родькой. – Вдвоём.

– Куда?! – чуть не поперхнулся я чаем. – Вам к врачу завтра. Забыли? Кстати, а вы сами доберётесь до института Бурденко?

– Доедем, ничего страшного, – отмахнулся Егорыч. – Сопровожу. Я же весь день свободен...

– Спасибо! – благодарно улыбнулся я. – А то зашиваюсь с учёбой, с работой...

Протянул ему медкарту Никифоровны и показал пять рублей в ней.

– Это доктору потихоньку надо отдать. Я ему с утра позволю, попрошу время назначить, – инструктировал я Егорыча.

Тот понимающе кивнул, глядя на пятерку. Потом взял ее, засунул мне в карман рубашки. Извлек из кармана спортивной куртки небольшой кошелек из болоньи, открыл, достал из него пятерку и положил в медкарту вместо моей.

Мне было очень смешно, когда он проделывал все эти манипуляции... Еле сдержался, чтобы не рассмеяться, а то

неправильно еще поймет. Егорыч демонстративно показывал мне, что «застолбил» Никифоровну, и берет ее на свое обеспечение. Этак скоро и свадьбу придется играть...

– Приедете в больницу и позвоните вот по этому номеру, спросите Нину Афиногенову, – написал я прямо на карте карандашом, – она поможет вам найти кабинет стоматолога, отдадите ей вот эту книгу за помощь, – выдал я очередной томик из своих запасов.

Ох, не забыть бы отзвониться в больницу завтра с утра. Написал себе записку и подсунул в раму зеркала в коридоре.

Гончаровы ушли, проводил их до подъезда и побежал дальше с псом гулять. Что ж такое? Покой нам только снится.

Во вторник дождался восьми часов и начал названивать в институт Бурденко. Первой дозвонился Нине в ординаторскую. Инну будут оперировать в пятницу. Ух... Хотя бы все хорошо прошло! Любые наши противоречия отступили в сторону.

Попросил Нину помочь моим старикам стоматолога найти. Она сразу спросила, когда их ждать? Естественно, я сказать не мог и обещал перезвонить. Семён Валерьянович взял трубку только в двадцать минут девятого, Галия уже на занятиях уехала, а мне, чтобы не опоздать, придётся бегом бежать. Договорился с доктором на час дня, перезвонил Нине, но она уже усвистела куда-то из ординаторской, пришлось оставить для неё записку. Проинструктировал Никифоровну, куда им с Егорычем ехать. Наказал выезжать за полтора часа. Наде-

юсь, старики не заблудятся, всё-таки, Егорыч москвич. Да не, не заблудятся, старик обстоятельный и деловой, доставит ее в лучшем виде.

На первую пару, всё же, опоздал. А тут все гудит... Лёха уже всем рассказал, что я вчера потребовал одиннадцать тысяч за месяц работы нашего стройотряда. Народ шумел. Студенты уже начали делить невиданные для них деньги.

– Хорош! Вы чего! Нас ещё не пригласили, – попытался я спустить их с небес на землю. – Хотеть получить деньги и получить их – это две большие разницы.

А Лёхе потом высказал, что так никто не делает. Вот, когда уже ударили по рукам, тогда можно и похвастаться.

– А представь, не позвонит нам Рязанов, что ты парням будешь говорить? – с недоумением смотрел я на друга. – Догадайся, кого ответственным в коллективе за такой грандиозный ляп назначат? Отмываться потом долго будем!

Он только виновато взгляд прятал. Детский сад, штаны на лямках.

В перерыве звонил Илье Савостюку. Он ещё с Сатчаном не встречался, но из моего звонка понял, что по Язуе работаем дальше.

– Выбери день, на следующей неделе, – попросил я его, – лучше понедельник, когда все твои смогут.

– Девчонок тоже берём? – уточнил он.

– Да, теперь не по окрестностям фабричным гулять будем, внутрь пойдём, – подтвердил я и попрощался.

ВНИИ синтетических и натуральных душистых веществ.

Подруги, как всегда, встретились в институтской столовой.

– Ну, что ты киснешь? – спросила Лидия Лину. – Всё же хорошо закончилось. Дед писать на работу не будет. Жизнь продолжается!

– Угу, – безрадостно согласилась Лина, ковыряясь ложкой в тарелке. – Только, замуж как выйти? Соседи такие попались, всем дело есть до чужой личной жизни. И этот тоже, сказал, писать не буду, пока! Но чтоб замуж вышла, а то!..

– Ему-то какое дело? – удивилась Лидия.

– Кто его знает?

– Ладно, не кисни. Будет и на нашей улице праздник. Мужиков свободных ещё полно осталось.

– Ага, как же...

– Всё. Решено. Завтра пойдём с тобой вечером в ДК Метростроя. Там танцы по средам. – заявила Лидия.

– Брось! Это для молодёжи. Мы уже старые по танцам ходить.

– Ты подруга, говори, да не заговаривайся, – грозно глянула Лидия, – себя и то зря в старухи записываешь, а меня и вовсе не надо!

– Ну прости, Лидочка! – приобняла единственную подружку Лина, только сейчас сообразившая, что язык ее – ее же враг. – Сморозила по глупости!

Долго злиться Лидка не смогла. Если бы умела это делать, подругами они с Линой точно бы не были. Не первый раз та не думала, что языком треплет...

– Ну, давай, на ВДНХ сходим, – предложила она, отойдя. – Там где-то со стороны сельскохозяйственного входа мужики в городки играют. Постоим, посмотрим... Признакочимся... Они же тоже не дурные, поймут, для чего мы там ошибаемся...

– Да ну тебя. Там же старики одни. Да и стыдно же как!

– Хорошо. А как ты смотришь на бассейн Москва? – загадочно улыбнулась Лидия.

– Бассейн? Зачем в бассейн?

– Дурочка. Наденешь купальник в облипку. У тебя такая фигурка, все мужики твои будут.

– Мне замуж надо, а не опять двадцать пять, – с досадой ответила Лина. – Догадываюсь я, кто там моим будет. Женатик какой, или алиментщик с тремя детишками от двух браков. Гулены всякие, для которых я развлечение на неделю. А дед меня поленом по голове прибьет, если с таким снова увидит.

После пар поехал на лекцию в очередные «Дары природы». Когда они уже закончатся? День сурка какой-то, право слово. Подарки мне где угодно будут дарить после лекции, но хоть темы точно будут разные, и контингент будет отличаться. А то иногда выйду читать в знакомом для боли интерьере из зала и прилавков, и кажется мне, что в магазине сидят люди, что слышали мою лекцию уже раз десять перед этим... Проверка на психологическую устойчивость...

Хорошо, хоть, магазин в этот раз удобно располагался, у станции электричек в Тушино. Стандартная лекция, обычные вопросы, ничто, как говорится, не предвещало. Как вдруг, старенький сторож совершенно неожиданно меня спрашивает:

– Так, в чём, по-вашему, смысл жизни?

И с лукавой ухмылкой уставился на меня.

– Просто жить, – пожал я плечами. – Кто как умеет и может. Жениться обязательно, детей настругать. Любить безоговорочно жену и детей. Поддерживать хорошие отношения и с другими родственниками, понимая, что их не выбирают, и они не совершенны. Лучше так, чем правду-матку рубить, и на старости лет одному остаться в выжженном самолично вокруг поле. И кому нужна будет тогда твоя правда, если стакан воды тебе подать некому, всех разогнал?

Конечно, в идеале, все мы должны стремиться делать всё максимально хорошо. Но тут уж на что сил хватит. А силы у нас не бесконечны. Поэтому на бессмысленные вещи тратить силы не желательно. И приоритеты надо постоянно выбирать. От того, как мы их выбираем и зависит, будет наша жизнь полезной или бесполезной. Надо всегда помнить, что жизнь слишком коротка, второй раз прожить её начисто не получится...

Остановился на этом, озадаченный собственным ответом. Мне-то такой шанс дали, но я еще не полностью это осознал, получается, раз на чистом глазу такое говорю. А с другой стороны, есть такое понятие, как исключение, подтверждающее правило. Ну, с этой стороны если посмотреть, то я сейчас и не соврал вовсе.

Посчитав, что на этом вопросы закончились, я начал собираться. А коллектив, вдруг, начал спорить между собой. Было похоже, что это их какой-то внутренний спор, давно идущий. С улыбкой наблюдал за ними, так приятно, когда люди, работающие в магазине, серьёзными философскими вопросами озадачены.

– Вы хорошо сказали, – подошла заведующая магазином и положила рядом со мной на прилавок небольшую коробку, аккуратно перевязанную бумажным шпагатом несколько раз, чтобы руки не резало. – Прожить ещё раз жизнь начисто не получится. Надо с первого раза жить достойно. Они целый день спорят, – улыбаясь, кивнула она в сторону своих

сотрудников.

– Хороший у вас коллектив. Спасибо. – поблагодарил я её и попрощался, унося с собой коробку с «дарами природы».

Приехал домой, Галия уже дома была.

– Не забыла на мебельную фабрику съездить? – удивился я.

– Что ты, нет, конечно, – улыбнулась она. – Заказала и диван, и кроватку! Кроватку под цвет спальни с Анной Аркадьевной выбрали.

Жена была так довольна.

– А привезут когда?

– Завтра к вечеру уже всё будет у нас.

– Ну и прекрасно. Умница ты у меня! – обнял я её.

Как же здорово, когда она так рада.

Вскоре вернулись Никифоровна и Егорыч из больницы. Судя по многочисленным свёрткам, они не только в больнице побывали. Раз шопингом занялись, значит, всё нормально. Так оно и оказалось, когда расспросил.

Егорыч не стал у нас оставаться, пошёл домой ужин своим готовить, а Галия с Никифоровной остаток вечера детское приданное стирали, что старики сегодня купили. Все уже в курсе, что в пятницу нас на одного человека больше станет.

Хоть бы все в порядке с Инной было. Да, она может достать человека, но ошибки прошлой жизни я повторять не буду. Сам отдалился тогда от родственников, оправдывая

себя бурным темпом жизни, и тем, что они не всегда меня понимают, и в результате... Я же в магазине про себя перед смертью рассказывал... Про одиночку, не знающего чем заняться после работы... Вел бы себя иначе, было бы вокруг меня много людей, не отгонял бы их от себя своей занятостью и иногда, чего уж там сказать, и надменностью, считая себя самым умным, небось не помер бы от инфаркта в таком не слишком и пожилом возрасте, говоря по правде. Общение с другими людьми, которые тебе дороги, здорово продлевает жизнь. Я снова получил шанс прожить жизнь, и такой ошибки снова я не сделаю...

Придаться-то к любому можно. Апполинария и Эльвира разбаловали Инну до невозможности, вот тебе и предлог пробурчать – бабы дуры, и отдалиться от них. Петр безынициативный, совсем не как я – тоже можно послать его лесом. А можно и подумать, что в армии инициативных не очень-то и любят. Да и что, виноват он, что таким вырастили? Инка избалована – ну а что, она сама себя избаловала? Дианка... та вообще взрыв баллончика, засунутого детьми в костер. Ну вот такая она... Остается только посылать лучи добра к Фирдаусу, добровольно взвалившему себе на плечи это стихийное бедствие. Тимур – хулиган и потенциальный зэк, отвернулся бы от него брезгливо, не помог, сейчас бы уже и сидел, скорее всего. А глядишь, тьфу, тьфу, тьфу – будет бравым офицером-десантником.

Да нет вокруг меня совершенных людей! Нет!!! Но я вовсе

не считаю, что это плохо. Главное – вокруг меня живые люди. Я всем нужен. Я не одинок. Одиночество страшнее всего... Особенно если осознаешь, что сам себя в него завел.

В среду после пар поехали с Лёхой на второй объект посмотреть работу для стройотряда. Предприятием этот объект язык не поворачивается назвать. Так, мастерская по ремонту всякой бытовой всячины. Но работу там предложили интересную.

Здание одноэтажное, по площади квадратное. Вместо одной стены огромные витрины. Крыша плоская. Высота потолков метра четыре. Разгорожено помещение на участки самодельными перегородками, стеллажами и шкафами. Здесь вполне какой-нибудь большой магазин можно было бы разместить.

Директор пригласил нас спуститься за ним вниз.

Подвал под этим аквариумом оказался таким же большим, как и этаж над ним, но потолки всего метра полтора. Ходить там в полный рост можно было только по траншее, вырытой по центру.

– Сколько же здесь площадь? – уточнил я.

– Четыреста квадратов. Мы в том году этот окоп специально вырыли, посмотреть, как тут с талыми водами, не будут ли подвал затапливать, – объяснил директор мастерской. – Всё прекрасно. Решили выбрать грунт ещё на полтора метра, засыпать щебнем, потом песком сантиметров десять и залить бетонные полы.

– Матвей Яковлевич, а фундамент далеко заглублен? – поинтересовался я у него. – Обычно его на глубину промерзания делают, а это всего метр семьдесят. А вы хотите ниже заглубиться?

– Фундамент в глубину метр семьдесят пять, – уточнил директор, – мы там в углу копали, проверили, – показал он в дальний угол. Плюс пятьдесят сантиметров над уровнем земли до перекрытия первого этажа, – кивнул он на маленькие вентиляционные окошки. – Итого два двадцать пять получается.

– Все равно мало, подливать придется. Если по уму все делать. Чтобы здание потом не поплыло. Замыкать единым контуром с полом при помощи арматуры и бетона.

– Ну, если надо, то так и сделаем, – покладисто сказал директор, соглашаясь с тем, что он не большой специалист в таких вопросах.

– И что вы хотите тут сделать? – поинтересовался я, теряясь в догадках.

– Просто подсобное помещение, – слишком быстро ответил Матвей Яковлевич.

Угу, конечно! Скорее всего, цех подпольный... Столько усилий и денег для подсобки? Не верю.

– А как вы землю выносили и куда?

– Мы не выносили, тут она вся раскидана.

– А как планируете выносить?

– Ну давайте, поднимемся, – предложил директор.

Он подвёл нас к большим воротам для грузовых автомобилей. Сразу не обратил на них внимания.

– Сюда загоним кузовом грузовик и будете высыпать ведрами.

– Грузовик здесь не поместится, – прикинул я расстояние до ближайших рабочих мест.

– А мы ворота откроем, а грузовик не целиком загоним, а только на половину.

Ну, точно, подпольщина какая-то. Стоит себе грузовик в воротах и стоит. А то, что мы там, как кроты, подвал углубляем, даже и знать никто не будет. Хотя, может, я придумываю, и он о нашем удобстве печётся, мало ли дождь пойдёт, чтобы мы из-под крыши не выходили. Но нет, кто о таком вообще думать будет со стороны заказчика...

– Хорошо, вынуть грунт четыреста квадратных метров на полтора, это шестьсот кубов, затащить щебень и песок по сорок кубов, залить полы минимум на десять сантиметров, подлить фундамент семьдесят пять сантиметров, толщиной в тридцать сантиметров минимум, по всему периметру, – начал перечислять я. – Это семьдесят шесть кубов бетона. Сколько денег даёте?

– Десять тысяч, – решительно ответил директор.

– Это мало, – ответил я. – Это очень мало. Это только за вынуть грунт.

– Да что ты говоришь? – возмутился он.

– Семьдесят пять машин грунта, – настойчиво ответил я.

– Откуда столько?

– По восемь кубов машина, шестьсот кубов грунта. Разделите шестьсот на восемь.

– Да как у тебя шестьсот кубов получилось? – возмутился тот.

– Ну, давайте считать. Высота потолка сейчас метра полтора.

– Метр пятьдесят пять, – поправил меня Матвей Яковлевич.

– Ну, хорошо, – достал я свой ежедневник, – вырыть надо грунта на метр сорок пять. Площадь четыреста метров. Так?

– Ну, так.

– Умножаем на площадь подвала и получаем пятьсот семьдесят кубов.

– Но не шестьсот же!

– Ну, округлил, – развёл я руками, – в уме же считал.

– Я тоже могу так округлить! – недовольно заявил он.

– Ну, хорошо. Семьдесят две машины, не семьдесят пять, – согласился я. – Не такая и большая разница.

– И сколько ты хочешь за всё?

– Двадцать.

– Ну, нет, – ошарашено воскликнул он. – Где это видано?

– А по сорок кубов песка и щебня на подушку перетаскать? – напомнил я. – А ещё семьдесят шесть кубов бетона из чего-то надо набодяжить? Это же все тоже надо втащить внутрь... И песок, и гравий, и цемент, и арматуру...

Он молчал недовольно, что-то прикидывая в уме.

– А армировать стяжку на двух уровнях? – добил его я.

– Да ну вас, – разочарованно ответил он.

– Не горячитесь, Матвей Яковлевич, – ответил я. – А вы разбейте работы на две части. В этом году вычистить грунт и вывезти. Семьдесят три машины оплатить, тоже в копеечку влетит. А на следующий год уже всё остальное. В надежде, что фундамент подкопанный за это время не просядет. Хотя я бы настоятельно рекомендовал в первый год фундамент так точно подлить, и оставить арматуру торчащей из него, чтобы потом с полом единым целым стал. Подумайте. Вот мой номер домашний. Звоните, будем рады помочь хорошему человеку, – оторвал я из своего ежедневника полстранички.

– Угу, – недовольно ответил он, но записку мою взял и руку на прощанье протянул.

А как он хотел? Производственное помещение на халяву построить? А так перспективы тут неплохие... Тут что хорошо, так хорошо, что все трубы в подвал выходят, и ничего не мешает ещё один контур с радиаторами замутить, чтобы люди не мерзли. Можно неплохой цех получить с дармовым электричеством. Думай, Матвей Яковлевич, думай.

Лёха всю обратную дорогу тихо возмущался. Объект ему не понравился. И даже двадцать тысяч его не вдохновили. Он откровенно испугался объёма работы.

– Семьдесят три машины земли накопать?! – потрясённо произнёс он.

– А потом вынести вёдрами, потому что тачку ты не поднимешь, чтобы в кузов землю пересыпать.

– Да ну нафиг! – слился Лёха.

– Ты подожди отказываться, тебя же не одного это делать заставляют. Вас двадцать человек будет. Если он позвонит, надо обязательно это предложение нашим озвучить. Пусть сами решают.

– Поищи ещё что-нибудь, не такое серьёзное, – попросил меня Лёха на прощанье. – А то вдруг этот, с молочного комбината, передумает.

– Посмотрим, – не стал ничего обещать я. Мне своих проблем хватает.

Мы опять в метро разошлись в разные стороны. Мне нужно было сделать переход на станции Тургеневская. Так странно было без этого участка, Площадь Ногина – Проспект Мира, пользоваться метро, его пустили только в январе этого года. В прошлом году приходилось в университет мотаться по кольцевой линии с двумя пересадками. А сейчас, наконец-то, всё вернулось на круги своя.

Шёл по переходу, любуясь новеньким мрамором, как меня, вдруг, кто-то окликнул знакомым голосом:

– Ивлев!

Остановился и стал оглядываться по сторонам.

– Пашка! – получил я толчок в плечо. – Ты?!

Глава 10

2. *Москва.*

– Да ладно! Вася! – обрадовался я и бросился обнимать негра. – Я думал, больше тебя никогда не увижу. Как ты? Как в Москве оказался?

– Живу я тут. А ты? – белозубо улыбался он. На контрасте с черной кожей смотрелось особенно впечатляюще.

– Учусь, живу, работаю, – не мог поверить я своим глазам. – Поехали ко мне! Я тут на Щербаковской живу.

– А поехали! – тут же согласился он. – Пашка! – он опять радостно пихнул меня в плечо.

Вот так встреча! Бывали у меня такие неожиданности в прошлой жизни, но в этой – первый раз.

Что у него нового, даже спросить не смог, пока добирались до квартиры, все он меня расспрашивал. Радовался, что я в МГУ учусь, расспрашивал, каково учиться в таком престижном университете, не зверствуют ли преподаватели. Поздравлял меня с женитьбой, удивлялся, что мы так быстро ребенка решили завести.

У Галии с Никифоровной ужин и так был готов, а когда я ворвался в квартиру с криком: «Смотрите, кого я вам привёл!», у нас сразу все закрома на стол выложили и выставили. Никифоровна разрыдалась от радости.

– Васька, чёрт, я же думала, тебя убили! – на полном се-

прёзе заявила она.

– Да нет, Анна Никифоровна, это так всем говорили, что я в коме, чтоб меня бандиты не добили.

– Я ж, вроде, говорил вам, – начал вспоминать я. – Разве, нет?

– Скорее всего, нет. Это ж закрытая была информация, – напомнил мне тихонько Вася.

– Какими судьбами здесь? – поинтересовалась Никифоровна у Васи.

– Живу здесь, я ж москвич, – радостно улыбался он. – Как я рад вас видеть! Анна Никифоровна!

– Ладно, давайте за встречу выпьем, – предложил я. – Ох и покуролесили мы с тобой, а?

– Было дело, – согласился Вася и улыбнулся. – Есть в нашей службе и приятные моменты. Когда с хорошими людьми знакомишься.

– Вот, хороший тост, надо выпить! – поддержал нас Егорыч.

– Постой, а ты в армию пошел, что ли? Какая еще служба? – недоверчиво уставилась на него Никифоровна.

Вася улыбнулся и кивнул мне, когда я на него посмотрел – мол, теперь можно.

– Дорогая Анна Никифоровна, – встал я, – разрешите представить вам, – Вася тоже встал, – старший лейтенант советской милиции Василий Башагин.

– Капитан уже, – с довольным видом поправил меня Вась-

ка. — Из всего сказанного только имя и правильное. Фамилия у меня тоже другая, естественно.

— Чего?.. Кто капитан милиции? Наш Васька?.. — она недоверчиво переводила взгляд с меня на Васю и улыбалась, типа, знаю я вас, разыгрываете, небось.

Вася достал удостоверение и протянул Никифоровне. Она долго читала, всматривалась.

— Капитан Василий Абимболаевич Баранов. А что ж ты грузчиком у нас на базе работал? — наконец спросила она, вернув ему удостоверение и перестав улыбаться.

— Так базу же разрабатывали, — пожал плечами он, — помните же, что там вскрылось? Не скажешь же, что меня туда начальство зря прислало, верно?

— Ты знал? — повернулась она ко мне, я молча кивнул. — Тьфу на вас. — обиделась она.

— Анна Никифоровна, ну нельзя было всем подряд говорить. Ответственность большая. Вот, Вася прокололся на Механическом заводе, так ему бандиты башку пробили. Уже хорошо, что несколькими неделями отделался в больничке.

— А что было на Механическом заводе? — заинтересовалась Галия.

Мы переглянулись с Васей.

— Ну, хищения металла во втором цеху, помнишь? — напомнил ей я.

— А вы тут причём? — напряглась жена.

– Мы ни причём, – почти хором заверили её мы с Васей.

– Всё ясно с вами! – заявила обиженная Никифоровна.

– Ну, Анна Никифоровна, миленькая, ну работа такая, – начал подлизываться к ней Вася.

– А у него? – кивнула она в мою сторону.

– А у меня повышенная гражданская ответственность, – налил я всем по новой.

– Поздравляю! Раз больше не скрываешь свою работу, значит, чем-то другим теперь занимаешься? – спросил я.

– Все верно. С оперативной работы сняли. Сам понимаешь, негру нелегко затеряться. Один раз уже бандюки вычислили, начальство сказало, что есть риск, что информация о чернокожем оперативнике разошлась по стране среди преступного элемента. Как меня теперь внедрять, если я совсем уж уникальный Вася?

– Ну, и правильно, – одобрительно кивнул я. – Всё там же, в экономическом?

Он кивнул:

– Там же, только теперь все в открытую. Разве что повысили за ранение на задании. Ну и повезло еще, что на Механическом заводе, пока я в больнице валялся, всю схему раскрыли с хищениями. Так что вроде и не зря туда пристраивался...

– А как в Москве оказался?

– Так я тут прописан, и службу здесь и начал. Потом уже, когда под прикрытием стал работать, пришлось по стране по-

колесить. Хорошая у меня маскировка была – до Механического завода никто ни разу ничего не заподозрил. По-русски говорю, уже удивительно для народа, кто же поверит, что я еще и в милиции работаю? А как закончились мои приключения, меня из больнички обратно в столицу и вернули на службу.

Весь вечер вспоминали наши общие приключения, как Никифоровна вычислила полки, на которых товарные муляжи Цушко стояли, как проверяющий из Брянска взятку в особо крупном размере по всему полу рассыпал, а Анна Никифоровна помогала ему деньги с пола собирать на глазах у штатного сотрудника ОБХСС. Смеялись все до слёз. Даже, Анна Никифоровна, хотя она то краснела, то смущённо улыбалась.

– Ну, Пашка! – погрозила она мне пальцем в какой-то момент. – Вот я Эльвире расскажу, как ты над старой, больной женщиной потешался.

– Что вы, Анна Никифоровна, и в мыслях не было, – поспешил я заверить её. – Вы бы знали, как мне страшно было, когда узнал, что базу серьёзно разрабатывают. А вы там второе лицо. Знаете, как я мучился, пока мы не убедились, что это всё Цушко, а вы ни при чём?

– Правда? – посмотрела она на меня совсем другими глазами. – Бедный мой мальчик, прости, я не подумала.

Вася попросился покурить его отвести куда-нибудь, вывел его на балкон.

– А ты женат, кстати? – поинтересовался я.

– Неа, с мамой живу. Но присматриваюсь. Пора уже.

– Хорошо, что мы встретились, – заметил я, – признаться, я скучаю по тем временам, серьёзными делами занимались. А сейчас такой ерундой! Ты бы знал...

– И чем же? – хохотнул он.

– Да хожу с Комсомольским прожектором по предприятиям по наводкам особо бдительных граждан. Сейчас, знаешь, какой сигнал отработываем? Река одна испортилась. Нашли в трёх местах стоки с промышленных предприятий. Сейчас будем искать, кто именно воду сильно загадил...

– Надо же, – удивился он. – Ты, смотрю, спокойно жить не можешь.

– Да нет, я приключений специально не ищу. – поспешил откреститься я. – Ты ж сам видишь, у меня жена беременная. Куда мне рисковать?

– Но, вообще, у тебя неплохо получалось. Из тебя хороший оперативник бы вышел.

– Нет, я точно не рожден для вашей службы, – улыбнулся я. – Не умею я особо подчиняться. Вот работа ревизора мне по душе, в штатском ее варианте.

Мы пошли на кухню, Вася попросил разрешения матери позвонить, чтоб не волновалась. Потом мы сразу телефонами обменялись, пока не забыли.

– А то был у меня такой случай, – начал рассказывать Вася. С сослуживцем армейским потерялись на несколько лет,

а потом случайно встретились в центре Москвы возле ГУМа. Четыре часа проболтали, ему на поезд надо было, проводил его до метро и только дома до меня дошло, что мы не обменялись ни адресами, ни телефонами.

– Но ты, хотя бы, знаешь, где я живу, – заметил я.

Хорошо посидели, потом я пошёл его провожать, заодно пса на улицу взял.

– А я частенько тебя вспоминал, – прощаясь, признался Вася, – иногда так не хватало твоего совета. Можно, я иногда буду обращаться?

– О чём разговор! – обрадовался я. – С удовольствием!

– Спасибо, друг, – он протянул мне руку на прощанье, и мы расстались у метро.

Это, просто, здорово, что мы встретились, – думал я, возвращаясь к дому. – Вася хороший парень. Помочь ему не трудно, а может, даже, и интересно, я люблю головоломки. Ну и шкурный интерес тоже есть, конечно. У меня теперь будет свой человек в московской милиции. А то к отцу Кости Брагина неудобно по мелочам обращаться, генерал – это тяжёлая артиллерия. Да и на пенсию он скоро уйдет. А Вася как раз к лихим девяностым веса аппаратного наберет, может, к тому времени тоже генералом станет, или хотя бы полковником. Помогу ему, он, вроде, парень благодарный. Глядишь и мне как-нибудь поможет.

Но забавно вышло, что он меня заметил в метро, а не я его. Один чернокожий на всю платформу, а я и не засек его...

В отличие от него. Как говорят в Африке, все вы, белые, на одно лицо... Похоже, у него профессиональная наблюдательность.

Вернулся домой, жена сказала, что звонил Сковорода, приедет завтра за мной в семь утра.

– Не Сковорода, а Сковородка, – на автомате поправил ее я и отправился спать. Завтра у меня гастроли.

Пришлось встать пораньше, чтобы всё с утра успеть и выйти в семь к машине.

– Куда сегодня едем? – спросил я, поздоровавшись с Василичем.

– Волоколамск, – ответил он и плюхнул мне стопку листов с маршрутом и темами лекций. – Ехать часа полтора.

– Типа, на, готовься. Да? – улыбнулся я.

– Спи. Чего тебе готовиться? При мне по телефону Ионов кому-то говорил, что тебя в Курчатовский институт пригласили с лекцией и, даже, тему предложили выбрать на своё усмотрение. Так на этом фоне что тебе какие-то заводы...

Ну, с точки зрения шофера вроде и верно, – подумал я. – Но в этой-то поездке мне никто темы выбирать не предлагал. Даже странно, что Ионов мне заранее их не дал.

Правда, ознакомившись с темами, я успокоился. Все это уже читал раньше, в январских поездках по Подмоскovie. Поэтому, видимо, Константин Сергеевич меня и не стал тревожить, а с водителем все и передал.

Первая наша остановка была на Волоколамской ткацкой

фабрике, такой же старинной, как и те фабрики на Яузе, которые заинтересовали Сатчана и компанию. Дореволюционные строения из очень прочного красного кирпича поражали, как всегда, сложностью кладки, множеством декоративных элементов. Конечно, умели раньше строить. Но всё остальное пришло в реальный упадок... Рассохшиеся оконные рамы, провисшие дверные петли. Немыслимые по своей уродливости недавние пристройки из крошащегося вовсю кирпича и воздушная теплотрасса во всей своей запущенной уродливости с торчащей тут и там стекловатой.

Уставшие рабочие, оторванные от работы, послушно сидели в актовом зале и дремали. Старался менять интенсивность речи, громкость, чтобы привлечь их внимание, но такое ощущение, что они ещё не проснулись или это, вообще, ночная смена. Вопросы задавало только начальство, больше интересуясь темой хозрасчёта предприятия. Рабочим это было по барабану. Один только встал работяга в третьем ряду и сказал:

– Может, хоть, горячую воду на лето не будут отключать, а то помыться невозможно после смены?

– И ты это, скажи еще, что полы в казарме прогнили! – громко подсказал ему кто-то с самых задних рядов.

Понятно... Эти двое меня за какое-то московское начальство, похоже, приняли. Решили таким образом прогнать свое руководство. А что – я в костюмчике, из Москвы, начальство их передо мной любезничает. Совсем, похоже,

на этом предприятии директор и профорг мышей не ловят, раз люди отчаялись и пытаются столичной поддержкой заручиться.

Но это, естественно, не то, чем я могу заниматься. Полезу в эти вопросы, подставляю общество «Знание» и лично Константина Сергеевича. Тем более, что никакого я не московское начальство... Слышал, уходя, что народ не стал расходиться, а потребовал директора на сцену. Ну что сказать – довёл людей, пусть теперь отдувается...

Далее был хлебозавод, молочный завод, птицекомбинат, завод строительных конструкций, естественно, горком, и завод клееных конструкций. Промышленность этого относительно небольшого городка поражала масштабом и размахом.

Сковородка опять бубнил что-то недовольное всю обратную дорогу о разных недостатках на местах, что приметил. Эх, что ты в девяностых скажешь?

Предоставил ему полную свободу действий в неблагодарном деле делёжки подарков и подношений. Мужик он нормальный, лишнего не возьмет.

– Десятину, как положено, отложил, – улыбаясь, заявил он, вручая мне приличных размеров коробку, когда мы приехали.

– Ионову тоже отложил уже? – уточнил я. – Это всё мне?

– Тебе, тебе! – хитро подмигнул он. – А Сергеич в этот раз сказал ему ничего не откладывать. Мы с тобой только

делимся.

Так... А что это значит? Не понял... Хотя... Одна мысль все же пришла в голову. Это Константин Сергеевич что, из-за моего возможного назначения в Верховный Совет передумал что-то из моих подарков забирать? Боится, что я вырасту по должности и припомню, что с ним делился? Как будто мне жалко, можно подумать...

Сковородка хохотнул, поставил мне на коробку белый гипсовый бюст Гагарина и похлопал меня по плечу, потому что руки у меня были заняты.

– Шуруй домой, Паша, – довольно проговорил он. – Славно поработал!

– А дверь в подъезд открой, а?

– Сей момент! – деланно недовольно ответил он, направляясь к двери.

Добравшись до квартиры, постучал ногой в дверь, повернувшись к ней спиной. Перепугал дома всех. Дверь распахнул Егорыч с решительным видом. С кухни напряжённо выглядывали Галия с Никифоровной и Родька.

– Напугал, чёрт! – выдохнула Никифоровна. – А мы уж думаем, что происходит?

– Извиняюсь. Не мог по-другому, – водрузил я коробку на стол на кухне, а бюст Гагарина вручил Родьке.

– Вот так справный добытчик и должен домой заявляться! – хохотнул Егорыч. – Чтобы руки были заняты всякой пользой для женушки и деток.

Галия тут же принялась разбирать подарки. Уж сколько раз такое происходило, но интерес и азарт у неё не пропадают.

Пока умывался, мне ужин на стол поставили. Попутно болтали с Егорычем, а женщины коробку разбирали.

Сегодня, оказывается, Егорыч опять возил Никифоровну к доктору. Они уже сами, без меня, это наладили, слава богу. Рассказали, что все заживает хорошо, больше к нему ездить не надо.

Егорыч с Родькой, как выяснилось, собрались в гости к нам в деревню.

– Аннушка говорит, – сказал старый, – ты большой ремонт запланировал у них этим летом?

– Планировал, – с досадой подтвердил я. – Уже и деньги отложил. Но весь июнь сессия. Потом командировки, вот как сегодня, а затем с женой едем на море. Хоть разорвись. Подумываю уже нанять какую-то бригаду. Хоть пару человек.

– Давай, пока я там, помогу чем-нибудь, – как о само собой разумеющемся предложил Егорыч, – я рукастый, пригожусь.

– Серьёзно? – аж жевать перестал я. – Это было бы здорово. Там у нас ещё Трофим есть, сосед. Он местный, знает, где и что купить можно. И, если что, денег должно хватить и на помощника какого нанять.

– Что за Трофим? – недоумённо взглянул Егорыч на Ни-

кифоровну.

– Это Эльвиры старый, – поспешила объяснить та. – Соседки моей.

Не сразу до меня дошло, что она сказала, но, когда я понял и поднял глаза на Никифоровну, она взъерошилась, руки на груди скрестила.

– Могли бы уже и сами догадаться, – недовольно заявила она, – а теперь получается, что я разболтала, что меня не касается.

– Ну надо же! – широко улыбнулся я.

– И нечего смеяться! Мы тоже люди! – нервно сказала Никифоровна.

– Блин! Да я от радости улыбаюсь! – воскликнул я, и взглянул на растерянно моргающую глазами жену. – Вообще-то, я к Трофиму уже и привык. Как не приедем, он всегда где-то рядом.

– Да, – тут же поддакнула мне жена.

Родька не очень понимал, что происходит, но ему было очень весело. Нормальные у нас старики, ему с ними будет хорошо, пусть, хоть всё лето там в деревне тусит.

– У нас там озеро в двух шагах, можно купаться, можно рыбу ловить, – потрепал я его по голове. – Бабушки цыпляток маленьких купили, – показал я размер цыплёнка на ладони. Глаза у Родьки загорелись, он готов был уже ехать.

Но нам ехать, пока, нельзя. У нас завтра пятница.

Утром все сидели за столом молча. Инкино кесарево сего-

дня по плану. Хуже всех было Никифоровне, которая за нее болела, как за родную, все же все детство рядом с ней провела, помогала Эльвире и Апполинарии ее подымать. Ей предстояло просто сидеть и ждать. Мы с Галией могли хоть на учёбе отвлечься.

– Ну, мы поехали, – сказал я, сочувственно глядя на неё. – У Нины из больницы только наш домашний телефон. Вы остаётесь на связи. Вот, я выписал Петин, бабушкин и мамин рабочие телефоны, положу под аппарат, как только что-то станет известно, сразу им звоните. А я буду из автоматов в университете вам позванивать.

– Я тоже, – добавила Галия.

– Давайте, дети, счастливо, – проговорила Никифоровна, нервно кусая губы.

Мы уехали. В университете специально не стал после первой пары звонить, дождался большого перерыва. Никифоровна сообщила, что, пока, никаких новостей. Уже и мама звонила, и бабушка.

– Ну, ждём, значит, – постарался сказать я как можно беззаботней, а сам тут же набрал ординаторскую оториноларингологии Бурденко.

Трубку взял мужчина, я представился братом Инны Жариковой, спросил, есть ли какие новости.

– Сами ждём, – ответил тот.

– А её уже оперируют? – решил сразу уточнить я. – Когда мне перезвонить?

– Оставьте, лучше, свой телефон, – предложил он.

– Я из автомата звоню. Но у меня бабуля дома на телефоне дежурит, – я надиктовал ему свой домашний номер. У Нины, конечно, есть, но пусть ещё у кого-нибудь будет. – Спасибо вам, заранее.

– Пока не за что, – ответил он и быстро попрощался.

Поднялся в аудиторию, а там меня Эмма Эдуардовна разыскивает.

– Ну, что, Павел, готов?

– К чему?

– Как к чему? Сегодня лекция в Курчатовском институте.

– А, конечно, готов, – поспешил заверить её я.

Осталось только тему лекции придумать. Хотя было у меня несколько вариантов заготовлено заранее... А, ладно, возьму «Глобальные и локальные сети ЭВМ, назначение и перспективы развития».

– Ну, смотри, – подозрительно посмотрела она на меня. – Сразу после пар зайди ко мне. Покажи тезисы будущего выступления.

– Хорошо, хорошо, – поспешно сказал я.

Итак, лекция в Курчатовском институте, чтоб ее, как же не вовремя! Набрал тезисы, кратко развил каждый и стал писать. Мне это особенно не нужно, я просто рассказывать буду, как обычно. Что же тут сложного – рассказывать, как все эти дела с Интернетом при моей жизни в будущем развивались! Но замдекана же не скажешь, что у меня все

в голове есть, она переживать потом будет и расстраиваться. Мол, неподготовленный поехал! К счастью, оставшейся пары мне вполне хватило.

По окончании пары, как и велела Эмма Эдуардовна, зашёл к ней в кабинет и попросился позвонить домой. Никифоровна сказала, что новостей пока нет. Набрал ординаторскую и уже конкретно попросил к телефону Нину Афиногенову.

– Привет, это Павел, брат Инны. Что там у вас? Есть новости?

– Прооперировали, – заговорила быстро-быстро Нина, – в реанимации, от наркоза ещё не отошла.

– А ребёнок?

– С малышом всё хорошо. 54 сантиметра, четыре пятьдесят, Геракл.

– Мальчик, значит?

– Мальчик.

– Нин, а что не звонишь нам? Всё нормально?

– Дольше обычного операция шла... Хотела дожидаться, пока она от наркоза отойдёт...

– Что-то не договаривает, зараза, – произнёс я, задумчиво положив трубку. – Сестре сегодня кесарево делали, – объяснил я растерянной Эмме Эдуардовне, небось подумала, что у меня жена уже рожает. – Ещё один звоночек, ладно? – умоляюще посмотрел я на неё, она молча закивала головой.

Набрал домой, доложил самым бодрым голосом, на ка-

кой был способен, что всё хорошо, Инна отходит от наркоза, с малышом всё в порядке, вес, рост и положил трубку под предлогом того, что надо бежать.

Дальше Никифоровна сама передаст по цепочке. А там глядишь, и Инна очухается, дадут домой позвонить.

Эмма Эдуардовна, сочувственно глядя на меня, проводила до чёрной Волги и меня повезли в Курчатовский институт.

Лысый мужичок в этот раз вышел из машины и поздоровался со мной за руку, приветливо улыбаясь. А как в прошлый раз встретил, прямо обиделся и везти не хотел... Эмме Эдуардовне не пришлось в этот раз отстаивать мою лекторскую честь.

– Приветствую, Семён Львович, – поздоровалась она с ним с вежливой улыбкой, пожелала удачи мне, и мы поехали.

В машине мы обсудили с ним перспективы развития спутниковой связи, подкинул ему тему спутниковой навигации, чем только раззадорил его. В зале не заметил больше удивлённых и скептических взглядов, наоборот, меня встретили, как старого знакомого. Я понимал, что кому-то мои высказанные в прошлый раз идеи могли показаться слишком смелыми или обречёнными на неудачу. Но, к счастью, ученые люди любопытные, и им интересно, что я еще могу такого рассказать по тем сферам, в которых они считают себя людьми компетентными. Ну и поспорить потом, конечно,

как же без этого!

Вышел к кафедре, огласил тему доклада, полчаса выступал. Рассказывал, как изменится жизнь, когда у большинства людей и организаций будет своя ЭВМ, и они все будут объединены в единую сеть. Коснулся последствий миниатюризации ЭВМ. Рассказал, какие огромные деньги такая глобальная сеть позволит сэкономить в результате возможности совместной работы над одним проектом людей, физически расположенных в тысячах километрах друг от друга. Какой мощный толчок окажет на развитие экономики, зарождение новых отраслей. Насколько легче будет общаться близким родственникам и друзьям, вынужденным находиться далеко друг от друга. Ну и, конечно, как все это скажется на перспективах для ученых... Как здорово будет работать, когда у тебя есть возможность загрузить любую из миллионов научных статей, что понадобилась по работе, на экране своей ЭВМ, из этой самой сети.

Видел лица скептические, но большинство было увлечено. Некоторые даже кивали согласно, когда я делал акцент на том или ином аспекте своего выступления. Главное, что равнодушных не было. А потом пришло время для вопросов, и началась жара.

Глава 11

г. Москва.

Рук семь сразу поднялось в воздух, и мне пришлось выбирать.

– Миниатюризация – миниатюризацией, но уверять нас, что когда-то ЭВМ, способную загружать удаленные сеансы видеосвязи, делать сложные расчеты на уровне, в десятки раз превышающем возможности ЭВМ МИР-2, можно будет носить, пристегнутой к руке вместо часов – это уже перебор. Боюсь, лектор склонен к научной фантастике... – тряся острой бородкой, сказал выбранный мной старичок.

– Ну что я могу сказать... Начну с того, что многие выдающиеся ученые очень любят научную фантастику. Она будит мышление, высвобождает от шор, позволяет посмотреть на научную проблему под неожиданным углом. Так что в этом плане я горячо рекомендую ученым, которые еще не завели такое хобби, срочно им обзавестись. Что интересно, связь между наукой и научной фантастикой так прочна, что иногда ученые сами становятся авторами научной фантастики. К примеру, два известных химика, Айзек Азимов и Роберт Хайнлайн, стали невероятно популярными писателями. Помимо этого, научная фантастика имеет огромный эффект для привлечения молодежи в науку. Уверен, что очень много молодых ученых пришли в науку сугубо из-за

того, что в детстве увлеклись научной фантастикой.

И я горячо верю в возможности советской науки, так что такой прибор, массово доступный по своей цене практически каждому гражданину, однажды появится. Лет через сорок-сорок пять, я думаю.

Старичок растерянно осел обратно в кресло, не придумав, что мне возразить. Разве что сказать, что он в возможности советской науки не верит? Непатриотично совсем... И последнее, что ты сделаешь в качестве сотрудника засекреченного по самые уши института в СССР. Я дал знак следующему желающему задать вопрос, мужчине лет пятидесяти, сидевшему неподалеку от старичка.

– Я правильно понимаю, что вы говорили о чем-то, во что со временем может трансформироваться ОГАС?

Что такое ОГАС, я уже знал. Изучил от корки до корки решения XXIV съезда КПСС. Выхода не было, ценнейшая вещь для успешной сдачи экзаменов и зачетов, и лекций по линии «Знания». Бьет наповал не хуже цитат классиков марксизма-ленинизма. ОГАС это – Общегосударственная автоматизированная система сбора и обработки информации для учёта, планирования и управления для советской экономики. Как я помнил из будущего, ее так и не внедрили, как ни жаль. Но сейчас этого никто не знает. Люди в зале и помыслить не могут, что что-то, определённое в решениях съезда КПСС в качестве задачи к исполнению, может быть не выполнено...

– ОГАС – это, несомненно, очень правильный шаг в нужном направлении. Но это лишь часть того, о чем я говорил. Важная часть, но перспективы глобальных и локальных сетей ЭВМ значительно шире. Помимо государственных целей, запланированных в ОГАС, сети ЭВМ будут решать как задачи отдельных людей, так и способствовать формированию новых социальных сообществ. К примеру, объединять болельщиков «Спартака». Или любителей марок.

Представьте, как будет удобно любителям спорта вместе смотреть и комментировать в ходе прямого эфира идущие матчи, сидя у себя дома, делать нарезки наиболее интересных моментов в игре и пересылать их друг-другу, обмениваясь впечатлениями? Появятся и площадки для знакомств, где одинокие люди смогут найти себе пару. В этой сети можно будет договориться и о том, чтобы на одной машине поехать трем разным людям в путешествие на море, скинувшись на бензин. Выбрать из нескольких тысяч вариантов домик в деревне, чтобы отдохнуть от города. Обменять свою квартиру на другую, в другом городе, ознакомившись с десятками фотографий этой квартиры, и возможно, даже небольшим фильмом, снятым владельцем квартиры и выставленным им в сеть. Так что спасибо за вопрос – да, ОГАС имеет самое прямое отношение к тому, о чем я говорил, но сети ЭВМ дадут намного больше возможностей и кардинально изменят мир.

– А что по поводу государственной безопасности? Если

все будут делать фотографии и фильмы и слать их по всему миру, это же огромная угроза безопасности. Шпионам будет очень легко немедленно переправить украденную секретную информацию в свои государства, – спросил меня следующий сотрудник Института, с безукоризненной осанкой. Вполне может быть, что сотрудник не только Института, но и Конторы, судя по внешнему виду. Ну да, вряд ли кто другой и решился бы задать такой специфический вопрос.

– Все верно, это серьезная угроза государственной безопасности. Но и радио – такая же угроза, но мы же не отказываемся от радиостанций. Все потому, что получаем от них множество преимуществ, которые важнее рисков для безопасности. То же самое и с сетями, особенно с глобальной сетью ЭВМ. Если мы отстанем от остального мира, который создаст такую глобальную сеть, то понесем очень серьезный урон для нашей экономики, отстанем от наших врагов, не будем иметь достаточно денег на армию и нужды населения.

Будет та же самая ситуация, как если мы сейчас уничтожим в стране все радиостанции, потому что посредством одной из них шпион может отправить наши украденные секреты за рубеж. Но без радиостанций советская экономика получит мощнейший удар под дых. Как летать самолетам, если нельзя передать им предупреждение о нелетной погоде в том аэропорте, в который они направляются? Хватит ли им горючего перелететь в другой, если они, долетев до места назначения, поймут, что сесть там не удастся? Как в бою с против-

ником будут сражаться наши танкисты и летчики, не имея возможности общаться между собой, в точности как это было в первой мировой войне? Как офицерам отдавать приказы без радиостанций?

Правда, для защиты государственных интересов есть и хорошие новости. Любое общение в сети между ее пользователями будет оставлять электронные следы, которые можно будет отследить. Неосторожного шпиона можно будет сразу взять с поличным. Поэтому сфера действия контрразведки во всех странах мира расширится, они будут очень сильно присутствовать в сетях ЭВМ. Кроме того, там можно будет найти очень много крайне интересной информации из других стран, что уже заинтересует нашу разведку. Может найтись дурачок, который, служа в армии где-нибудь в США или Франции выложит в сеть чертежи новейшего вражеского танка, или самолета.

Мужик очень даже уважительно кивнул мне, когда я закончил. Приятно видеть человека, сразу признающего доводы разума.

Вопрос следовал за вопросом. Штук десять подряд. Мне аж пришлось сделать небольшой перерыв и выпить полстакана воды – горло пересохло. Но беседовать с сотрудниками института было приятно – все же умнейшие люди здесь собрались, и это чувствуется. И, кстати, и следа той агрессии, что была у некоторых во время моего первого выступления, в этот раз я не почувствовал. Видимо, они потом еще дол-

го обсуждали его, и выработали в институте определённый консенсус по моему поводу, и, судя по сегодняшней мирной реакции, вполне для меня благоприятный. Местное сообщество меня приняло, и больше не пытались поставить на место нахального пацана, как в первый раз!

Семён Львович вышел к трибуне и вежливо подвинул меня, остановив очередные вопросы, которым, судя по всему, не было бы конца.

– Товарищи, ну что вы набросились, как в последний раз. Давайте, поблагодарим товарища лектора. Мне его еще к Дмитрию Сергеевичу вести, а он скоро вынужден будет уехать в Академию наук, – сказал он и зааплодировал, показывая всем пример.

Ушли мы, действительно, под аплодисменты. Мне было неудобно. Ну кто я на фоне этих выдающихся умов? Все-го-то гуманитарий, способный сказать людям такого масштаба что-то важное для них, лишь потому что он из будущего и лично видел все то, что сейчас многие сочли бы за чудо?

– Пойдемте, Павел, наш директор хочет вам кое-что предложить, – поторопил меня Семен Львович ускориться. А я-то просто не хотел идти слишком быстро, чтобы не выглядеть несолидно. И так преступно молод для этих стен, а если еще шустро ходить, так вообще буду выглядеть, как студент, которым, собственно, и являюсь. Но, видимо, советские ученые в летах тоже готовы шустро перемещаться...

Дмитрий Сергеевич сидел в огромном кабинете с прекрасным видом на соседние луга и деревни. Этакая пасторальная картина получится, если нарисовать и в рамку вставить. Я был поражен, когда он вышел к нам навстречу и протянул мне руку, здороваясь. Академик, да под шестьдесят лет – а не забронзовел, с молодежью за руку здоровается!

– Рад знакомству, Павел! Присаживайся!

Сам сел за свое место во главе стола, мне показал сестрьядышком за огромный длинный стол для совещаний. Семен Львович привычно пристроился напротив меня.

– Не буду тянуть кота за хвост, твоя прошлая лекция произвела очень приятное впечатление на наших сотрудников. Такое, что мы договорились с Семеном Львовичем пригласить тебя на очередную. И я поручил ему, если ты снова выступишь так же блестяще, как в первый раз, немедленно привести тебя ко мне, чтобы я сделал тебе одно, я думаю, интересное предложение. И раз ты тут, значит, и второе твое выступление Семен Львович признал очень удачным.

Тот лишь хмыкнул и кивнул, хотя его и не спрашивали. Дмитрий Сергеевич, похоже, очень давно с ним работает, общаясь уже чуть ли не на уровне телепатии. Когда часто и слов не надо, уже по одному жесту понятно, что имеет в виду собеседник.

– Так вот, Павел – наш институт имеет огромное хозяйство, и, чтобы с ним справиться, мы заинтересованы в толковых экономистах. Как ты смотришь на то, чтобы мы офор-

мили тебя сейчас на полставки у нас, с минимальными обязанностями, а потом, когда закончишь учиться, предложили перейти уже на полную ставку?

Я аж обалдел. Как-то подозрительно много таких предложений стало сыпаться на меня! Учитывая, что я студент первого курса. Когда учился в институте в прошлой жизни, и близко никого не видел, кому бы сделали подобное предложение на первых курсах. Правда, я тогда, и я сейчас – два разных человека... Что я в свои семнадцать лет в той жизни понимал вообще... Заставь меня выступать перед дядечками учеными с сединами и лысынами, я, скорее всего, стоял и молчал бы в ступоре...

Так, и что ему ответить??? Цельному академику? Чтобы не обидеть?

– К сожалению, прямо сейчас я прохожу финальные согласования на другую работу, тоже на полставки. И если там получится устроиться, то еще полставки я точно не потяну. Учеба занимает очень много времени. Очень жаль, но вынужден отказаться. Но я всегда готов приехать к вам с выступлением по линии «Знания». И рассмотреть вариант устройства к вам на полную ставку после окончания учебы в МГУ.

На самом деле, я соврал, конечно. Категорически не был готов тут работать. Ни на полставки, ни на ставку. Ни малейшего желания. Мало что есть в стране больше засекреченного, чем места, где проектируют ядерное оружие. Это значит,

что, устройся я сюда хотя бы завхозом, с меня возьмут такие подписки, что выехать мне потом за пределы СССР точно не удастся. Академику, может и разрешат куда поехать за рубеж, или профессору, людям, проверенным в течение десятилетий. А молодому да раннему – процентов так девяносто девять, что откажут, чтобы защитить ядерные секреты. Даже в ГДР или Болгарию какую не смогу выбраться. А про поездку в капстраны так вообще можно и не заикаться. Ну и кроме поездок, в целом будет очень некомфортно. И телефон будет на прослушке 24 часа в сутки. И следить за мной тоже будут периодически, так, на всякий случай. Отслеживать все перемещения и контакты в какие-нибудь пару дней каждые полгода, а то мало ли, я регулярно с американскими дипломатами как бы случайно в парках пересекаюсь...

На этом фоне Верховный Совет таких проблем мне не принесет. Там, главное, не лезть в те дела, что под подпиской, и все будет в порядке. Это та работа, что дает блат во всем, в том числе и в поездках за рубеж. А когда я стану членом партии, то какие в отношении меня прослушки и слежки без чрезвычайно веского основания? Партия себя от КГБ очень даже надежно защищает после чисток тридцатых годов.

Но резать правду-матку академику, директору Курчатовского института, очень влиятельному в стране человеку, я никак не хотел. Так что улыбаемся и машем.

– Вот оно как! – удивился директор, – ну что же, очень

жаль. Будем рады сотрудничать по линии «Знания».

На этом сразу же и расстались. И я, в силу своего житейского опыта, понял, что он все же обиделся. Видимо, очень неожиданно мой отказ прозвучал на контрасте. Он, небось, ожидал, что я намертво вцеплюсь в такую возможность – почти ничего не делать на полставки в таком престижном месте работы. А тут – отказ. Обидно, да.

О том, что он обиделся, свидетельствовало то, что он не стал расспрашивать, куда это я устраиваюсь. И то, что он не предложил мне обратиться по поводу работы у них в том случае, если у меня с этим первым предложением ничего не получится. Ну и реакция Семена Львовича тоже была показательной. Он как-то погрустнел, осунулся, и проводил меня до машины практически молча, не затеявая каких-либо дискуссий, как мы уже привыкли. И обратно меня не стал сопровождать – извинился, мол, дела срочные, и отправил меня на машине только с шофером.

Ну, в принципе, не удивлюсь, если Курчатовский институт меня больше как лектора общества «Знания» заказывать не будет. Явление очень даже знакомое по прошлой жизни. Ты можешь быть суперполезным специалистом, но, стоит только какому-нибудь топ-менеджеру вообразить, что ты взглянул на него без должного уважения, или даже чисто по случайности какой, от тебя не зависящей, ему тебя невзлюбить – все, пиши пропало! Не видать тебе больше заказов в этой организации. Люди, у которых много власти, ча-

сто такими бывают. Неважно, СССР, или рыночная Россия двадцать первого века, это все зависит сугубо от человеческой природы...

К счастью, даже если так, это совсем не проблема. Главное, что, скорее всего, не будут они ничего плохого в «Знание» обо мне говорить, ища причину для отказа. Скажут, скорее всего, что типа все, что этот очень интересный лектор мог рассказать, он уже рассказал, хотим послушать еще кого-то по другой тематике. Знаю я таких, как Дмитрий Сергеевич. Обиделся, не простит, работу больше предлагать не будет, но мстить по мелочи не будет. Потому как просто любит к себе уважение, но к счастью, не топ-менеджер в России двадцать первого века – не развращен миллионными долларами, не прошел жесткую школу взяток за более высокое карьерное место... Поэтому и реакция будет другой, без мелочной мести за пределами института. Да и человек он, к счастью, очень занятой реальной работой, в отличие от некоторых менеджеров в двадцать первом веке, у которых работа является часто синекурой. Обиделся, второго шанса мне давать не будет, но тут же забыл про меня, едва я вышел из кабинета.

Конечно, может это все и мои фантазии, может, я его неправильно как личность понял. Но посмотрим, посмотрим... Все выяснится в ближайшие несколько месяцев. Будут снова звать в Курчатовский или нет. Если нет, после того аншлага, что у меня там два раза был, то ни фига я не оши-

баюсь...

По пути домой вспомнил, как планировал, работая в Верховном Совете, подготовить первый доклад для него на тему, которая позволит выступить с ней в Курчатовском институте. Ну вот, уже и выступил, а про работу в ВС еще ни слуху, ни духу. Тянут, они, конечно, время сильно. Впрочем, такое уж непростое место, наверное, для них такое абсолютно нормально.

Довезли прямо до дома. Сказал спасибо шоферу, выскочил из машины, бегом домой. Ворвался в квартиру.

– Ну, что слышно? – спрашиваю встретившую меня Галию, услышавшую, как я ключом открываю дверь. Двери в комнаты были закрыты, но за одной из них услышал тяжелые шаги Никифоровны.

– Инна пришла в себя, – сказал она, и, оглянувшись, гораздо более тихим голосом продолжила, – но что-то голос был какой-то у Нины напряженный, когда она про нее говорила. А про малыша совсем иначе, только хорошее и очень бодро!

– Ну, ты только Никифоровне, и всем другим ничего такого не говори, хорошо? – попросил я ее тоже тихим голосом.

– Конечно, я же понимаю, – кивнула Галия. – Хоть бы там все хорошо с Инной было!

– Будет, обязательно будет! – сказал я ей, видя, что глаза у жены уже на мокром месте. Ясно, что на себя все проецирует, и гормоны просто в пляс уже пустились, – все будет хо-

рошо! Там же все достаточно просто с этой операцией, и хирурги одни из самых лучших в стране. Это тебе не в конюшне, как в девятнадцатом веке, рожать. Задержат максимум на недельку, чтобы точно подлечилась, и вернут домой.

Смог как-то убедить Галию, слезы отступили.

– А что Петр, где он? – спросил ее, чтобы окончательно отвлечь от дурных мыслей.

– Звонил час назад, пьяный уже, лыка не вязал. Очень счастлив, что сын родился.

– Ну да, – хмыкнул я, – сын родился, а он офицер, и соседи у него – офицеры. Трезвым остаться в такой ситуации шансы ноль целых, ноль десятых. Там, небось, несколько этажей его поздравляет. Волнами идут в атаку на приступ его квартиры...

– Ага! – уже и улыбнулась жена. Прекрасно – подправили мы ей настроение.

Но, конечно, Никифоровна что-то почуяла, тоже ж опыт общения с врачами... Пришлось ее успокаивать весь вечер, и старательно уводить разговоры от этой темы. Переводил все разговоры на малыша. И Галия, и Никифоровна тут же озарялись улыбками, и становилось полегче.

Окончательно ситуацию выправил нагрянувший в гости Егорыч, прихвативший с собой Родьку и еще бутыль вина. Правда, уже не французского, а Киндзмараули. В этом времени еще была гарантия качества, вино этой марки не бодяжило несколько десятков разных заводиков, как получилось

в двадцать первом веке. Помню, что брать его было рискованно. То дымиться начинает, едва откроешь, что означает, что оно бродит, то вкус странный, совсем не соответствующий стандарту. А сейчас открыли по случаю рождения нового родственника – и вот оно, тот самый вкус, то самое качество!

Грузинское вино, конечно, быстро закончилось. На такую-то компанию, да по такому-то поводу! Достал бутылочку из своих запасов. Тоже грузинское, Ахашени. И тоже оказалось отменного качества.

И тут как раз диван с кроватью привезли! Мы с Егорычем быстро все затащили. Повезло, что диван в лифт влез. Правда, едва-едва. Был бы на пару сантиметров шире, и фиг бы мы его протолкнули внутрь. А кровать, конечно, была в разобранном виде, потом будем собирать.

Сели отмечать и новую мебель. Но через полчаса вино закончилось, и Егорыч шустро засобирався домой, решил, что поздно уже. Родьку я забрал побегать с Тузиком, чем мы с удовольствием и занялись. Бегать лучше всего, кстати, именно по весне. Самый вкусный воздух именно весной. После холодной зимы им просто наслаждаешься при пробежке. Может, он такой же точно, как и осенью, но осенью ты жарким летом избалован, и такое же наслаждение от него не чувствуешь, как после холодов.

– Как назовут, интересно, малыша? – задумчиво сказала Галя, когда мы, уложив Никифоровну на новый диван, при-

строились ночевать обратно в спальню. И по ее виду даже дураку было бы понятно, что она сейчас об имени для своего ребеночка думает.

– Ничего Жариковы мне не говорили, – помотал отрицательно головой я.

– Мальчика, если у нас родится, я бы Тарасом назвала, – сказала жена, и посмотрела на меня так просительно, мол, ты не возражаешь?

– А чего именно Тарасом?

– В честь твоего отца. И вообще имя красивое.

Признаться, я был удивлен.

– А почему не в честь твоего отца? – тут же любопытствовал у нее.

– В честь моего отца Марат своего сына назовет, – в принципе, логично, ответила Галия, – а твой отец очень обрадуется, если в его честь сына нашего назвать. Баловать его будет, заботиться о нем. Он хороший родитель, жаль даже его, что так ему с женщинами до Киры не везло.

Я снова чуть не выпал в осадок. Это мой папаша-то хороший родитель? Как вспомню ту манекенщицу, ради которой он забыл про нас и бросил тогда в столице, едва завидев... Это при Кире-то, что его искренне любит. Ох, не быётся у меня что-то в голове...

Но дальше эту тему развивать не стал. День был тяжелым по переживаниям, и я уже прилично так устал. Ну и нельзя забывать, что Галия беременна, и ожидать от нее полной бес-

пристрастности и логики достаточно странно. Да и в принципе, какому мужику не будет приятно, когда жена предложит назвать сына в честь его отца? Этаким очаровательный налет патриархальности. Чувствуешь себя орлом, которого сопровождает по жизни любящая орлица. Да и при всех его закидонах с женщинами отец Тарас действительно нормальный. О своих детях заботится. Малейшая просьба – и бежит на помощь.

Но, несмотря на усталость, один вопрос я не мог не задать.

– А если девочка родится, как бы ты ее назвала?

– Анастасия. Согласись, красиво будет звучать – Анастасия Ивлева.

И жена, конечно, совсем не поняла, почему я вдруг затрясся от удушливого смеха.

Глава 12

г. Москва.

– Я разве что-то смешное сказала? – недовольно спросила меня Галия.

– Нет, что ты! – ответил я, совладав со своей реакцией. – Просто случайно вышло, что кто-то мне рассказывал про некую Анастасию с фамилией, похожей на нашу. И она очень печально прославилась. Вот я и подавился, когда услышал.

– Не, ну если есть какая-то такая печально известная Анастасия, то не надо называть так дочку, конечно, – расслабилась жена, получив практически правдивый ответ, – еще мне нравится имя Наталья. И Мария. Марий много хороших встречала. В общем, выбор есть.

– И времени еще полно, – согласился я. – Ладно, давай спать, завтра мои приезжают, хлопот будет много.

С утра в субботу все уже были на ногах. Ждали приезда Алироевых. Им, конечно, надо ещё доехать до нас из Свято-славля, но все были на нервах из-за неопределённости с Инной и искали, чем бы себя занять-отвлечь.

Взялся собирать детскую кроватку. И руки заняты, и полезное дело сделаю. Мало ли, Аришку с дороги надо будет положить спать. Вроде, еще должна влезть, не такая она и крупная. Вскоре пришли Егорыч с Родькой и принялись

мне помогать.

Время пролетело незаметно и к полудню мы уже все закончили свои дела и сидели за накрытым столом в ожидании гостей. Настроение было тревожное. Вскоре в дверь постучали. Как-то скромно стучат, – подумалось мне. – Алироевы бы стучали требовательней.

Предчувствие меня не обмануло, это был Пётр.

– Привет, – протянул он мне руку. – Сбежал из общаги, пока наши не потребовали продолжения.

Сам он после вчерашнего выглядел слегка помятым. Его рыч предложил ему подлечиться, но у Петра на лице тут же отразилось такое отвращение...

– Он больше не может, – улыбнулся я, а Никифоровна плеснула ему рассольчику из банки маринованных помидор и положила салата из квашеной капусты. – В больницу звонил?

– Звонил прямо с утра, – кивнул Пётр, – коллеги Инкины вчера сказали, что все хорошо и пришла в сознание. Но пока к ней нельзя. Я и давай праздновать рождение сына. А сегодня что-то мутят. Вот я к вам и приехал... Может, вам что-то другое сказали?

Ох, что-то мне это всё не нравится.

– Да нам тоже как-то непонятно объясняли, что с Инной происходит, какие-то сплошные недомолвки. Давай-ка, мы с тобой в больницу сейчас поедem, и там всех на месте и спросим, – предложил я зятю.

Он молча кивнул в ответ.

– Мы туда и обратно, – постарался говорить я как можно беззаботнее. – А вы сами Алироевых встречайте, если придут, нас не ждите.

Как хорошо жить рядом с метро. Через тридцать пять минут мы уже стояли с Петром в отделении оториноларингологии, чтобы попытаться понять, что происходит. Нина сегодня была выходная, но остальные коллеги, которых я не знал, старательно делали вид, что они не при делах и оказались в ординаторской случайно.

– Вы не могли бы нам помочь? – поймал я ближайшего молодого доктора лет тридцати. – Отведите нас, пожалуйста, в отделение, где Инна Жарикова сейчас лежит. Мы её родственники. Я брат, а это – муж.

– Вас туда не пустят, – сразу заявил он.

– Ну, мы, хотя бы, с доктором лечащим или дежурным поговорим, – настаивал я. – Операция была вчера, а мы понять не можем, что там с роженицей.

– Ну, если так, то пойдёмте, – быстро согласился он. Похоже, решил, что лучше пусть кто-то другой перед нами отдувается. Не нравится мне всё это, ой, как не нравится.

Пётр мрачнел всё больше и больше, то ли после вчерашнего ещё не отошёл, то ли, тоже почувствовал, что дело неладно. Поджав губы, он молча шёл за нами с доктором.

Переходами и коридорами тот привёл нас к двойным дверям с надписью «Отделение интенсивной терапии», велел

оставаться в коридоре, а сам скрылся внутри.

Вскоре он вышел с другим доктором и представил ему нас: кто из нас муж, кто брат. Доктор из реанимации тут же переключился на Петра.

– Дежурный врач Волков, – протянул он ему руку. – Знаете, как у нас хирурги говорят? Нет ничего хуже оперировать друзей, родственников и других медиков.

– Что с ней? – спросил Пётр, сильно побледнев. Немудрено, после такого-то начала.

– Вот, и не верь после этого в приметы, – продолжал готовить нас к чему-то Волков. – Если может случиться что-то непредвиденное, то обязательно случится, уже сколько раз убеждался...

Да говори уже! – подумал я, начиная раздражаться. Какой-то предельно странный у Волкова способ объяснять, что с больным. Он так умело нагнетает атмосферу, что ему бы сценарии писать для ужастиков подошло бы очень хорошо... Хотя это пока в СССР совсем невостребованный талант.

– Эта операция проводится под общим наркозом, – наконец, перешёл к сути Волков. – С самого начала начались проблемы. То трубку не могли вставить, потом кровотечение...

– Как она сейчас? – не выдержал я.

– Пришла в себя, в сознании, состояние тяжёлое, но стабильное. Мы проводим антибиотикопрофилактику. Она останется у нас под наблюдением ещё минимум недели полторы.

– У вас все лекарства есть? – поинтересовался я. – Что-нибудь нужно?

– Пока всё есть, – ответил Волков. – Сейчас главное, терпение. Ей понадобится время, чтобы восстановиться.

– Спасибо, доктор, – протянули мы с Петром ему руки на прощанье. – Передайте ей, пожалуйста, что мы приходили и очень за неё беспокоимся, – попросил я. – Пусть ни о чём не волнуется, главное, сама, пусть, поправляется.

– Конечно, передам, – пообещал Волков и вернулся к себе в отделение.

– Ничего же не предвещало, – прошептал Пётр. Для него всё это оказалось как гром среди ясного неба.

– Всё будет хорошо, – сочувственно сказал я и похлопал его по плечу.

– Остаётся большой риск инфекционных осложнений, – зачем-то сказал Инкин коллега.

– Умеете вы успокоить, – укоризненно посмотрел я на него.

– Говорю, как есть, – немного смутившись, ответил он. – Рассчитывайте, что она не скоро в строй встанет. С новорожденным вам самим первое время придётся справляться. В лучшем случае, пока у неё швы зарастут...

– Я родителям позвоню, – задумчиво проговорил Пётр. – Они давно хотели приехать, вчера им сказал, что всё хорошо, сами справимся... А получается, что нет.

Во как! Про родителей Петра я вообще ничего не знал.

Уже начал думать, что он сирота. Инку же нельзя спросить, она обидится, решит, что мне так фиолетово, кто родители у ее мужа, что я уже и позабыл. Нельзя же ей сказать, что я в этом теле недавно, и не знаю всего того, что мой предшественник знал? Ну вот теперь и будет хороший повод познакомиться...

– А когда, кстати, нам малыша отдадут? – поинтересовался я примирительным тоном у доктора.

– Думаю, как обычно, на пятый день. С мальчишкой же всё хорошо, – опять сочувственно взглянул на Петра доктор. Вот, чувствует мое сердце, что-то он недоговаривает.

– Спасибо вам большое, – повернулся я к нему. – Мой номер домашний у вас в ординаторской есть, если что-то понадобится, лекарства там, не знаю, ещё что-то, звоните в любое время дня и ночи. Мы все достанем, хоть, чёрта лысого с Луны.

– Ну раз так... Достаньте, тогда, сразу ей антибиотик импортный, а то нашим печень ей посадим, – сразу оживился доктор. – Перед операцией пила, сейчас только для профилактики будут ещё пять дней давать, а если инфекция какая разовьётся, то там неизвестно, сколько ещё лечить придётся.

Вот же блин! А Волков – молчал, типа, все есть. Что за непонятки? Почему случайный коллега больше заинтересован в выздоровлении пациентки, чем ее лечащий врач?

Мы зашли в ординаторскую. Наш спутник объяснил ситуацию, что у нас есть возможности по импортным лекарствам,

и медики всем коллективом начали решать, что лучше приобрести для Инны. Один антибиотик превратился в три разных препарата, видимо, для разных целей. Специально сам записывал названия, чтобы мог потом прочесть.

Ладно, сказал «А», говори «Б». Сейчас доберусь до ближайшего телефонного автомата и буду опять звонить Римме Сатчан. Возможно, в Кремлевской больнице и удастся достать что-то из этого списка.

Римма оказалась дома. Проконсультировался с ней по поводу состояния сестры и лекарств. Одно она мне точно пообещала. Со вторым, сказала, возможно, тоже поможет. Но третий препарат большая редкость, его пациенты сами достают какими-то правдами и неправдами.

Поблагодарил её. И набрал Фирдауса. На импортные «правды-неправды» у меня, из всех знакомых, только он способен. Хотя, можно же еще и генерала Балдина попросить... Ладно, если Фирдаус не справится, тогда уже и его дернем, куда мы денемся.

Объяснил ситуацию, Фирдаус проникся и сразу пообещал поспрашивать среди своей диаспоры, не едет ли кто-то в ближайшее время в Союз. Может, и удастся привезти это лекарство, попросил его, на всякий случай, и второй препарат из списка привезти, что Римма не гарантировала.

Что же делать? А если у Фирдауса не получится? Дернуть все же Балдина? Хотя, что-то я позабыл про другой контакт, к которому вообще ни разу с просьбой не обращался.

У нас же есть знакомые дипломаты! Позвонил Шадриним, трубку взяла Виктория Францевна, решил, что это и к лучшему. Рассказал ей всё, как есть, что сестру прокесарили, было кровотечение, состояние стабильно тяжёлое. Но медики ещё намекают на возможность инфекционных осложнений. То ли температура держится высокая, то ли сами что-то накосячили во время операции и уже по опыту знают, что без последствий не обойдётся. Советуют два импортных препарата приобрести, чтобы печень ей не угробить. Она выслушала меня и записала названия лекарств.

– Паш, будем надеяться, – сказала она мне, – что у сестры твоей молодой, здоровый организм и она поправится без тяжёлых последствий. Надеяться надо всегда на лучшее. Но ты правильно делаешь, что не пускаешь ситуацию на самотёк. Это очень разумно. Я попробую вам помочь. Сделаю всё, что смогу.

Заранее поблагодарил её за хлопоты. Эх, надо было вчера начать суетиться. Почувствовал же, что темнят что-то медики. Но ладно, сеть раскинул широко. Может, хоть у кого-то получится лекарства добыть.

В СССР только так – не имей сто рублей, а имей сто друзей. И чтобы у них связи были хорошие. И тогда сразу возможности широкие будут в сложной ситуации.

Приехали с Петром к нам на Щербаковскую, показал ему, где у нас почтовое отделение, и он побежал звонить родителям.

А у нас у подъезда уже стоит знакомая копейка. Мать с Ахмадом приехали уже. Вот и хорошо.

Поднялся в квартиру, а там все на ушах. Алироевы минут двадцать, оказывается, только как приехали, все ещё не успели наобниматься и встрече порадоваться.

Только я вошёл, на меня все переключились, накинулись с вопросами. Аришка подскочила, тут же попросилась на ручки. Взял ее, умильная она, все же. Сразу как-то эмоционально полегче стало. Начал объяснять текущую ситуацию.

– Спокойно, спокойно. Проблемы были, операция прошла с осложнениями и длилась дольше обычного, а это общий наркоз. Но сейчас Инна в сознании, отходит от операции, состояние ещё тяжёлое. Нас к ней и близко не пустили. Будем надеяться, что молодой здоровый организм со всем справится. Правда, медики уже предупредили, что восстанавливаться она будет дольше обычного. Посоветовали импортных лекарств достать, мы уже зарядили всех, кого могли, на поиски. Одно точно скоро достанем, по двум остальным очень серьезные люди будут искать, так что, думаю, достанем в течение нескольких дней и эти лекарства.

Все помрачнели. Нехорошо...

– Так что, товарищи, – решил я переключить их внимание, – малыш, первое время, будет на нас. Нам отдадут его на пятый день, я посчитал, это будет среда.

– Искусственного питания надо где-то достать, – сразу озадачилась мама. – Что с детским приданным?

– Мы кое-что уже приготовили, – ответила ей Никифорова, переглянувшись с Галией, – но этого мало.

– Я Аришкины маленькие вещички привезла, и пеленки, – добавила мама. – Полный багажник.

Родька бегал по всей квартире с Аришкой, Тузик за ними. Малому очень нравилось нянчиться с нашей мелкой, сразу почувствовал себя таким взрослым на ее фоне.

– Где нам питания достать? – вопросительно посмотрела на меня мама.

– А какое нам надо? – спросил я.

– Хоть какое. Только не «Малыш», у Аришки от него диатез был.

– Я понял, – ответил я и пошёл опять звонить Фирдаусу.

– Выручай, – умоляюще попросил я его, – сестру ещё какое-то время в больнице продержат, а младенца отдадут в среду. Нам бы детского питания хорошего.

– Какое именно вам надо? – тут же уточнил Фирдаус.

– Да я без понятия, какое оно бывает, – откровенно ответил я. – Главное, возраст от ноля. И не отечественное.

– Я понял, – ответил он и быстро попрощался.

Вскоре пришёл Пётр. По его озабоченному виду я понял, что что-то не совсем гладко.

– Мама в понедельник попробует взять отпуск вне графика, думает, что ей пойдут навстречу. Папа на работе не сможет надолго отпроситься. Возьмёт неделю за свой счёт. Когда смогут выехать, точно не знают. Хотят приехать вместе,

а потом отец вернётся через неделю, а мама останется на месяц.

– А напомни, далеко им ехать? – максимально туманно поинтересовался я.

– Караганда.

– Надеюсь, на самолёте полетят, – озадачено сказал я. – А то батя твой всю неделю в дороге проведёт.

– Ну да, скорее всего, на самолёте. Главное, чтобы билеты добыли. Съездим, встретим их в аэропорту?

– Попробуем, – ответил я, сразу подумав о начинающейся сессии. – Но, если самолёт прилетит в разгар учебного дня, придётся тебе как-то без меня выкручиваться. Такси возмешь.

– Так, давайте-ка, все за стол, – опомнилась Никифоровна.

Выпили за здоровье Инны и малыша, потом за встречу и знакомство. Воспряли, хоть, немного духом, а то переволновались все, конечно. Неведение страшнее любой правды.

Галия повела маму в нашу спальню показывать детское приданное, что они с Никифоровной подкупили, чтобы понять, чего ещё не хватает. Пётр им сказал, что Инна тоже много чего уже приготовила. Он завтра всё привезёт. С учетом того, что мама привезла, должно точно хватить.

Мы с Никифоровной, Ахмадом, Петром и Егорычем остались на кухне, чтобы обсудить ближайшие планы.

– Малыша мы, наверное, привезём сначала сюда, – пред-

ложил я. – маме будет здесь удобнее, чем в деревне, всё-таки вода горячая и канализация под рукой. А как твои придут, – обратился я к Петру, – перевезём малыша к вам. Кстати, как вы с Инной решили сына назвать?

– Так и не решили, – хмуро ответил зять. – Она хотела Александром, а я Михаилом.

– Ну, уступи ей, пожалуйста, – попросила Апполинария, – она и так уже намучилась ради него, и никто не знает, что ей ещё предстоит.

– Само собой, – кивнул зять.

– Сашка, значит, – улыбнулся Егорыч.

– Мне завтра с утра надо домой возвращаться, – сказал Ахмад, – в понедельник на работу. В отпуск приеду в следующую субботу уже на месяц.

– Мы с Аннушкой и Родькой хотели в деревню сегодня уехать, – переглянувшись с Никифоровной, сказал Егорыч, – а то у вас тут и так народу много.

– Да и Эля с Трофимом там не знают ничего, – добавила Никифоровна, – с ума, небось, сходят.

– Хорошо, мы справимся, – не очень уверенно сказал я, а мысленно добавил: наверное. Мама, конечно, женщина ещё молодая, но справиться с двумя маленькими детьми... Придётся поделиться стратегическими запасами памперсов, хотя бы, на то время, пока мама Петра не придет и не заберёт малыша. – Жаль, что вы с бабушкой работаете, – взглянул я на Никифоровну, – а то Аришку тоже в деревню взя-

ли бы.

– А что? Мы, разве, не справимся? – выпрямился за столом Егорыч. – Смотри, как Родька с ней подружился.

– Эля по полдня работает, – добавила Никифоровна. – И я сутки отдежурила, три дома.

– Да кто её знает, – с сомнением ответил я. – Пока мама тут, она играет, а только потеряет её из виду, небось, орать начнёт, – предположил я. – Хотя, давайте, мы завтра тоже приедем в деревню. Там цыплята... Может, она, и правда, останется?

– Да она сколько с прабабушкой оставалась? – напомнил Пётр. – Вспомнит.

– Паш, давай, пока, машину разгрузим, – попросил Ахмад, – мы там и коляску привезли Аришкину.

– О молодцы! – обрадовался я. – А то я всё думал, как двоих детей в одной кроватке разместить. К тому же опасно это. А так, младенец, пока, в коляске поспит.

Пока мы разматывали верёвки на багажнике и отвязывали коляску, подъехали Диана с Фирдаусом. Сестра с крайне озабоченным видом держала в руках два больших свёртка, а Фирдаус принялся помогать нам.

С его помощью мы за один раз перенесли и коляску и два чемодана и какие-то сумки.

Диана поспешила в спальню, увидев там Галию. Ох, там же мама. И как она отнесётся к Дианке? Она же до сих пор злится, когда даже разговор заведешь про других детей

Тараса. А тут – лично Дианка приехала. Поспешил за ней, чтобы вмешаться, если что-то пойдёт не так.

Диана стремительно вошла, озабоченно со всеми поздоровалась и начала распаковывать свои свёртки.

– Я взяла несколько разных банок, – начала она, глядя на маму, – вы попробуйте обе, а потом скажете, какая лучше, мы ещё такой купим.

Диана протянула маме две большие импортные банки сухой молочной смеси. Мама растеряно взяла их в руки.

– Тут же всё не по-нашему, – проговорила она. Голос её задрожал, она явно была выбита из колеи. На глазах заблестели слёзы.

– Мумуль, ну ты чего? – подскочил я к ней.

– Спасибо, – попробовала улыбнуться она Диане, но разревелась, уткнувшись мне в грудь.

Только этого не хватало. Перенервничала, бедная. Но главное, похоже, теперь с Дианой у нее будут хорошие отношения. Такую помощь в беде она забыть не сможет, человек она благодарный.

– Всё будет хорошо, – успокаивал я её. – Всё будет хорошо, и Инна поправится, и с малышом справимся. Где наша не пропадала?

– Давайте, я попробую перевести, что написано на французской банке, – тут же предложила Диана. – А Фирдаус мне поможет, если не справлюсь, и английскую инструкцию переведёт. Тут я уже пас.

Она схватила обе банки, попросила у меня бумагу и карандаш и пошла за стол на кухню.

Принёс ей тетрадных листов и два карандаша. Они с Фирдаусом засели за перевод. А Никифоровна начала собираться домой. Егорыч с Родькой тоже пошли к себе собираться. Аришка хотела идти с ними, хороший знак. Пообещал ей, что завтра на машине в деревню к ним поедем вместе с пёсиком. Тем более, что Тузик ее тоже очаровал, она только за ним и бегала с радостным писком. Эльвира плюс Родька, плюс Тузик, плюс цыплята – думаю, с такой мощной приманкой она деревню покидать не захочет.

Вскоре Гончаровы зашли за Никифоровной, и мы попрощались с ними до завтра. Часть своих вещей Никифоровна оставила, чтобы в руках не тащить. Мы завтра привезём.

Пока Эль Хажжи в компании Петра на кухне переводили, как правильно разводить детскую смесь, позвал Ахмада к нам в спальню. Наконец-то у меня появилась возможность подарить маме шубу. Да и будет неплохая терапия от стресса.

Попросил маму встать. Открыл дверцу шкафа, достал одну из шуб, одновременно сверяясь взглядом с женой, правильно я шубу выбрал? Галия кивнула, догадавшись, что сейчас будет, и тоже встала.

– Мамуль! – торжественно начал я. – Со мной тут за одну большую работу шубками женскими расплатились. Я одну подарил Галие, вторую хочу подарить тебе. Примерь.

Я накинул ей на плечи норковое манто. В спальне повис-

ла звенящая тишина. У мамы глаза округлились от удивления, она неподвижно стояла перед гардеробным зеркалом. Только Аришка, увидев натуральный мех, с довольным визгом бросилась его щупать, прижимаясь щёчкой и поглаживая ручонками.

Мама растерянно смотрела на меня, потом перевела взгляд на Ахмада. Тот тоже никак не ожидал такого.

– Ну, что вы... такой подарок, – залепетала смущённо мама. – Не надо. Слишком дорого...

Галия достала свою шубку, надела и встала рядом, улыбаясь.

– Мамуль, я очень хочу, чтобы у тебя тоже была такая шубка, – настойчиво ответил я. – Ты заслужила. Ты столько сил отдала нам, своим детям и внукам. Это твоё. Только не вздумай опять отказать себе в удовольствии ради других, и передарить шубу кому-нибудь. Это тебе и только тебе. А то я сильно обижусь.

Галия помогла маме застегнуть клипсы на манто и поправила воротник. Мама вовсю хлюпала носом. Но улыбалась. Счастлива, но как-то неуверенно. Поверить никак не может?

– Вам очень идёт, – жена принялась разглядывать своё и мамино отражение в зеркале, а потом взглянула на меня с такой гордостью, что я не смог сдержать довольную улыбку.

– Очень прошу, – повернулся я к Ахмаду. – Проследи, пожалуйста, чтобы мама сама её носила. А то она же с себя последнее снимет ради других. А я хочу, чтобы она сама на-

сладилась моим подарком.

– Прослежу, – зыркнул на меня как-то странно Ахмад. Он что, приревновал? Ну, вот... Вроде, умный мужик...

Глава 13

г. Москва. Квартира Ивлевых.

Тут Эль Хажжи закончили перевод этикеток и заглянули в спальню.

– Ой, как вам к лицу! – искренне воскликнула Диана, глядя на маму.

Та смутилась и спрятала лицо в воротник.

– Вы все красавицы, – заявил, улыбнувшись Фирдаус. – Нам уже пора. Если ещё что-то надо будет, сразу звоните. Мы инструкции перевели и положили под банки, не перепутайте.

– Спасибо, – протянул я ему руку, – чем обязан за питание?

– Ничем.

– Но...

– Нам нельзя за такое деньги брать, – ответил он на мой удивлённо-вопросительный взгляд.

Надо же, какие у них интересные культурные традиции!

– Спасибо вам огромное! – искренне воскликнула мама.

– Спасибо, – протянул Фирдаусу руку Ахмад.

Галия повесила свою шубу в шкаф и поспешила за мной в прихожую провожать Эль Хажжей.

Вскоре к нам присоединились и Алироевы, мама так и была в шубе, Аришка пряталась под ней и выглядывала, шкод-

ливо глядя на нас.

Подошёл Пётр и молча обнял нашего араба на прощанье. Что уж там у них произошло на кухне? Пока я маме шубу дарил.

Диана с Фирдаусом ушли. Вскоре за ними уехал и зять. Он попытался обнять свою малую на прощанье, но с таким несчастным видом, что она вырвалась от него и спряталась за мамой. Мы убрали детское питание в разные шкафы на кухне, положив перевод инструкций сверху на банки, чтобы не перепутать, и сели опять за стол.

– Во сколько ты хочешь завтра стартовать домой? – спросил я Ахмада.

– Как проснёмся, – ответил он. – Надо выспаться.

– Тогда, давайте, уже ложиться, – предложил я, чувствуя, что и сам набегался за сегодняшний день.

Только зашёл в спальню, телефон зазвонил. Батя интересовался, когда Инну с малышом будут выписывать? Блин, ему же никто не сказал, что Инна в реанимации до сих пор.

– Пап, тут такое дело... Малого выпишут в среду, а Инна, пока, останется в больнице, – подбирая слова, сказал я. – Во время операции не всё гладко прошло, кровотечение было, она будет восстанавливаться дольше, чем обычно.

– Как же так? – растерянно спросил отец.

– Выйдет из реанимации и расскажет, – уверенно ответил я. – Нас с Петром к ней не пустили. Медики с нами не особо откровенничают. Переведут её в обычную палату,

вот всё и узнаем.

Попытался как мог успокоить его и попрощался. Мы разошлись по комнатам. Галия с мамой ещё походили туда-сюда с постельным бельём, а я не заметил, как задремал.

* * *

Большая комната в квартире Ивлевых.

Ахмад задумчиво смотрел на жену. Говорить, не говорить ей сколько стоит этот подарочек? — думал он. — Так радуется, прямо, жалко расстраивать. Ладно, пусть... Но с Пашкой придётся очень серьёзно поговорить. Кто и за что заплатил ему столько денег?! За какие такие выдающиеся заслуги? Две шубы тысячи по три-четыре каждая! Это же уму непостижимо.

Отметил он и новую мебель, и холодильник со стиральной машиной. Квартира уже практически была обставлена. Невероятно быстро для семьи из провинции, обучающейся на первом курсе... Как это, вообще, возможно?

Единственная возникшая версия, помимо подарков со свадьбы, денег все же тогда подарили прилично — может быть, это Загит Пашке поддержку такую оказывает по материальной части? Дочке помогает? Может быть, расщедрился по случаю беременности? Но сколько денег может дать пожарный? Он же не начальник большой, вряд ли у него зарплата такая уж большая.

Как бы это разузнать? Но если Загит такие суммы подкидывает, что молодая семья ни в чем не нуждается, и может себе позволить «лишнюю» шубу подарить его жене, то ему должно быть стыдно. Он, хоть и не родной отец Пашке, но не должен в стороне стоять. Стыдно.

Так, родной отец... Про него-то он и позабыл. Может, ему отец помогает, Тарас? Вот этот да, большой человек по меркам Святославля. Может, и по московским тоже. Или оба, и Загит, и Тарас? Надо выяснять!

* * *

Большая комната в квартире Ивлевых.

Аполлинария укладывала Аришку. А той в новой кровати было непривычно и интересно всё вокруг. Она разглядывала новую обстановку, игралась с бабушкиной новой шубкой и никак не хотела засыпать.

– Слишком много впечатлений, перевозбудился ребёнок, – сказала Аполлинария снимая, наконец, шубу и складывая её в сумку, с которой муж должен завтра ехать домой. – Заверни шубу в простынь вместе с вешалкой и повесь так в шкаф, ладно?

– Зачем её в простынь заворачивать? – задумчиво спросил Ахмад?.

– Чтобы мошь не поела. А что такой смурной? – Апполинария отошла от детской кровати и присела на диван рядом

с уже улёгшимся мужем.

– Да неприятно мне! Должна же сама понимать? Это я должен был тебе шубу подарить, а не твой пацан.

– У них тут в Москве совсем другие возможности, – примирительно ответила ему жена. – Посмотри, импортную смесь молочную по первому зову привезли. Двух видов на выбор! Попробуйте, сказали, какая понравится, такую в следующий раз и привезём. А у нас, как Никифоровна уехала, прежних возможностей больше нет... Так мы и так столько лет при ней были счастливы, что добыть можно было разный дефицит. Теперь вот живем как все остальные...

– Ну и что, – не сдавался Ахмад, продолжая хмуриться.

– Дорогой, может, мама права, что зовёт нас поближе к Москве перебираться?

Ахмад только хмыкнул скептически. И что он так? Вон, какую шубку сынок подарил. В Москве совсем другая жизнь, другие возможности.

* * *

С утра не успели мы проснуться, как притарахтел на мотоцикле Пётр и привёз детское приданное, что Инна приготовила.

Ахмад начал собираться и попросил меня помочь ему вещи до машины донести. Вещей там было кот наплакал, поговорить без посторонних ушей хочет, – сразу догадался я.

Начал он издалека.

– Паша, а этот достаток – это потому что тебе Загит и Тарас помогают, да? Мебель, смотрю, почти вся уже есть в квартире. Техника. Шубы эти... Мне неудобно, получается, что мы с Апполинарией тебе самые бесполезные люди... И тут ты такой подарок делаешь матери...

– Да нет, я сам зарабатываю, как могу. Я же и в Свято-славле вертелся, помнишь? И в Москву оттуда не с пустыми руками приехал, несколько тысяч с собой привез.

– Несколько тысяч – это на мебель. А шубы эти две как «Волга» стоят. Паш, ты куда уже вляпался? – строго глядя на меня, спросил он. – Откуда шубы?

– Я же сказал, за работу со мной расплатились, – ответил я, стараясь скрыть улыбку. Хороший он мужик, за маму беспокоится, чтоб детишечки бестолковые не влипали в проблемы, и ей нервы не трепали. – Не беспокойся. Меня очень серьезные люди отблагодарили, им эти шубы – так, ерунда.

– Паша! Ты мне-то не рассказывай, – разволновался он. – Сколько такие шубы стоят? Тысячи четыре каждая? Это что надо было сделать, чтоб тебе такие деньги заплатили?

– Я тебе так скажу, – подошёл я к нему поближе, – я очень рад, что ты у меня есть и, как родной отец, обо мне беспокоишься. И мама с тобой расцвела, вон какая стала. Спасибо тебе, – я улыбнулся. – А насчёт денег... Дураков вокруг нет. Какую бы я работу для людей ни сделал, заплатили они за неё не в ущерб себе, уж поверь. И обошлись им эти шу-

бы гораздо дешевле, чем простым людям. Вот, например, ты знал, что Москвич, который нам с тобой в магазине продали бы за четыре с половиной тысячи, для предприятий продают за тысячу девятьсот? В два с половиной раза дешевле! Это я случайно узнал. И у меня есть все основания считать, что и с шубами также.

– Это зачем же так с людьми-то поступать? – ошарашено смотрел на меня Ахмад. – Двойную цену, получается, нам выставляют?

– Машины и шубы – это не предметы первой необходимости, – начал объяснять я. – Государство на предметах роскоши заработало побольше и пустило прибыль на дотации предметов первой необходимости. Ни в одной стране мира, например, хлеб, квартплата и проезд не стоят такие копейки, как у нас. Так что, смысл во всем этом, определённо, есть и, в первую очередь, для простых людей.

Ахмад заметно успокоился и кивнул. Ну и хорошо. Но как он на меня накинулся: «куда ты вляпался?!». Орёл, ничего не скажешь. Мама в надёжных руках.

Провожали Ахмада всей семьёй, вышли на улицу. Аришка снизошла, наконец, до отца, разрешила себя на руках поддержать. Ужас как отвыкла от него. Но ничего, маленькая совсем. Переберется к Петру с Инкой и через год-другой напрочь забудет, что ее в самом раннем детстве кто-то еще воспитывал. Грустно, учитывая, что позабудет про все хлопоты над ней Эльвиры и Апполинарии, но это так.

– Ждём тебя в следующую субботу, – пожал я его протянутую руку, – ни гвоздя, ни жезла.

Мама попросила позвонить ей с работы завтра прямо с утра, чтоб она не волновалась. Ахмад помахал нам рукой и уехал.

Вернувшись домой, женщины занялись детскими вещичками, а мы с Петром обсудили планы на день.

– Мы с мамой, Галией и Аришкой поедем сейчас в деревню, – поделился я нашими планами. – Если малая спокойно останется с бабушками, то мы её, пока, там и оставим. А то маме с двумя малышами тяжело будет.

– Я хотел в больницу съездить, – поделился Пётр, – может, Инну переведут сегодня в обычную палату.

– В любом случае надо ехать, – ответил я. – Даже если и не переведут, спроси в реанимации, что ей можно купить вкусенького и принеси, чтоб она чувствовала, что ты рядом. Да и справки наведи про состояние здоровья. Может, скажут, наконец, что-то более определённое?

Пётр кивнул и поднялся. Мы вместе вышли, он уехал, а я пошёл в гараж за машиной.

– Ну, что, дамы, вы готовы ехать? – заглянул я в большую комнату, вернувшись.

– Пять минут! – отозвалась мама.

Выехали мы только минут через сорок. Ну ладно, сам виноват: спросил не взять ли нам хлеба в деревню про запас, а то народу там много. Подал им идею, пришлось заехать

в магазин, естественно, купили не только хлеба.

Зато сколько радости было у Аришки и Родьки при встрече. Они сразу убежали цыплят смотреть. Мы с мамой переглянулись.

– Можно смело оставлять, – уверенно сказал я.

Воскресенье пролетело как один миг. Познакомили маму с Трофимом, представив его как соседа и друга семьи. Посидели за столом. Бабуля всё глаза прятала поначалу, видимо, Никифоровна предупредила, что семья уже в курсе, к кому, на самом деле, Трофим в гости ходит.

Пришлось сказать ей наедине пару слов, что мы с женой были счастливые, когда у нас было две бабушки, а теперь стали в два раза счастливее, когда у нас, возможно, появятся ещё и два дедушки. Ну это я, с дальним заходом – Никифоровна с Егорычем только же встретились, считай, всего несколько дней как познакомились. Но мало ли все и у них сложится. Тогда уже Эльвира маленько отошла.

Перед отъездом в Москву, жена потащила меня в традиционное турне до фермы и обратно искать нашего блудного кота. Мурчелло мы не нашли, но сторож сказал, что видал его не так давно с драным ухом.

Жена разволновалась, как же он с необработанной раной бегаёт, у него же случится заражение... Незаметно для неё покрутил у виска, глядя на сторожа. Мол, ты нашёл, вообще, кому говорить такие вещи? Он развёл руками в ответ, типа, не подумал.

Походили ещё вокруг фермы, подзывая кота, но, естественно, безо всякого толку. Еле уговорил жену оставить парня в покое. Он счастлив, участвует в турнирах за внимание прекрасных дам, и наслаждается жизнью. А что касается «ранения», то у кошек девять жизней, так что это не страшно.

Вернувшись в дом, застали у нас какую-то суету вокруг спального места для Аришки. Сначала мама хотела спать с ней на одной кровати. Но бабушка её отговорила.

– Не всегда же ты будешь с ней рядом спать, – возражала она, – днём спать её положишь, она и свалится с кровати.

– Давайте два кресла вместе составим, – предложил Трофим. – Она же маленькая совсем, ей там полно места будет и не скатится. Паша, сходи со мной, у меня два кресла есть подходящих.

Пошли к Трофиму. Поймал себя на мысли, что дома у него ни разу ещё не был. Конечно, если бы догадался раньше, что он бабуле понравился, я бы к нему присмотрелся.

Вошли в хату. Думал, дед живёт, как леший, а у него чистенько, скромненько, но культурно. Огромный книжный шкаф с книгами. Сотни три, не меньше.

Посмотрел, что дед читает и поразился. Мемуары, воспоминания, исторические романы, книги о войне, о спецслужбах и разведке. Трофим не подгонял меня, как будто специально привёл к себе. Занялся чем-то, симулируя бурную деятельность, перекладывая вещи с одного кресла на другое,

типа освобождая. Хитёр, бродяга. Ну, что же, знакомимся, значит.

Перешёл к фотографиям на стенах. Множество военных фото. Трофим закончил войну капитаном, на одном из фото разглядел на груди орден красной звезды.

– А ты в каких войсках служил? – поинтересовался я.

– Войсковая разведка, – буднично ответил Трофим.

– Ого, а орден красной звезды за что дали?

– Потом как-нибудь расскажу, – пообещал он. – Бери кресло.

– Ну, подожди, – добрался я до фото Трофима в парадной военной форме с множеством наград. Ну, Трофим! Ну, скромняга! Маскируется под замшелого деревенского деда просто блестяще... Привычка, что ли, с войны осталась, с такой-то профессией? Капитан разведки – это серьезно. Значит, он, как минимум, взводом руководил, да не обычных солдат. Элитой армии руководил! Разведка – это всегда элита.

Как представишь себе, что эти люди творили... Ползком, часами, по грязи или снегу, ползти от своих окопов к немецким, замирая каждый раз, как взлетит ракета. Улучить момент, чтобы ворваться во вражеские окопы, схватить языка, убить беззвучно тех, кто рядом с ним оказался... Потом еще более тяжелый обратный путь, надо же языка еще тащить. Малейшее невезение – и тут же на тебя обрушится град мин, пуль и снарядов...

И раз закончил войну капитаном, то начинал лейтенантом, или вообще рядовым, и десятками таких ходок в тыл врага до капитана вырос. Скорее всего, и ранен был не один раз. С такой профессией без ран всю войну не пройти.

Принесли с ним по креслу, составили их вместе. Женщины занялись благоустройством постельки для нашей Дюймовочки. В какой-то момент поймал на себе хитрый ухмыляющийся взгляд Трофима. За усами не видно было, но уверен, что он улыбался. Нравится ему, похоже, людей дурачить, прикидываясь деревенским простачком.

А бабуля разглядела, или сам открылся, когда бабуля понравилась. Она только кажется комиссаром в юбке, а в душе очень тонкой души человек. Ну, что ж. Дай-то бог, как говорится. Дети выросли, разлетелись, появилось время пожить и для себя.

И Никифоровна, видимо, глядя на них, решила дедом обзавестись. Хотя, если вспомнить, как Егорыч с лекарством к нам притащился, едва Никифоровну во дворе увидев... Ну, на ловца и зверь бежит, правильно все говорят.

Аришка осталась в деревне. Мама хотела с ней просто попрощаться, когда мы собрались вечером уезжать, позвала, а Аришка даже подходить не стала, вцепилась в Эльвиру и махала маме ручкой издали, мол, пока-пока. Все рассмеялись, поняв, что она опасается, что ее в город увезут. Забавно вышло, зря вообще боялись, что потребует ее в Москву везти... А Родьку, мы по договоренности с ним, тайком в го-

род прихватили, Аришка и не поняла, что он с нами в город уедет. Егорыч думал-думал, но все же не решился его оставлять, как вначале планировал. Решил, что последние дни школы пусть все же доходит.

* * *

Москва. Выставка «Художники Подмосковья»

Лина безучастно бродила по залам выставки, куда притащила её подруга.

– Тебе надо сменить обстановку, – говорила она. – И выражение лица сменить. У тебя на нем написано «Оставьте меня все в покое!» Так нельзя. С кем ты в таком виде познакомишься? Поедем на выставку, потренируешься улыбаться мужикам.

Лина поехала на эту выставку только, чтобы убедиться, что ей совсем не это нужно. В нескольких просторных залах были представлены работы как художников, так и мастеров традиционных ремёсел.

– Картины ещё можно было бы посмотреть, но это... – Лина презрительно сморщилась, глядя на деревянную посуду.

– Значит, в следующий раз пойдём в Третьяковку, – заявила Лидия.

Лучше бы я промолчала, – с тоской подумала Лина.

Однако у витрины с фаянсовыми сервизами обе девушки охотно задержались, почувствовав практический интерес.

Наивно было ожидать, — думала Лина, разглядывая привлекательно выглядящую посуду разнообразной формы и расцветки, — что здесь можно встретить стоящего мужчину, но, хотя бы, глаз порадует.

* * *

Вернулись в Москву, успел только вещи занести, как раздался звонок. Звонил Сатчан.

— Ты дома? — без приветствия спросил он. — Мы сейчас подъедем, Римма лекарства достала.

Не успел ничего сказать, а он уже бросил трубку. Ну слава богу, хоть что-то отвезём в больницу.

Они приехали через полчаса, вдвоём с Риммой. Привезли два наименования лекарств из моего списка. Мама расплакалась опять, успокаивали её все вместе. Галия быстренько чай организовала.

— Что у тебя с Верховным Советом? — спросил Сатчан.

— Проверки до сих пор прохожу, — пожал я плечами.

— Ну, там да, столько согласований, — согласился он. — Как устроишься, сразу Галию к Римме отправляй, как члена семьи сотрудника.

— Да, чем быстрее, тем лучше, — добавила Римма. — У нас диагностика самая лучшая и врачи, — многозначительно посмотрела она на Галию.

— Ой, а мы хотели июль и август в Паланге в Прибалтике

провести, – растерянно взглянула жена на меня.

– Море – это очень хорошо, прекрасный способ здоровье укрепить перед родами. Но, врачу-то, всё равно, надо регулярно показываться, – возразила Римма, – Или вы собираетесь два месяца вообще к врачу не ходить?

– Я думал, там на месте договорюсь в местной поликлинике, чтоб Галию наблюдали, – ответил я.

Не стал признаваться, что то, что Галию можно будет вполне легально отправить в Кремлевку, я упустил. Спасибо Сатчану, подсказал.

– Ну, ты давай на работу в Кремль устраивайся, – сказал Сатчан, – а открепиться в ближайшую поликлинику на время отдыха всегда можно. Что там у нас поблизости? В Клайпеде, наверняка, что-то найдётся. Да? – посмотрел он на жену.

– У меня по географии тройка должна была быть, – смущённо пожала плечами Римма.

– Ладно, там разберёмся, – ответил я. – Сначала надо на работу устроиться.

Они засобирались. Проводил их до машины. Деньги за лекарства Сатчаны взять категорически отказались.

Вернулся домой, а за столом мама сидит с круглыми от удивления глазами.

– Ты, правда, в Кремль на работу устраиваешься? – воскликнула она.

– Ну, вроде как, – подтвердил я.

– А что ты молчишь? – ошарашенно спросила она.

– Так, о чём говорить-то? Несолидно. Сначала надо устроиться. Вот, получил бы удостоверение сотрудника канцелярии Верховного совета СССР, тогда бы и похвастался. А пока рано, – обнял я её и поцеловал в щёчку. – Не зря же говорят: не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

– И у тебя сил хватает молчать о таком, – удивилась мама. – Я бы не выдержала.

– Жизнь научила, – улыбнулся я, начиная собираться. Решил сразу лекарства в Бурденко отвезти. В реанимации и двенадцать часов имеют значение. – Не зря же говорят: счастье любит тишину.

– И то верно, – согласилась мама. – Когда только тебя жизнь научить успела! Но молодец, сынок, что так рано умные вещи понимаешь. Куда ты собираешься?

– Лекарства Инне отвезу.

– А тебя пустят? Поздно же уже?

– У меня есть универсальный пропуск, – показал я маме трояк.

– Как же ты повзрослел в Москве, – вдруг сказала мама.

Улыбнулся ей, чмокнул жену в макушку и поехал в больницу. Знала бы мама, насколько я повзрослел, – думал я по дороге. – Только Москва тут не причём.

Тоже, проникнув внутрь, попытался что-то выяснить о судьбе Инны. На Петра надежды не было, неопытный он совсем еще. Какое там! Мне в такое позднее время совсем

не были рады. Только и удалось, что сунуть лекарства одному из тех врачей, что в отделении оториноларингологии в прошлый раз приметил. Тот клятвенно пообещал немедленно их передать, и хвалил меня, что так оперативно достал нужное.

В понедельник мама осталась дома, а мы с женой уехали на учёбу. Так и не сделал маме ещё комплект ключей, оставил ей свои и деньги, рассказал, где у нас рынок. Там можно сделать ключи. Дождётся звонка Ахмада или сама позвонит, и больше делать будет нечего, начнёт ещё опять беспокоиться, о плохом думать. А так, хоть отвлечётся на время. По рынку погуляет.

Перед первой же парой ко мне подошёл Витя Макаров и озабоченно поинтересовался, как себя чувствует моя сестра?

– Сумели достать только это, – вручил он мне две коробочки с лекарствами, – но сказали, что это то же самое, что ты просил. Я в этом не разбираюсь, но, надеюсь, поможет.

– Ой, это Виктория Францевна организовала? – растроганно спросил я. – Спасибо! Кому я должен?

– Да никому. О чём ты? – с недоумением ответил Витя.

Сокурсники с интересом прислушивались к нашему разговору. Занятия ещё не начались.

– Жень, сестра в реанимации, – обратился я при всех к Булатову. – Метнусь быстренько в больницу, лекарства отвезу, прикрой, пожалуйста.

– Не вопрос, – ответил он.

Добрался я довольно быстро. Но снова мне так и не ответили, что с Инной творится. Явно все же что-то накосячили во время кесарева, и молчат, как партизаны, прикрывая хирурга, сделал я совсем неутешительный вывод. Главное, чтобы косяк не слишком большой был... Эх, никаких нервов с нашей медициной не хватает...

Успел вернуться к началу второй пары и остаток дня прилежно отучился вместе со всеми. В большом перерыве позвонил Савостяку, уточнил, что там у нас с рейдом, удалось всех собрать на сегодня?

Глава 14

г. Москва.

Илья заверил меня, что все будут, договорились встретиться у проходной первой из двух фабрик в три часа.

* * *

Лубянка.

Капитан Румянцев постучал в кабинет полковника.

– Павел Евгеньевич, из секретариата Верховного Совета сообщили, что на этой неделе замначальника отдела кадров, который должен оформлять на работу Ивлева, взял бюллетень и наш человек может, теперь, лично заняться этим делом.

– Отлично, – снял очки и потёр переносицу полковник Воронин. – Передавай, тогда, срочно, их одобренный запрос на Ивлева, а то и так затянули.

– Есть! Разрешите исполнять? – радостно отчеканил капитан, предвкушая удачное завершение задания по вербовке Ивлева.

– Действуй, – разрешил полковник. – Только проследи, чтобы согласованный запрос сегодня же оказался в канцелярии Верховного Совета. Сам понимаешь, не в наших инте-

ресах затягивать.

– Есть.

* * *

В конце третьей пары меня вызвала из аудитории, прямо во время занятий, Эмма Эдуардовна.

– Павел, – взволнованно начала она, – звонили из отдела кадров секретариата Верховного Совета СССР. Тебя ждут завтра к одиннадцати в отделе кадров, пропуск заказан.

– Неужели? Проверка, наконец, завершилась? Я уж думал, они про меня забыли, – честно признался я.

– Учитывая, куда ты устраиваешься, не удивительно, что это заняло столько времени, – важно заметила она.

Так важно, словно сама в Кремль когда-то успешно устраивалась. Или это удовлетворение от чувства сопричастности?

– Спасибо! Получается, я завтра вторую пару пропущу...

– Ну, разумеется, – кивнула она. – Вернёшься завтра в университет, сразу ко мне, – велела она.

– Конечно, Эмма Эдуардовна, – чуть заметно улыбнулся я. – Вы будете первой, кто всё узнает.

Она пошла дальше по своим делам, а я вернулся в аудиторию. Итак, завтра в одиннадцать. Стали бы они меня вызывать, чтобы сообщить, что я что-то не прошёл и они меня не берут? Вряд ли. Значит, берут? Ну, что гадать, завтра всё

станет ясно.

Приехал на Язуу немного раньше и ждал ребят минут десять. Погода прекрасная, весна была ранняя, дружная. Трава уже кое-где до колена достаёт. Деревья уже полностью распустились, лето, да и только. Всё цветёт и благоухает, даже не верится, что всё это скоро выгорит под палящим солнцем.

Савостюк привёл своих, ещё раз представил меня своим девчонкам, не рассчитывая на их долгую память. Заодно я освежил в памяти, кто из них Вера, а кто Надежда. Помню, что в прошлый раз шутил по этому поводу, что Любви им в команде не хватает.

– Как твоя ласточка? – улыбаясь, поинтересовался Василий, пока мы ждали Савостюка, разбирающегося с охраной на проходной.

– Надо бы подъехать к тебе как-нибудь, чтобы ты посмотрел её, – ответил я.

– Так звони и приезжай, какие проблемы? – сразу предложил он.

– Немного разгребуть и обязательно приеду, – пообещал я.

Хорошо, однако, я устроился, – подумал, усмехнувшись про себя, – автослесарь уговаривает пригнать машину на ТО. Кому рассказать, не поверят. Для СССР это нонсенс.

Минут через десять нас пригласил пройти на территорию фабрики невзрачный мужичок средних лет, среднего роста. Представился заместителем директора фабрики.

– Коробко Алексей Иванович, – пожал он нам с парнями по очереди руки. Глаза у него бегали то ли от испуга, то ли от неожиданности.

– Можно узнать, чем обязаны такому вниманию? – поинтересовался он.

Разве их не предупреждают о подобных визитах? – думал я, пока Савостюк знакомил его с документами. Странно. У этих ребят что, нет своих людей в райкоме, которые могли бы предупредить? Маловероятно, не подмажешь, не поедешь. В смысле, в Москве руководителем фабрики не станешь, не имея блата и связей. Ну, да ладно, не моё это дело.

– И с чего бы вы хотели начать? – спросил замдиректора.

Начали мы с Красильно-аппретурной фабрики. Понятия не имею, чем она может заниматься и что красить.

– Алексей Иванович, – обратился я к нему, – а что ваша фабрика выпускает?

– Ничего не выпускает, – холодно посмотрел на меня Коробко. – Что привезут, то и красим.

– И что, например?

– Ткани, мех, кожу, другие материалы, – начал перечислять он.

О, то, что надо.

– Наверное, вредное производство? – поинтересовался я – Красители же химические? Давайте с очистных сооружений начнём, – предложил я.

– Получается, вы только красите материалы, которые в ка-

ких-то других производствах используются? – уточнил я у замдиректора, пока он вёл нас к очистным сооружениям.

– Получается, так, – согласился он.

Вряд ли Сатчана и компанию заинтересует производство без конечного результата. Скорее всего, они нацелились на вторую фабрику.

Очистные сооружения Красильно-аппретурной фабрики представляли из себя несколько заглублённых резервуаров, я бы сказал, бетонных колодцев, только сильно шире привычных нам всем. Они были последовательно соединены между собой. Определить качество очистки производственных стоков, хотя бы визуальное, не представляется возможным, так как сливается всё в городскую канализацию, а вскрывать колодцы и смотреть, что там, мы не стали, нам в задачу это не ставили. Нам надо было найти того, кто в реку гадит. Мы прошлись по территории, эта фабрика к реке, вообще, не выходит.

– Это не наш случай, – шепнул я Савостюку, – если только они под землю трубу не закопали под чужой территорией, что очень маловероятно. Но если закопали, нам на другой фабрике про это точно расскажут. Не захотят проблемы получить из-за чужих отходов.

– Фиксируем всё и уходим? – на всякий случай уточнил он, хотя и так всё ясно: надо идти на вторую фабрику.

Мы попрощались с удивлённым Коробко, он почему-то думал, что дальше мы пойдём к ним в цеха.

– У нас есть конкретная задача, – важно ответил ему Савостюк, – вот, мы её и выполняем.

Замдиректора проводил нас до проходной в полном недоумении. В глазах его читался немой вопрос: а чего приходили-то? Значит, в бумагах, что показал ему Савостюк, конкретную задачу рейда не указали, тоже, своя кухня, оказывается, но не хочется в это вникать. У меня и так голова пухнет. Вот заставит жизнь стать руководителем Комсомольского прожектора, тогда и буду разбираться. А пока я, как Шерлок Холмс: какой мне прок знать, что Земля вокруг Солнца вертится? У меня свои, конкретные задачи...

На второй фабрике, Камвольно-отделочной, о нашем визите были предупреждены. То ли с соседней фабрики коллеги стуканули, то ли у местного начальства, всё же, имеется крыша в райкоме.

Едва мы показались на проходной, откуда ни возьмись, появилась председатель профкома. Типичная бизнесвумен с короткой стрижкой и пышной укладкой, в строгом костюме с прямой юбкой, в туфлях на удобном невысоком каблучке. Представилась Валентиной Петровной. Пока она изучала направление Савостюка, появился главный инженер, подтянутый мужчина выше среднего роста с деловой хваткой, мельком глянул в бумаги, как будто уже и так знал, что там увидит и хорошо поставленным голосом представился:

– Глеб Николаевич Воздвиженский.

Затем он пожал нам всем руки. Даже девушкам.

– Прошу, – широким жестом предложил нам пройти на территорию фабрики.

Валентина Петровна пошла с нами. По тому, как мы уверенно приближались к одному из зданий фабрики, мне показалось, что нам собрались устроить экскурсию по предприятию. С точки зрения пользы для задания Комсомольского прожектора, бесполезная трата времени. Но с точки зрения интереса Сатчана к этой фабрике, можно и посмотреть, что тут у нас.

Оборудование... Грусть, тоска... на много чем еще клейма стояли 1930-х.

Продукция фабрики впечатления на меня тоже не произвела. Что было из натурального сырья, то выглядело так себе. А что было более-менее насыщенного цвета, то оказывалось голимой синтетикой. Хотя, в это время синтетика ещё в фаворе. Может, и будет толк с этой фабрики. А если им ещё оборудование поменять и какое-нибудь вязкозное полотно начать гнать, а не нейлон, то, вообще, прибыльное предприятие будет.

– Всё это прекрасно, но у нас немного другая цель, – сказал я, взглянув на часы. – Можно взглянуть на ваши очистные сооружения?

Воздвиженский скривился, как будто ему на больную мозоль наступили.

– Наша фабрика очень серьёзно относится к природоохранным вопросам. Уже приобретено новейшее оборудо-

вание, идёт монтаж новой системы очистки промышленных стоков, – начал заливать он и попытался топорно переключить наше внимание на другую тему. Илюха купился было, но я дёрнул незаметно его за рукав.

– Нет, спасибо, – тут же спохватился он, – нас именно очистные интересуют.

– Ну, посмотрите сами, – разочарованно развёл руками Воздвиженский, видимо, надеясь, что мы не поймём ничего.

Система очистки на этой фабрике состояла из кирпичного колодца диаметром метра два и слива через металлическую сетку стоков прямо в реку. Другими словами: система очистки отсутствовала. Сделали несколько снимков, но как снимать то, чего в природе нет? А трубы, выходящие прямо в реку, мы ещё в прошлый раз нафоткали во всех ракурсах.

В двух соседних корпусах и колодцев с сеткой не было. Зато мы наткнулись на большую горку деревянных ящиков разного размера, уже почерневших от времени и осадков. Моё внимание привлекли логотипы с латинскими буквами на ящиках.

Импортное оборудование, гниющее под открытым небом? Где-то я уже такое видел. Попытался прочитать, что же это такое. Сорбционный фильтр, жируловитель, какой-то сепаратор. Много не зья уже было прочесть от времени.

– Это что, и есть ваше новейшее оборудование? – догадался я, глядя на Воздвиженского. – Судя по состоянию ящи-

ков, оно тут уже лет пять стоит. Как-то процесс установки сильно затянулся, с моей точки зрения.

— Два года, — поправил он меня на автомате и сильно нахмурился.

К ящикам тут же подскочил Савостюк с фотоаппаратом. Будет ему, что в отчёт включить. И мне есть, что Сатчану доложить. Авось, этого будет достаточно, чтобы решить его задачи.

После фабрики поехал сразу в институт Бурденко в надежде застать Нину. Мне повезло, Нина была где-то в отделении, и девочки с сестринского поста быстро нашли мне её.

— Привет! — улыбаясь, поздоровалась она со мной ещё издали. — Пойдём, Инну в общую палату перевели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.